

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

РИНЦ

№ 3(14)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

МОСКВА, 2018

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам XIV международной
научно-практической конференции*

№ 3 (14)
Март 2018 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2018

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, г. Киев, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Воробьева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доц. кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета, Россия, г. Череповец;

Назаров Иван Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Государственного Бюджетного Учреждения Культуры г. Москвы, "Музей М.А. Булгакова", Россия, г. Москва.

НЗ4 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XIV междунар. науч.-практ. конф. – № 3(14). – М.: Изд. «МЦНО», 2018. – 154 с.

ISSN 2542-1271

Сборник входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.RU.

ISSN 2542-1271

ББК 71+80+85

© «МЦНО», 2018

Оглавление

Раздел 1. Искусствоведение	6
1.1. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура	6
ВНЕДРЕНИЕ СТИЛЯ ЛОФТ В НЕ ХАРАКТЕРНУЮ ДЛЯ НЕГО СРЕДУ Ковалёва Наталья Александровна	6
КИОТ ДЛЯ ИКОНЫ ПРЕПОДОБНОГО КИРИЛЛА БЕЛОЗЕРСКОГО: САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ И ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РОСПИСИ Шемякова Яна Владимировна	10
РАЗВИТИЕ АБСТРАКТНОГО ИСКУССТВА В КРЫМУ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА Ярулова Анастасия Игоревна	23
1.2. Музыкальное искусство	27
А.П. БОРОДИН. «МАЛЕНЬКАЯ СЮИТА» ДЛЯ ФОРТЕПИАНО, К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ЦИКЛА Боева Ирина Валентиновна	27
1.3. Техническая эстетика и дизайн	31
ПРИЧИНЫ ИНВАЛИДНОСТИ И ИННОВАЦИОННЫЕ РАЗРАБОТКИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО МЕСТА НА ПРОИЗВОДСТВЕ Хазюрова Анна Евгеньевна	31
Раздел 2. Литературоведение	36
2.1. Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	36
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНЕ НАТАНИЕЛЯ ГОТОРНА "АЛАЯ БУКВА" Катярова Софии Халиловна Сафарова Зера Адиль-Гареевна	36
2.2. Русская литература	40
ЭСТЕТИКА В.Г. БЕЛИНСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ АНАРХИЗМА М.А. БАКУНИНА Кислицына Ирина Леонидовна	40

2.3. Фольклористика	48
СМЕРТНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ КАК ОБЕРЕГ Сагаева Зарина Хасановна	48
Раздел 3. Языкознание	53
3.1. Германские языки	53
СКРЫТЫЙ СМЫСЛ В РАССКАЗЕ Э. ХЕМИНГУЭЙЯ «КОШКА ПОД ДОЖДЁМ» Ковальчук Светлана Сергеевна Шутова Елена Юрьевна	53
3.2. Русский язык	58
РОЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА В ОПТИМИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ В КОНТЕКСТЕ БИЛИНГВИЗМА Аббас Ясин Хамза	58
ЯЗЫК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ Аль Мугаммай Аззам Ахмад	66
ФЛЕКТИВНЫЙ ПЕРИОД АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб	74
ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОГО ЯЗЫКА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА) Аль-Хазраджи Ясер Аднан	86
ТЕРРОРИСТИЧЕСКО –АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РОССИЙСКИХ И ИРАКСКИХ СМИ Ахмед Абдулкарим Хамид	93
СВОЕОБРАЗИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКИ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ Драйсави Хуссейн Катим Маджди	97
УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ И ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА» Икрам Рзуки Таха	103
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ТЕКСТА ДЖ. ТОЛКИНА «THE NOVBIT, OR THERE AND BACK AGAIN») Самахер Хасан Давуд	110

ПАРНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Фомин Эдуард Валентинович	114
ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО Хамеед Акрам Азиз	118
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ) Юсра Акрам	127
3.3. Теория языка	132
ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ЧЕРЕЗ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА Долженков Валерий Николаевич	132
3.4. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	137
НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ЭКОЛИНГВИСТИКИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА Джурабаева Замира Ахмедовна	137
ВОПРОСЫ ДЕФИНИЦИИ АБСТРАКТНЫХ СЛОВ ОТ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ Хакимова Мухайё Каримовна	141
3.4. Языки народов российской федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	148
О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА Фомин Эдуард Валентинович	148

РАЗДЕЛ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

1.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНОПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ВНЕДРЕНИЕ СТИЛЯ ЛОФТ В НЕ ХАРАКТЕРНУЮ ДЛЯ НЕГО СРЕДУ

Ковалёва Наталья Александровна

магистрант

*ГОУК ЛНР Луганской государственной академии культуры
и искусств имени М. Матусовского,
Украина, г. Луганск*

THE INTRODUCTION OF LOFT STYLE IN A NON-TYPICAL ENVIRONMENT

Natalia Kovalyova

Master of Science

*GOUK LNR Lugansk State Academy of Culture
and Arts named after M. Matusovsky,
Ukraine, Lugansk*

Аннотация. Описывается применение стиля лофт в не характерную для такого стиля среду.

Abstract. The application of the loft style to a non-typical environment is described.

Ключевые слова: лофт; дизайн; стиль; дом; кирпич.

Keywords: loft; design; style; house; brick.

Актуальность темы. Современный стиль лофт в наши дни более распространен и начинает применяться в обычных квартирах и домах, в том числе и новой постройки. Данный стиль подкупает своей простотой и не обремененностью.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении применения стиля лофт в кирпичных домах.

Новизна исследования заключается в адаптации стиля лофт в нашу жизнь.

Изложение основного материала. Главным отличием стиля лофт является свободное, масштабное пространство с теплой и уютной атмосферой внутри, которая создается с помощью простых дизайнерских приемов. Изюминкой такого интерьера становятся обнаженные кирпичные стены, бетонные поверхности и предметы индустриального быта, выполненные из дерева, стекла или металла. Однако для того, чтобы наслаждаться этим стилем, необязательно менять свое привычное жилье на заброшенные склады или заводские помещения - достаточно следовать нескольким простым правилам декора стен, пола и потолков. При адаптации данного стиля в жизнь - наверняка будет смещение стилей, так как зачастую план дома или квартиры не предусматривает высокие потолки или большие окна.

Стены в стиле лофт представляют собой единую композицию, соответствующую по архитектурным, цветовым и дизайнерским параметрам одному и тому же конструкционному диапазону. Новое пространство должно выглядеть максимально просто и примитивно, а уже от стеновых конструкций разрабатывается дальнейшее оформление интерьера.

Наибольшей популярностью при отделке стен в стиле лофт пользуются такие виды материалов: [4, с. 119]

Кирпич является своеобразным акцентом этого стилевого направления: обнаженная кирпичная кладка идеально сочетается с другими поверхностями и крупноформатных предметами, используемыми в декоре. Кроме того, именно кирпич или его имитация считается основным элементом при создании масштабных поверхностей, присущих данному стилю. Цвет элементов кладки также может быть различным: от натуральной красной до белого кирпича, визуально расширяет даже самое тесное пространство.

Бетон. Мало ассоциируясь с привычным комфортом, в умелых руках мастера бетонная стена становится неотъемлемой частью лофт-интерьера. В зависимости от выбранной фактуры и способа нанесения, с помощью серой стены можно довольно точно обыграть, кажется на первый взгляд скучное пространство.

Дерево является самым теплым и домашним материалом, с помощью которого декор стен в стиле лофт становится настоящим вызовом для дизайнера: чтобы интерьер получился именно в этом стиле, используются грубо обтесанные или искусственно состаренные доски, а также окрашенные в индустриальные оттенки деревянные элементы. Кроме того, деревянная стена отлично сочетается с кирпичной кладкой, что может быть выгодно использовано для создания оригинальных архитектурных композиций даже в небольших помещениях.

Металл. Этот материал присутствует в дизайне стен в качестве отдельных элементов, которые акцентируют определенные части обработки: труб балок и металлических рам.

Штукатурка. Как правило, оштукатуренные стены в лофт интерьере выполняют функцию нейтральных поверхностей, на фоне которых акцентируются фактурные места, обработанные в заданной стилистике. Наилучшим образом с этой задачей справляются штукатурные смеси светлых и холодных оттенков.

Покраска. Как правило, предпочтение отдается краскам холодных оттенков, при этом допускаются яркие цветовые акценты. Еще один вариант оформления поверхностей в заданном стиле – роспись стен с помощью граффити, который присутствовал в индустриальных интерьерах еще при зарождении лофт.

Современные дизайнеры выбирают лофт для стен в интерьере через идеальное сочетание контрастности, яркости и смелости этого стиля. При этом обязательным условием такого оформления является наличие большого внутреннего пространства, высоких потолков и отсутствие внутренних перегородок, а также других ограничительных конструкций. Как варианты обустройства кирпичной стены в стиле лофт могут быть использованы: [1, с. 76]

- обнаженная кладка кирпичной стены;
- кирпич ручной формовки;
- клинкерная плитка;
- искусственный камень, по форме и фактуре имитирует кирпич.

Обнаженный кирпич - идеальный вариант для тех, кто хочет оригинально оформить стены в квартире, и в то же время сохранить историчность здания. Один из распространенных способов оформления лофт стены в интерьере - расчистка кирпичных элементов кладки от ранее нанесенной штукатурки и других отделочных материалов, если это позволяет качество самого рядового кирпича и кирпичной кладки [2, с. 142].

В случае, если при кладке использовалась не кирпич, а другой тип стенового материала, создать кирпичную кладку можно с помощью плитки под кирпич. Может использоваться клинкерная

плитка или плитка ручной формовки. С помощью клея для плитки клинкерные изделия надежно крепятся на бетонные, оштукатуренные и зашпаклеванные поверхности, эффектно имитируя необходимую фактурность. Кроме того, клинкерная плитка позволяет сохранить полезное пространство в доме, а по причине своей экономичности отлично подойдет для бюджетных ремонтов. Возможен вариант продольной резки кирпича ручной формовки на половинки - в результате получается материал, идеально подходит для облицовки стен под кирпич.

Также кирпичная кладка для стен в стиле лофт может быть оформлена с помощью декоративного искусственного камня на основе гипса или цемента. Гипсовые элементы отличаются простотой монтажа и легкостью, благодаря чему искусственный камень может крепиться даже на стены из гипсокартона.

Оформление стеновых конструкций с помощью вышеуказанных видов облицовочных материалов подойдет для небольших домов, где пространство не позволяет экспериментировать с громоздкими элементами. Прекрасно выглядит дизайн, в котором под кирпич оформлена только одна стена, при этом повторы ее «фрагментов» встречаются в различных частях жилого пространства.

Не исключается возможность окрашивания кирпичной кладки в стиле лофт - такой вариант оформления применяется при использовании расшитой кладки кирпича и декоративного камня. Для этого отлично подойдут окрасочные составы на основе акрила Green Line VD-Klasik 1 Optima или Green Line VD-Ultra silk с сохранением первоначальной фактуры кирпича, независимо от выбранного цвета [2, с. 132].

Выводы. Таким образом, выбирая стиль лофт для отделки стен в вашем кирпичном доме, приготовьтесь к смелым архитектурным и дизайнерским экспериментам, где одна и та же поверхность может выглядеть совершенно по-разному, в зависимости от выбранных эффектов. И не стоит забывать о качестве используемых материалов - оно должно соответствовать поставленным задачам.

Список литературы:

1. Змеул С.Г. Архитектурная типология зданий и сооружений. – М.: Стройиздат, 2001. – 240 с.
2. Змеул С.Г., Маханько Б.А. Архитектурная типология зданий и сооружений. - М.: «Архитектура - С», 2004. – 238 с.
3. Михеев А. Проектирование зданий и застройки с учетом климата. – М.: Стройиздат, 2002. – 192с.
4. Хасиева С.А. Архитектура городской среды. – М.: Стройиздат. 2001. – 200 с.

**КИОТ ДЛЯ ИКОНЫ ПРЕПОДОБНОГО КИРИЛЛА
БЕЛОЗЕРСКОГО: САКРАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ,
ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ
И ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РОСПИСИ**

Шемякова Яна Владимировна

*научный сотрудник научного отдела Кирилло-Белозерский
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник,
РФ, г. Кириллов*

**THE ARK FOR THE ICON OF ST. CYRIL BELOZERSKY:
THE SACRAL FUNCTION, THE DESIGN PECULIARITY
AND THE ICONOGRAPHIC PROGRAM OF PAINTING**

Yana Shemyakova

*the Scientific Department` Researcher,
Kirillo-Belozerski State Historical Architectural Art Museum-Reserve,
Russia, Kirillov*

Аннотация. В статье рассматриваются архитектурные особенности, живописно-декоративное убранство и сакральная функция киота, созданного для иконы Кирилла Белозерского около 1614 года. В ходе исследования прослеживается влияние событий Смутного времени и особенностей почитания реликвий святого Кирилла в Кирилло-Белозерском монастыре в XVII веке на специфику конструкции и иконографической программы росписи киота. Попутно уточняются особенности житийной иконографии святого.

Abstract. In the article the sacral function, the architectural peculiarity and the picturesque and decorative decoration of the Ark created for the icon of St. Cyril Belozersky around the 1614. During the research the influence of the Time of Troubles events and the peculiarities of worship to relics of St. Cyril in the Cyril-Belozersky Monastery in the 17th century on the specificity of the design and the iconographic program of the Ark's painting were traced. On the side the specifics of hagiographic iconography of Saint are refined.

Ключевые слова: Кирилл Белозерский; житийная иконография; реликвии Кирилла Белозерского; Дионисий Глушицкий; Никита Ермолов.

Keywords: St. Kirill Belozersky; hagiographic iconography; relics of St. Cyril Belozersky; St. Dionysius Glushitsky; Nikita Ermolov; Old Russian art.

Икона Кирилла Белозерского, написанная по преданию преподобным Дионисием Глушицким около 1424 г., еще при жизни святого аввы-основателя, обнаруживается самой древней сохранившейся описью Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. в местном ряду соборного иконостаса по правую сторону от царских врат, рядом с чудотворной иконой Богородицы Одигитрии [19, с. 44]. В первое десятилетие XVII в. предположительно местными монастырскими резчиками [15, с. 163] для иконы Кирилла был создан резной деревянный киот (КБИАХМЗ ДЖ-144). В 1614 г., согласно приходно-расходной книге Кирилло-Белозерского монастыря, створки киота были расписаны Никитой Ермоловым белозерцем [22, с. 103], а сама икона опилена со всех сторон, вделана в новую деревянную раму, поновлена и облачена в новый драгоценный оклад [3, с. 20–22]. До конца XIX в. киот с иконой Кирилла размещался в соборе Успения Богоматери на солее перед иконостасом, напротив правого клироса [7, с. 11], а к 1900 г. был перемещен в церковь Кирилла, о чем свидетельствуют заметки В. Лебедева в «Прибавлениях к Вологодским епархиальным ведомостям» [14, с. 198]. В настоящий момент киот представлен в экспозиции Трапезной палаты Кирилло-Белозерского музея. Внутри него на месте подлинной иконы письма Дионисия Глушицкого находится копия 1980-х гг. (КБИАХМЗ, НВ-4183).

На протяжении всей истории изучения рассматриваемого памятника ему по большей части отводилась второстепенная роль по отношению к иконе-портрету преподобного Кирилла. Упоминания и краткие описания киота встречаем в работах П. И. Савваитова [24, с. 2], кирилловского архимандрита Варлаама [7, с. 11], А.С. Уварова [28, с. 111], В. Лебедева [14, с. 198], А.И. Анисимова [3, с. 19–20], В.И. Антоновой и Н.Е. Мневой [4, с. 305–307], А.Н. Кирпичникова и И.Н. Хлопина [11, с. 62], О.В. Лелековой [15, с. 163], А.А. Рыбакова [23, с. 38–39], Н.В. Петровой [20, с. 8], каталоге икон из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника [9, с. 148–151], в издании, посвященном иконографии Кирилла Белозерского [21, с. 70]. Стилистика живописи створок киота была рассмотрена в статье М. Н. Шаромазова [31, с. 32–34].

На сегодняшний день комплексного исследования памятника нет. Иконографическая программа росписи киота и этапы формирования его современного конструктивного облика остаются недостаточно ясными. В предшествующих исследованиях киот рассматривался отдельно от культурно-исторических условий своего возникновения,

которые на наш взгляд в значительной степени повлияли на формирование его облика. Создание киота приходится на сложный период истории Кирилло-Белозерского монастыря. Обитель терпела разрушительные набеги польско-литовских войск, продлившиеся в общей сложности до 1616 г. [11, с. 85–101], на многие годы погружившие монастырь в состояние экономического кризиса. Вместе с тем, в XVII столетии в монастыре активно разворачивается процесс собирания реликвий или «мощей»¹ преподобного Кирилла, а к середине века складывается целый комплекс празднований, связанных с именем чудотворца [10, с. 22–36]. Сам факт создания киота и перемещение в нем иконы Кирилла на солею ближе к молящимся, спустя почти 200 лет после ее создания, сигнализирует об особых изменениях в почитании святыни, произошедших в монастыре в это время. Как нам кажется, эти моменты, став причиной возникновения киота, нашли отражение в его конструкции и живописной декорировке, а также определили его сакральную функцию как реликвария.

Киот имеет форму прямоугольного ящика с глубоким ступенчатым ковчегом, двумя подвижными створками и высоким подножием, украшенным резным орнаментом. В верхней и нижней части по периметру выполнена резная надпись уставом: «образ чудотворца Кирила списан преподобным Дионисием Глушицким еще живу сущу чудотворцу Кирилу в лето 6932 [1424]»; «зделан сей киот в дом Пречистыя и чудотворца Кирила в лето 7122 [1614] года по благословению игумена Матфея в славу Богу». Первоначально киот завершался ярусом резных закомар и пятью золочеными главками, о чем свидетельствует монастырская опись 1615 г. [1]. Незадолго до составления описи 1668 г. наверху было заменено на существующее сейчас килевидное, обитое басмой, которое завершалось серебряным позолоченным восьмиконечным крестом [24, с. 2]. В настоящее время крест утрачен, но в середине XIX в. он все еще был на месте: его можно видеть на рисунке Мардероссо, приведенном в статье А.С. Уварова [28, с. 111]. В лонете наверху представлен образ Спаса Нерукотворного с двумя ангелами по сторонам. Живописная композиция наверху подчеркнута изящна: стройные силуэты ангелов с тонкими изгибами золотых крыльев и развивающимися складками одежд, изящно-манерные позы и жесты, легкий плат, едва различимый на бледно-голубом цвете фона, тонкие черты лица Спасителя, округлые завитки полупрозрачных клубящихся облаков, – все это заставляет вспомнить характерные

¹ *Вещи Кирилла довольно рано стали восприниматься как святыни, в описи 1601 г. они названы мощами [19, с. 170].*

черты иконописи времени царя Алексея Михайловича. На наш взгляд, его роспись могла быть выполнена местным, возможно вологодским, мастером, ориентировавшимся на столичную живопись Оружейной палаты, и может быть датирована 60-ми гг. XVII в., учитывая, что в описи 1668 г. наверху с образом Спаса и ангелов названо «корунью новой».

На подвижных створках киота представлены четыре сцены из жития святого аввы-основателя: «Рождение преподобного Кирилла», «Явление Пресвятой Богородицы Кириллу в Симоновом монастыре», «Воздвижение креста на месте будущей обители» и «Написание образа Кирилла преподобным Дионисием Глушицким». Живописные сюжеты клейм последовательно раскрывают ключевые моменты жизни святого – его появление на свет, чудесное указание ему божественной воли и ее скорое исполнение преподобным, а так же создание чудотворного образа святого незадолго до его блаженной кончины. Теплый приглушенный колорит живописи строится на нескольких оттенках желтой и красной охры в сочетании с темно-зеленым цветом и яркими локальными вспышками открытых красных цветов и золота. Личное выполнено золотисто-охристыми плавями по коричневому санкирю. Письмо миниатюрное, тонкое; линии складок одежд и мелкие детали ликов написаны в одно касание тонкой кисти. Изысканные вытянутые фигурки, с подробной моделировкой деталей, немного теряются на фоне массивных, локально тонированных, архитектурных и пейзажных кулис. В каждом из четырех клейм читается подчеркнуто диагональное ритмическое построение, – композиции на створках словно стягиваются к центру киота, ритмически указывая на его содержимое.

В сцене «Рождества Кирилла» представлена традиционная иконографическая схема рождества святых: роженица на высоком ложе, служанки, купающие новорожденного младенца, жены, несущие подношения. Не смотря на то, что Житие Кирилла подробно не повествует о его рождении, нам кажется, что включение данного сюжета в роспись не следует считать «иконографической вольностью» или иносказательным образом «духовного рождения» святого, связанным со Старым Симоновым Богородице-Рождественским монастырем, как считает М.Н. Шаромазов [31, с. 32]. В том, что этот сюжет иконографически близок «Рождеству Богородицы» нет ничего необычного – это устоявшаяся норма изображения начала жизненного пути святых подвижников. Сходным образом он представлен в житийной иконографии многих святых, в частности преподобного Сергия Радонежского, пророка Иоанна Предтечи, святителя Николая Чудотворца или великомученицы Параскевы Пятницы; этот список легко можно продолжить.

Сюжет «Рождества Кирилла» появляется в житийной иконографии святого не позднее первой четверти XVI в., самый ранний известный нам памятник данного типа – шитая пелена, вложенная в Кирилловский монастырь Василием III и Соломонией Собуровой (ГРМ, ДРТ-276). Примечательно, что незадолго до создания росписи киота «Рождество Кирилла» осмысляется литургически: 7 июня 1600 г. в монастыре устанавливается день памяти родителей преподобного, и с этого момента по ним ежегодно служат большую панихиду в церкви Кирилла [10, с. 29–30]. Не исключено, что это могло повлиять на формирование иконографической программы рассматриваемого памятника.

Следующий сюжет створки киота – «Явление Богородицы Кириллу в Симоновом монастыре». Святой здесь изображен дважды – за чтением Акафиста перед иконой Богородицы и в слегка склоненной позе на фоне окошка кельи, как бы выглядывающим через него, перед образом Богородицы явившейся. Три фигуры (включая образ Пречистой Девы) выстроены по одной оси на фоне архитектурных кулис и горного пейзажа с острыми лещадками, темными впадинами-озерами и виднеющимся вдалеке монастырем. В самой ранней житийной иконе преподобного Кирилла, созданной в мастерской Дионисия в начале XVI в. (ГРМ ДРЖ-2741), внимание на чудесном знамении святому не акцентировано. Эта сцена трактована очень просто и емко: святой изображен выглядывающим в окошко своей кельи и уже в следующем действии направляющимся вместе с монахом Ферапонтом к месту будущей обители. При этом из окна кельи святой Кирилл видит и берег Сиверского озера, и самого себя, поставляющим крест на его берегу, и даже первых насельников будущего монастыря – Авксентия Ворона и Матфея Кукоса. Сходным образом, но менее повествовательно, сцена видения представлена в более позднем памятнике – шитом оплечье стихаря мастерской Ефросиньи Старицкой 1565 г. (КБИАХМЗ ЦТ-117). По-видимому, практически сразу сюжет знамения Кириллу стал дополняться иконографическими деталями, и, в первую очередь, изображением иконы Богородицы. Ее можно видеть на следующем по времени исполнении житийном образе святого, – упоминавшейся ранее шитой пелене первой четверти XVI в. (ГРМ). Икона Богородицы представлена здесь как выносная – на длинной ручке с «вилкой», вне кельи святого. В дальнейшем она переносится в келью и становится обязательной деталью иконографии сюжета. Не позднее второй половины XVI в. сам сюжет получает большую повествовательность за счет двойного изображения Кирилла, молящимся иконе и выглядывающим в окно кельи, а также включения полнофигурного образа Богородицы,

указывающей ему путь. Ранние примеры подобного решения – икона «Преподобный Кирилл Белозерский и святитель Кирилл Александрийский» второй половины XVI в. (ГТГ 12065). Наиболее полный иконографический вариант знамения Кириллу представлен в клейме интересующего нас киота и на иконе «Явление Богородицы преподобному Кириллу» первой четверти XVII в. (КБИАХМЗ ДЖ-300). Этот вариант включает в себя, помимо двух фигур святого, Богородицы и иконы Одигитрии, образ будущей Белозерской обители на вершине горы.

Келейная икона Богородицы, ставшая со временем неотъемлемой частью иконографии «Явления Кириллу» исторически связывается с сохранившейся чудотворной иконой Богородицы Одигитрии конца XIV в. (ГТГ 22943), с которой святой по легенде пришел на Белоозеро². Включение образа этой иконы в сюжет «Явления» (причем, за редким исключением, он изображается именно в типе Одигитрии) может говорить о ее намеренном копировании, создании своего рода иконы-списка, помещенного в исторический контекст. В таком случае каждая икона «Явления» фактически приобретает дополнительную сакральную функцию, связывая молящегося с подлинной святыней посредством образа-копии. В росписи интересующего нас памятника представлен редкий в иконографии «Явления» пример орудного варианта Одигитрии – образ Богоматери Казанской. В данном случае выбор был определен актуальными событиями времени – прославлением Казанской иконы Божией Матери в начале XVII в. в связи с событиями Смуты [30] и непосредственной вовлеченностью в эти события Кирилло-Белозерского монастыря. При этом священность образа-списка в росписи киота удваивается, связываясь с обеими прославленными святынями, и внимание на ней акцентируется в большей степени.

Следующая композиция росписи – «Основание Кириллом обители на берегу Сиверского озера». Она сохранилась частично, почти половину клейма занимают тонированные левкасные вставки в местах утраты красочного слоя. Святой Кирилл изображен с крестом в руках на берегу озера в окружении горного пейзажа. Он облачен в охристый подрясник, зеленовато-синий аналав и красно-коричневую мантию. Закинута за плечи мантия очерчивает фигуру святого по контуру и выделяет ее из

² Пензенский еп. Амвросий (Орнатский) упоминает эту икону среди примечательных вещей, хранящихся в Кирилло-Белозерском монастыре: «Святая Богородичная икона, пред которой преп. Кирилл, молясь в Симоновом монастыре слышал глас идти в Белозерскую страну повелевающий, которая икона им принесена и находится ныне в Успенском соборе местною, обложена весьма богатым окладом в большом киоте» [2, с. 397].

пространства фона, окрашенного в цвет одежд, что предает ощущение бесплотности телу. Композиция этого клейма практически в точности повторяет ту, что представлена в житийной иконе Кирилла мастерской Дионисия, за исключением некоторых деталей: отсутствие фигур Авксения, Матфея и преподобного Ферапонта (быть может, они находились слева и были утрачены), значительно больший масштаб поклонного креста в руках Кирилла, а так же изображение высокого дерева с раскидистыми ветвями с правой стороны от креста. Последние детали указывают на стремление художника акцентировать внимание на еще одной монастырской святыне.

Согласно житию преподобного Кирилла, по пришествию на Белоозеро святой поставил крест на месте будущей обители и спел благодарственный канон в похвалу Пречистой Богородицы. Устное предание, описанное в конце XIX в. архимандритом и историком Кирилловского монастыря Варлаамом, дополняет, что вскоре Кирилл построил здесь небольшую часовню «для себя, и для сохранения столь знаменательного, воздвигнутого им здесь, святого креста» [7, с. 64]. По замечанию Варлаама, о сохранности часовни и креста святого свидетельствуют монастырские описи XVII и XVIII вв., в которых они, так или иначе, упоминаются, как подлинные [7, с. 65]. Варлаам подробно описал детали убранства часовни в XIX в. и, в частности, три больших деревянных креста, расположенных в ряд у ее восточной стены [7, с. 65–66]. Автор не поясняет, который из них мог быть водружен на Ивановской горке первым и чем объясняется их количество. Ситуация объясняется другим монастырским преданием, упомянутым иеромонахом Геронтием в издании к 500-летию основания монастыря. Оно гласит, что кресты были устроены самим Кириллом «из того дерева, от падения коего был спасен он чудным гласом» по свидетельству Жития [8, с. 81]. Несмотря на то, что слова Геронтия нельзя считать достоверными (в действительности в житии Кирилла не говорится об устройстве этих крестов) они, тем не менее, всецело объясняют сложившуюся ситуацию³.

В настоящее время в монастыре сохранились все три креста, описанные архимандритом Варлаамом: два из них находятся в часовне Кирилла на прежнем месте, третий – с 1934 г. перемещен в постоянную экспозицию музея (КБИАХМЗ Д-70). Дендрохронологический анализ двух, наиболее древних крестов, проведенный в 1981–1983 гг. показал, что их можно датировать лишь первой четвертью XVII в. [26]. По всей видимости, они являются копиями более древних реликвий или же в какой-то момент они стали с ними ассоциироваться. Так или иначе,

³ Подробнее о крестах Кирилла Белозерского см. [25].

по меньшей мере, два креста Кирилла из «падшего дерева» находились в монастыре в первой четверти XVII в. и, вероятно, еще раньше, на что указывает роспись интересующего нас киота. Высокое дерево с раскидистыми ветвями, представленное здесь – это то самое дерево, описанное в житии Кирилла. Оно, как и крест в руках святого, написано твореным золотом, повторяет его пропорции и форму, и активно выделено красным фоном горки на заднем плане. Если первый крест Кирилла – подтвержденная его житием святыня – ко времени создания киота в монастыре не сохранился, то вполне вероятно, что на его место могли быть выдвинуты реликвии, освященные благочестивым преданием. В росписи киота они получают дополнительную историческую привязку.

Заключительная сцена росписи – «Написание иконы чудотворца Кирилла преподобным Дионисием Глушицким». Это редчайший сюжет иконографии обоих подвижников. В его основе лежит еще одна легенда, которая фиксируется в различных документах Кирилло-Белозерского монастыря уже с середины XVI в. Ни в одном из известных источников нет упоминания о приходе Дионисия в Кириллов монастырь и о написании им портретного образа святого основателя. По мнению Н.В. Башнина, предание об этом могло возникнуть в 1540-х гг., во время подготовки канонизации многих русских святых [6, с. 312], в том числе самих Дионисия и Кирилла (общерусская канонизация – в 1547 г.). В киоте 1614 г. этот сюжет появляется впервые и в дальнейшем, насколько нам известно, нигде более не встречается. Вероятно, его непопулярность была обусловлена прямыми расхождениями с правилами жизни святых подвижников. По замечанию И. Некрасовой, «иконописцы монахи, живя в каком-нибудь монастыре, не осмеливались написать портрет святого основателя их монастыря или прославившегося святостию жизни и чудесами, если он еще не умер. [...] если иконописец монах, и писал портретную икону Святого, то писал потихоньку от него, сохранял нарисованное в тайне, до тех пор, пока не умирал Святой» [17, с. 128]. Однако в нашем случае автора и заказчика росписи эти противоречия нисколько не смущали: киот создавался с целью подчеркнуть значимость конкретной реликвии, и должен был не только рассказывать историю ее создания, но и пояснять причины ее святости. В этом смысле значение имело и то, что образ списан «с живу сущу» аввы-основателя, и то, что писал его другой чтимый святой. Отом, что Дионисий Глушицкий особо почитался в Белозерской обители, свидетельствуют несколько обстоятельств: из кирилловской монастырской библиотеки происходит одна из древнейших сохранившихся служб преподобному Дионисию 1490-х гг. [5, с. 268], а его иконы,

включая те, что монастырское предание приписывало его авторству, согласно описи 1601 г., находились в местных рядах шести из пятнадцати церквей и придельных храмов монастыря [6, с. 87 табл. 1]. Более того, уже в 1560 г. в Малом Ивановском монастыре в честь Дионисия Глушицкого был освящен придел церкви Сергия Радонежского [12, с. 29].

В росписи киота преподобный Дионисий изображен на переднем плане, сидящим в слегка склоненной позе. На нем темные, почти монохромные одежды: синевато-серый подризник, серо-зеленый аналав на груди и коричневая мантия, огибающая округлую спину. Перед ним на широком аналое изображена фронтально повернутая на зрителя и словно поставленная на ребро икона чудотворца Кирилла, пропорционально во много раз превосходящая размеры иконы-прототипа. Позади аналая изображен сам Кирилл. Он слегка повернут в сторону Дионисия, обращается к нему жестом правой руки, левой – поддерживает край иконы, как бы выражая свое согласие на ее исполнение. В обоих случаях (в иконе и за аналоем) святой Кирилл изображен одинаково: округлая светлая борода, коричневая мантия окутывающая тело, серо-зеленый кокуль на плечах, золотистый подризник; исключение составляет лишь нимб, который в иконе отсутствует. Действие сюжета происходит на фоне немногочисленных архитектурных построек, которые можно соотнести с реальными монастырскими строениями: высокую стену на дальнем плане – с условным изображением монастырских стен, а белую церковь с золотой кровлей и тремя главками за спиной Кирилла – с Успенским собором, имевшим в начале XVII в. северный и южный приделы. Фигура Кирилла, помещенная по центру собора, воспринимается как находящаяся внутри него, подобно образу Богородицы на фоне Влахерского храма в сюжете «Покрова». В интерьере собора икона-портрет святого старца так же находилась почти в центре: вблизи царских врат в иконостасе, а затем на более перед ним. Эта наглядная система координат призвана подчеркнуть в росписи киота прямую связь хранящейся в нем реликвии с первообразом; она читается как буквальное поставление образа, списанного «с живу сущу» святого, на место его прижизненного пребывания в Успенском храме во время службы. В этом смысле интересно, что «реальное» присутствие преподобного Кирилла во время службы в монастырской практике обеспечивала еще одна реликвия – его фелонь XIV–XV вв.⁴ в которую, согласно монастырскому обиходнику конца XVI – начала XVII в., в день памяти святого облачался игумен монастыря [18, с. 318–319].

⁴ Фелонь XIV–XV вв. (КБИАХМЗ ЦТ-61), по легенде принадлежала преподобному Кириллу Белозерскому.

В таком случае, как отмечает А.Г. Мельник, «эта реликвия становилась доступной взорам всех пришедших на службу, а игумен, надо полагать, символизировал самого святого основателя обители» [16, с. 372–373]. Фелонь Кирилла Белозерского – это еще одна монастырская реликвия, изображенная в росписи створок киота.

В завершении обратимся к самой иконе святого (ГТГ 28835). Ее описанию и вопросам подлинности посвящена обширная литература⁵, останавливаться на этом подробно нет необходимости. Для нас важно то, как эта икона воспринималась в пространстве созданного для нее киота, и то, какими средствами осуществлялся особый молитвенный настрой при визуальном и перформативном контакте с ней молящихся.

Икона помещалась на вершине ступенчатого подиума под небольшим наклоном: его верхняя ступенька сделана как подставка с выступающим передним бортиком. Образ Чудотворца максимально придвинут к краям ковчега и зрителю, горизонтальная полоса позема уравнивает его положение в пространстве. Приземистая фигура старца скована внутренним напряжением, она статична, монолитна подобно камню и полностью концентрирует внимание зрителя на себе, пребывая в обширном пространстве золотого фона, визуальное расширение за счет специфической внутренней декорации киота. Его внутренние стенки обиты золотым бархатом, а тонкая полоска красного штофа, подобно иконной опуши, очерчивает по контуру края киотного окна. Со временем ткани обивки утратили былую яркость, но прежде их цвет и мерцающая фактура, надо полагать, создавали удивительный визуальный эффект, при котором пространство иконы расширялось и выдвигалось вперед, становясь объемным и физически осязаемым, а сам киот воспринимался вместилищем нетварного божественного света, в котором пребывает святой Кирилл.

Подведем итоги исследования. По всей вероятности, создание киота для одной из наиболее почитаемых монастырских святынь и ее перемещение из иконостаса на солею, ближе к молящимся, было обусловлено мощным духовным подъемом монастыря в период угрозы польско-литовского разорения и, вместе с тем, надеждой о защите обители заступничеством святого аввы-основателя. Как нам кажется, именно этот момент стал толчком к составлению комплекса празднований и активному собиранию реликвий связанных с преподобным Кириллом в XVII столетии, которые нашли отражение в декорировке киота. Живописные клейма его створок содержат не только краткое жизнеописание святого, но и изображение некоторых, связанных с ним

⁵ Некоторые основные публикации по теме: [3, с. 185; 4, с. 305-307; 13, с. 69-70; 21, с. 48-71; 27, с. 263 примеч. 12; 29].

монастырских реликвий – иконы Богородицы Одигитрии, поклонных крестов, фелони и прижизненного иконопортрета. Последний нес в себе особую благодать образа преподобного Кирилла, как свидетельство его «живого» присутствия, подобно святым мощам, а киот при этом наделялся сакральными признаками реликвария. Реплики киота с иконой чудотворца, по-видимому, постоянно создавались в монастыре, к примеру, два из них в 1649 г. находились в алтаре церкви Афанасия Великого на московском подворье Кириллова монастыря [15, с. 163]. Особенности внутренней конструкции киота визуально расширяли пространство находящейся в нем иконы, создавая иллюзию реального присутствия святого, как бы локализуя место его постоянного пребывания и осуществляя возможность перформативной коммуникации с ним молящихся. Примечательно, что, в отличие ряда других монастырских реликвий⁶, в том числе мощей преподобного, покоящихся под спудом его церкви, куда, согласно Келарскому обиходнику, в дни общего празднования допускался лишь ограниченный круг лиц [10, с. 31–33], эта святыня всегда была доступна для молитвенного обращения, в особенности после перемещения ее на солею, в специально изготовленном для нее киоте.

Список литературы:

1. ОР. РНБ, Пог. 1908. л. 10, об.
2. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии / Собранные Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. Ч. IV. – М.: Синодальная типография, 1812. – 894 с.
3. Анисимов А.И. Иконизация Кирилла Белозерского. Из истории портрета в древнерусском искусстве // Иконизация Кирилла Белозерского. / Сост. Г.И. Вздорнов. – Ферапонтово, 2001. – С. 11–42.
4. Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. – М.: Искусство, 1963. Т. 1. XI – начало XVI века – 394 с.: 116 л. ил.
5. Башнин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты. – М.; СПб.: «Альянс–Архео», 2016. –1304 с.
6. Башнин Н.В. Почитание Дионисия Глушицкого в Кирилло-Белозерском монастыре (по описям монастырского имущества XVII – первой трети XVIII в.) // История и культура Ростовской земли / Сборник статей. – Ростов, 2011. – С. 86–91.

⁶ По замечанию А. Г. Мельника, вещи-реликвии Кирилла делились на две группы: доступные для поклонения и те, что хранились в специальных закрытых для посещения хранилища [16, с. 372–373].

7. Варлаам (архимандрит). Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре / архимандрит Варлаам // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – 1859. – Кн. 3, отд. 1. – С. 1–104.
8. Геронтий (иеромонах). Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского (Успенского) мужского первоклассного монастыря Новгородской епархии / Геронтий (иеромонах). – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1897. – 161 с.
9. Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника / А.Л. Петрова, Н.В. Петрова, Е.Г. Щурина. – М.: Северный паломник, 2003. – 320 с.: илл.
10. Карбасова Т.Б. Некоторые аспекты почитания преподобного Кирилла Белозерского в основанном им монастыре // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXI. – Ростов, 2016. – С. 22–36.
11. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Великая государева крепость. – Л.: «Художник РСФСР», 1972 – 256 с.
12. Кочетков И.А., Лелекова О.В., Подъяпольский С.С. Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастырь. Архитектурные памятники. – М., 1994. – 127 с.
13. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: «Искусство», 2000. – 395 с.
14. Лебедев В.К. Иконописные труды преподобного Дионисия Глушицкого, Вологодского чудотворца / В. Лебедев // Вологодские епархиальные ведомости. – 1900. № 7-8. – С. 196–199.
15. Лелекова О.В. Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря XVII–XVIII вв. // Древнерусское искусство. Художественные памятники Русского Севера. – М.: Наука, 1989. – С. 157–180.
16. Мельник А.Г. Визуальная репрезентация культа святого Кирилла Белозерского в основанном им монастыре в XV – начале XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская Академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. О.В. Панченко. – СПб.: Росток, 2016. – Т. 64. – С. 365–374.
17. Некрасов И. О портретных изображениях русских угодников в их житиях // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. – М., 1866, Отд. 2. 1866. – С. 128.
18. Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. Т. 2. / Подгот. изд. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, Т.И. Шаблова. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. – 436 с.
19. Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года: Комментированное издание / Сост. З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. – 384 с.

20. Петрова Н.В. Святые Белозерья и их иконописные образы // Чело. №1. Новгород, 1999. – С.8–10.
21. Преподобный Кирилл Белозерский / Я.Э. Зеленина, Е.В. Романенко, Е.А. Виноградова. – СПб.: Метропресс: ООО «Метропресс», 2014. – 76 с.
22. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601 – 1637 гг. / Сост. З.В. Дмитриева. – М.; СПб.: «Альянс-Архио», 2010. – 760 с.
23. Рыбаков А.А. Вологодская икона. – М.: Галарт, 1995. – 484 с.: ил.
24. Савваитов П.И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря, по описным книгам 1668 года / П.И. Савваитов. – СПб.: В тип. Якова Трея, 1851. – 45 с.
25. Смирнов И.А. Кресты Кирилла Белозерского // ж. Чело. №1. 1988. С. 11–13.
26. Смирнов И.А. Музей памятников деревянного зодчества в Кириллове (к истории одного неосуществленного проекта) // Деревянное зодчество: проблема, реставрация, исследования / Сборник методическое сопровождение мониторинга недвижимых памятников Вологодской области. Вологда 2005. [Электронный ресурс]. <http://art-con.ru/node/962>. Дата обращения: 12.12.2017.
27. Соловьева И.Д. Житийная иконография преподобного Кирилла Белозерского // *Seminarium Bulkinianum*. II: К 70-летию со дня рождения В.А. Булкина. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. – С. 247–272.
28. Уваров А.С. Киот 1614 года в Кирилло-Белозерском монастыре / А.С. Уваров // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1 – М.: тип. Грачева и К°, 1865. С. 111–114, илл.
29. Чугреева Н.Н. Об одном типе списков с иконы преподобного Кирилла Белозерского Дионисия Глушицкого в собрании Музея имени Андрея Рублева // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: «Леги», 1998. – С. 193–200.
30. Чугреева Н.Н. Казанская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. 29. [Электронный ресурс] <http://www.pravenc.ru/text/1320206.html>. Дата обращения: 25.10.2017.
31. Шаромазов М.Н. Никита Ермолов Белозерец. Киот 1614 года и его мастер / М.Н. Шаромазов // Вестник Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. – 2004. – Вып. 1: Вторые Кирилловские чтения. – С. 32–34.

РАЗВИТИЕ АБСТРАКТНОГО ИСКУССТВА В КРЫМУ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ярулова Анастасия Игоревна

студент

*Крымский инженерно-педагогический университет,
РФ, г. Симферополь*

DEVELOPMENT OF ABSTRACT ART IN CRIMEA

Anastasiya Yarulova

student,

*Crimean Engineering and Pedagogical University,
Russia, Simferopol*

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности культурных явлений, влияющих на становление и развитие абстрактного искусства на крымском полуострове. На основе анализа творческой деятельности крымских абстракционистов, наблюдается развитие абстрактного искусства Крыма.

Abstract. In this article we consider features and trends of cultural phenomena, influencing the formation and development abstract art on the Crimean peninsula. Based on the analysis of creative activity Crimean abstractionists, the development of abstract art of Crimea is observed.

Ключевые слова: абстракционизм; современное искусство; перцепция; Крым; образ.

Keywords: abstract art; modern art; perception; Crimea; image.

Появление абстрактного искусства в России было следствием более основательных и глубоких процессов в искусстве и философском мировоззрении русского человека. Начиная со второй половины XX века, в культурной среде начинают происходить существенные изменения, вызывающие кризис перцепции искусства, возникает необходимость в переопределении границ искусства и его выставочных практик. Восприятие произведений меняется, происходит переориентация с материального качества работ на процесс их создания, контекст и трактовку.

В Крыму выше обозначенные процессы начинают развиваться в конце XX века. Крымский полуостров являлся обособленным местом и требовал нового развития во всевозможных сферах искусства – живописи, архитектуре, музыке, литературе и т. д. Абстракционизм является относительно новым направлением, ведущим крымчан к пониманию окружающей реальности, существующей в культуре.

Одним из ярких представителей абстрактного искусства в Крыму является Бойченко Владимир Анатольевич – член творческого союза «Академии абстракционизма». В 1990-е годы художник один из основателей и вице-президент Крымского филиала Международной федерации художников и графиков ЮНЕСКО, с 2003 года — председатель Творческого союза художников и искусствоведов «Академия абстракционизма». В данный союз входят – Владимир Бойченко, Людмила Левина, Татьяна Никольская, Геннадий Якшин, Владимир Довгань, Павел Хлебовский, Елена Душкевич и многие другие. Основные цели «Академии абстракционизма»: активная творческая деятельность, содействие возрождению, развитию и популяризации абстракционизма.

Работы Владимира Бойченко находятся в Симферопольском художественном музее, Севастопольском художественном музее имени П.М. Крошицкого, а также в многочисленных галереях и частных коллекциях Германии, Франции, Чехии, Украины и России.

Первая персональная выставка художника «Я – гений, гений – Я» открылась в стенах городского и делового культурного центра города Севастополя в 1998 году. На открытии выставки фигурировали вопросы самоидентификации, метаграфическая живопись, крайних форм, двойственности. Сам художник говорит: – «Творчество это возможность через классические формы (плоскость, линия, пятно) погружаться в «Я», в истинное «Я»... Это медитация в живописи» [1]. В последующем персональные выставки автора проходили в 2004, 2005, 2009, 2010, 2012, 2014, 2015 годах, а также автор является участником выставок в Крыму, Москве и Санкт-Петербурге.

Также «Абстрактно» работают такие крымские художники как Дмитрий Филлов, Арсен Рустамов, Николай Дудченко, Ирина Панченко, Данил Березовский, Полина Орлова, Светлана Борозенцева. В своем творчестве, подобно основоположникам абстракционизма XX века, крымские художники-абстракционисты следуют трем принципам:

1. Принцип субъективизма – как приоритет в творчестве. В данном случае субъективизм в искусстве следует рассматривать как акцент самобытного личностного фактора в творческом процессе;
2. Принцип отрицания устоявшихся традиций в искусстве;

3. Принцип отказа от изображения реальной действительности (принцип беспредметности).

Принцип беспредметности, так как он является определяющим в беспредметном искусстве, требует более обстоятельного разбора. Прежде всего, необходимо дать объяснение этому принципу и рассмотреть сам механизм абстрагирования в беспредметном искусстве. Под данным принципом следует понимать отказ от изображения реального мира. В беспредметном искусстве, отвлекаясь от реальных свойств предметов, художники начинают рассматривать в качестве самостоятельных отдельные свойства, стороны, состояния предмета или явления, независимо от производных материальных носителей [1, с. 54].

Следует отметить, что механизм абстрагирования в беспредметном искусстве отличается от естественно-научной абстракции, а также от «абстракции художественной», понимаемой как «способ художественного мышления и построения образа реальности в искусстве» [3, с. 212]. В беспредметном искусстве изображения возникают не в результате анализа перцептивного образа, а в процессе объективации данных, полученных от деятельности психических структур: чувственной сферы, эмоций, подсознания, интуитивного мышления.

Если в классическом искусстве исходили из того положения, что воспроизводимый в творческом процессе перцептивный образ связан с внешним реально-конкретным образом, то в беспредметном искусстве допускается существование внутреннего перцептивного образа для сенсорных психических явлений.

Выше описанным принципам и положениям также следует и Керченский художник абстракционист Василий Химий – член союза художников Украины и России. Работы художника находятся в музее современного искусства Украины в Киеве, в Картинной галерее Керченского историко-культурного заповедника, в союзе художников России и Белоруссии, а также в частных коллекциях Канады, Финляндии, Украины и России. Персональные выставки автора проходили в 2008, 2010, 2012, 2015 годах.

Одна из масштабных персональных выставок посвященных абстрактному искусству прошла в 2012 году в Союзе художников России города Симферополя.

Концепция автора заключается в исследовании характера и способов взаимодействий изобразительных элементов, результатом которых является гармонизация всех пластических связей в работе. Гармоничное состояние в произведениях автора требует разработки определенного художественного образа. Поводом для создания пластического образа служат впечатления от окружающего мира,

весьма разнообразные, послужившие поиском или эскизом образа. Базовые или основные композиционные ходы в процессе работы, иногда становится основной пластической идеей как способ взаимодействия. Основная концепция художника – чистота цвета, ясность и четкость замысла, простота в исполнении.

Сложность восприятия современного искусства связана с таким фактором: в начале XX века исчезает некая единая направленность цивилизации в культуре, несмотря на искусство предшествующих поколений, где в художественной жизни социума находили отражение основные движущие идеи духовной составляющей данной эпохи или культуры.

Необходимо отметить что, невзирая на доступную достаточно широкой аудитории историю развития современного искусства, оно по сей день вызывает большое количество вопросов, связанных с эстетическим восприятием и содержанием своих арт-объектов.

Основополагающие вопросы, стоящие перед осмыслением современного абстрактного искусства, раздаются порой как обвинение в отсутствии смысловой доминанты. Также, нередко подвергается сомнению существование непосредственно феномена самого искусства [2, с. 17]. Не смотря ни на что, произведения современного искусства заставляют современного художника выйти за рамки стереотипного мышления, оказаться выше обыденных, рутинных проблем.

Отказываясь от стереотипного взгляда на искусство, которое должно заниматься поиском прекрасного, крымские мастера стремятся раскрыть все уровни многомерного концептуального арт-объекта и увидеть в нем гносеологическую составляющую.

Список литературы:

1. Бойченко В.А. Персональная выставка В. Бойченко «Я – гений, гений – Я» [Электронный ресурс] / В.А. Бойченко. – Электронные данные. – Севастопольская региональная общественная организация "Творческий союз художников и искусствоведов «Академия абстракционизма», 1998. URL: <http://aa.sevartmuseum.info/1998/05/ya-geniy-geniy-ya.html>.
2. Ковалев А.А. Предпосылки формирования абстрактного искусства (культурно-исторический аспект) / А.А. Ковалев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1997. – № 2(4). – С. 54-58.
3. Леванова Е.Ф. Современное искусство и его многомерность / Е.Ф. Леванова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 3 (15). – С. 14-19.
4. Рыбаков В.В. Абстрактное искусство и эстетическое приятие / В.В. Рыбаков // SYMPOSIUM. Санкт-Петербургский государственный университет. – 2013. – № 15. – С. 211-219.

1.2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

А.П. БОРОДИН. «МАЛЕНЬКАЯ СЮИТА» ДЛЯ ФОРТЕПИАНО, К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ЦИКЛА

Боева Ирина Валентиновна

*преподаватель Камышинского колледжа искусств
(филиала ГОБУК ВО «Волгоградский институт искусств и культуры»),
РФ, г. Камышин*

С именем Александра Порфирьевича Бородина, прежде всего, связываются эпические полотна его симфоний и оперы. Фортепианное же наследие уступает им по значимости.

Однако известно, что композитор хорошо владел фортепиано, мог свободно исполнять свои сочинения, а также переложения оркестровой, камерной и оперной музыки других композиторов. Вместе с тем, перечень произведений для фортепиано невелик: «Патетическое адажио», «Маленькая сюита», «Скерцо» (As-dur) – для фортепиано в две руки; Полька «Helene», «Скерцо» (E-dur), «Тарантелла» – для фортепиано в 4 руки. Кроме того, Бородин принял участие в коллективном сочинении Парафраз на неизменяемую тему для фортепиано в три руки (его перу принадлежит Полька, Мазурка, Похоронный марш и Реквием).

Произведения для фортепиано Бородина, в основном, не отличаются блеском и виртуозностью. Они предназначены, прежде всего, для домашнего музицирования. Среди фортепианного наследия композитора особенно выделяется «Маленькая сюита». Жанр инструментальной сюиты получил широкое распространение как в русской музыке 19 века, так и зарубежной. Опираясь на опыт предшественников, Бородин сумел создать пьесы, самобытные по образному строю и языку.

Интересно и композиционное решение цикла. Именно этой проблеме и посвящена данная работа.

«Маленькая сюита» написана для известной в то время бельгийской музыкальной деятельницы, активной пропагандистки русской музыки за границей графини Мерси д'Аржанто. Новое сочинение, законченное в 1885 году, сразу же приобрело огромную популярность в Бельгии.

На первый взгляд сюита представляет собой альбом, содержащий семь различных по содержанию фортепианных миниатюр, не связанных между собой. Это подтверждается и тем, что три последние пьесы сочинены были раньше, еще в середине 70-х годов.

Возможно, что тогда композитор не имел еще намерения создать фортепианный цикл, подчиненный какой-либо программе.

В 1885 году Бородин написал четыре новые пьесы, добавил к ним ранее написанные и объединил все это в программный цикл, семь частей которого связаны единством замысла. Об этом свидетельствует сохранившийся в черновиках подзаголовок сюиты - «Маленькая поэма любви одной молодой девушки». Краткие пометки раскрывают содержание каждой миниатюры и последовательное развитие в цикле единого музыкального образа:

1. Под свободами собора.
2. Мечтает об обществе.
3. Думает только о танцах.
4. Думает о танцах и о танцоре.
5. Думает только о танцоре.
6. Мечтает под звуки песни любви.
7. Убаюкана счастьем быть любимой [1].

Нельзя, конечно, считать эту запись настоящей программой цикла, хотя бы потому, что сам автор не обнародовал ее, и потому, что некоторые пьесы были сочинены раньше, чем сделана эта запись, но она помогает лучше понять замысел автора и содержание пьес цикла.

«Маленькая сюита», несмотря на то, что создавалась на протяжении нескольких лет и объединение пьес, на первый взгляд, кажется случайным, особенно если не знать программы, тем не менее, она имеет определенный композиционный замысел. Так первая пьеса «В монастыре» выполняет функции заставки, пейзажной зарисовки. В ней воплощен обобщенный образ Руси, ее бескрайних далей и колокольных звонов. Своей эпической широтой и емкостью, эта пьеса стоит несколько особняком среди лирических и жанрово-бытовых пьес сюиты. Поэтому следующая пьеса – «Интермеццо», играет роль перехода, связки от величественной заставки к последующим пьесам, отсюда и ее название.

В центре сюиты – две мазурки, разнохарактерные по своему содержанию. Это самые развернутые пьесы в цикле, по протяженности почти равные всем остальным пьесам вместе взятым. Первая мазурка – блестящая, бальная, вторая – лирическая поэма.

Последняя осуществляет плавный переход к заключительному разделу сюиты – лирико-жанровому финалу, который состоит из трех миниатюр, образующих своеобразную трехчастную композицию.

Крайние части ее представляют типичную для Бородина лирику утешения («Грезы» и «Ноктюрн»), а в середине – жанрово-бытовая сценка – («Серенада»).

Как известно, А. Глазунов сделал оркестровку сюиты, и в этом варианте «Маленькая сюита» имеет даже более счастливую концертную судьбу, чем оригинал. Желая сделать более эффектной концовку сюиты, композитор ввел в финал Скерцо ля-бемоль мажор Бородина, а «Ноктюрн» сделал средней частью между повторениями скерцо.

Считаем, что Глазунов нарушил тем самым замысел композитора, скерцо, на наш взгляд, выглядит неким инородным телом в этом лирически - утонченном финале произведения.

Связи между пьесами осуществляются и другим способом, более тонким и оригинальным. Несмотря на то, что каждая пьеса имеет четкое завершение, и нет ремарки *attassa*, композитор явно стремится к плавности перехода от одной пьесы к другой. Например: пьеса «Интермеццо» написана в фа мажоре и заканчивается на тонике.

Следующая пьеса – «Мазурка» написана в до мажоре, но начинается со звука «фа», многократно повторенного, который и осуществляет плавный переход от одной пьесы к другой. «Мазурка» ре-бемоль мажор так же начинается с того же звука, которым закончилась предыдущая пьеса (до). Пьесы «Грезы» и «Серенада» написаны в одной тональности, *Des-dur*, и поэтому еще более воспринимаются как продолжение друг друга. А последняя пьеса сюиты хоть и написана в соль-бемоль мажоре, но начинается с D_2 к ре-бемоль мажору и поэтому так же осуществляется плавный переход. Исключением в этом отношении является пьеса «В монастыре». От нее к следующей пьесе связи нет, что еще раз подчеркивает обособленность первой пьесы от последующего, ее особая роль в сюите.

Интересен и тональный план. Единственная минорная тональность – до-диез минор – это тональность первой пьесы и больше она нигде не возвращается, что так же связано с положением этой пьесы в сюите.

Вместе с тем, в цикле большую роль играет тональность ре-бемоль мажор, которая является одноименной тональностью первой пьесы.

В этой тональности написаны три пьесы в цикле, которые идут друг за другом, образуя связанную группу пьес. Тональный план сюиты разомкнут, произведение заканчивается в тональности, которая в цикле ни разу не встречалась – соль-бемоль мажор.

В сюите три образные сферы: эпическая, жанрово-бытовая и лирическая, то есть те сферы, которые характерны для творчества Бородина в целом. Эпическая сфера, как уже было сказано, представлена одной пьесой – «В монастыре». Она выделяется масштабностью, картинностью,

в ней ощутимо повествовательное начало, опора на интонации народной песни.

Жанрово-бытовая образная сфера нашла свое воплощение в трех пьесах: мазурках C-dur и Des-dur и «Серенаде».

Эти пьесы представляют собой небольшие сценки, для них характерна опора на бытовые жанры, мягкий юмор.

Сфера лирики представлена в остальных пьесах: в «Интермеццо», «Грезах» и «Ноктюрне». Это, как уже было сказано, лирика утешения, - нежная и ласковая.

Таким образом, «Маленькая сюита» Бородина, по сути, является тонко и оригинально организованным циклом, где пьесы следуют друг за другом по определенному принципу, который не следует нарушать.

Список литературы:

1. Ремезов. И.В. «А.П.Бородин» - М,; Музыка, 1958, 118 с.

1.3. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН

ПРИЧИНЫ ИНВАЛИДНОСТИ И ИННОВАЦИОННЫЕ РАЗРАБОТКИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕГО МЕСТА НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Хазюрова Анна Евгеньевна

студент

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
РФ, г. Томск*

Anna Khazyurova

student

*National Research Tomsk Polytechnic University,
Russia, Tomsk*

Аннотация. Буквально еще пару десятилетий назад, люди имеющие инвалидность, не имели возможности вести нормальный образ жизни: учиться, работать, заниматься спортом, путешествовать. Они были привязаны к дому, порой проблему составлял простой выход на улицу. Время движется вперед и разработка новых методик и технологий в помощь людям с ограниченными возможностями не стоит на месте, а постоянно расширяется спектр инновационных разработок в данном направлении.

Abstract. Just a couple of decades ago, people with disabilities were not able to lead a normal life: to study, work, play sports, travel. They were tied to the house, sometimes the problem was a simple exit to the street. Time is moving forward and the development of new methods and technologies to help people with disabilities is not standing still, and is constantly expanding the range of innovative developments in this area.

Ключевые слова: инвалидность; проблемы со здоровьем; причины инвалидности; инновационные разработки и методики.

Keywords: disability; health problems; causes of disability; innovative developments and methods.

Инвалидность – отклонения физические, психологические, умственные или связанные с сенсорной системой человека. На тер-

ритории Российской Федерации процесс установления инвалидности происходит на основе двух процедур: медицинской и юридической. Смысл данных действий заключается в установлении взаимоотношений в обществе, определение группы это льготы, пенсии и ограничения по трудоспособности. Все критерии рассматриваются на законодательном уровне. Принят ряд Федеральных законов, постановлений и правил, в отношении людей данных категорий. В основе подобных актов лежит забота, помощь и поддержка людей с ограниченными возможностями [1].

Важным моментом при определении группы инвалидности является причина, по которой человек утратил трудоспособность. Опираясь на статистические данные можно сделать вывод, что 20 % населения в настоящее время имеют те или иные отклонения, благодаря врожденным заболеваниям - родовые травмы, экология, наследственность. 20 % становятся инвалидами после перенесения не инфекционных заболеваний - сердечно - сосудистые, психические, нарушение обмена веществ. 16 % - последствия всевозможных происшествий и травматизм. Большой процент занимают в этом списке, инфекционные заболевания, старость и другое. Много людей страдают из-за нарушения сенсорной функции - проблемы со слухом и зрением [2].

Большая часть больных, имеющих инвалидность по зрению, не являются слепыми от рождения, чаще всего этот недуг - результат болезней, катастроф, аварий или травм.

По степени утраты зрения, на сегодняшний день, установлено законодательно три группы людей с ограниченными возможностями. К первой группе инвалидности относятся люди практически абсолютно потерявшие зрение - слепые. Невозможность самостоятельно передвигаться, ориентироваться, полноценно общаться, без посторонней помощи. Критерий второй группы инвалидности - социальная недостаточность. Человек может обслуживать себя при помощи вспомогательных средств или с чьей-то помощью. Обучение и трудовая деятельность возможны только в особо созданных условиях. К инвалидам третьей группы относятся те, кто частично утратил зрение и способен учиться или трудиться в специализированных заведениях, а также в заведениях обычного типа, но с соблюдением некоторых условий. Как правило, это низкая скорость и небольшой объем информации для восприятия и передачи [3].

Для данных категорий людей созданы различные социальные программы. Инвалиды первой группы имеют возможность в бесплатном санаторно-курортном лечении, один раз в три года, а также в проезде туда и обратно. Они безвозмездно лечат зубы, получают лекарства в аптеках и пользуются наземным транспортом. Молодые люди имеют

преференции при поступлении в Высшие и средние учебные заведения, у них более высокая стипендия на дневной форме обучения. Такие же льготы имеют инвалиды второй группы. Люди, имеющие третью группу инвалидности, могут рассчитывать на скидку 50 %, в аптеках, при покупке ортопедической обуви, междугороднем транспорте [4].

Потеря зрения это трудное препятствие для многих, в психологическом плане. Изменения в поведении и отношении к окружающим – последствия аварий, ранений, катастроф. Часто депрессивное состояние продолжается долго, сложно переступить, осознать, перестроиться. Для того чтобы хорошо себя ощущать и не терять уровень тактильной чувствительности, необходимо движение и общение. Современные инновационные разработки и технологии, оказывают посильную помощь не только слабовидящим, но и слепым людям. Безусловно, молодым людям намного проще овладеть современными достижениями в науке и технике, чем людям преклонного уровня. Но несмотря на все препоны, преодолев в себе страх и неуверенность, люди сумевшие преодолеть психологический барьер, гармонично вписываются в реалии жизни. XXI век - век безграничных возможностей, новых методик и разработок. Люди с ограниченными возможностями получают хорошее образование, участвуют в Олимпийских играх, совершают кругосветные путешествия. Молодое поколение по полной программе использует смартфоны и всевозможные приложения к нему: проводят оплаты в магазинах, транспорте, распознают товар, осваивают компьютерные программы, зарабатывают деньги через интернет, овладевают спутниковой навигацией для путешествий. Люди преклонного возраста предпочитают инновацию, в виде озвучки. В основе лежит принцип эхолокации, хотя на вид обычная трость [5].

В настоящее время созданы организации, которые объединяют людей с ограниченными возможностями по зрению и не только, для адаптации в современных условиях. Основная сфера их деятельности это помощь, поддержка соотечественников, которые страдают от безбарьерной инфраструктуры. Несмотря на то, что сейчас время высоких технологий, данная проблема актуальна по сей день. В общественных местах: вокзалах, аэропортах, супермаркетах, банках, административных заведениях создаются специальные приспособления, в виде речевых синтезаторов, оповещателей, голосовой интерфейс, который ориентирует в нужном направлении. Необходимыми являются ТИПы - приборы, которые информируют, предупреждают об опасных участках: эскалаторах, лестницах, спусках, ограждениях [6].

Одна из важных социальных задач - трудоустройство слепых, слабовидящих инвалидов. Выпущена таблица, она способствует

внедрению в жизнь тех критериев, по которым должно подбираться рабочее место для людей с проблемами зрения. Обязательным условием должно быть согласованные действия со службами реабилитации. Тактильная информация стартует на территории предприятия или организации, указывая путь движения к месту работы, она должна быть конкретной. Следует избегать перенасыщения, во избежание лишних передвижений. Все знаки четко соответствуют СКБ ВОС. Надписи яркие, выпуклые с рельефом на необходимом уровне, согласно ГОСТов и специальным правилам. Возьмем для примера склад для хранения печатных плат и внутрицеховую транспортировку. Основное ударение делается на акустические ориентиры, голосовые маяки, радиотрансляцию. Такое оборудование устанавливается повсеместно, потому что оно помогает двигаться в заданном направлении. ТИПы указывают правильный маршрут, как внутри цехов, так и в складских помещениях, а также предупреждают об опасных зонах и участках. Совокупность рельефных надписей, тактильного контраста с оборудованием, акустика и равномерно размещенные ТИПы, создают атмосферу комфортного восприятия окружающей среды людей с инвалидностью по зрению. Важный аспект для людей с ограниченными возможностями по зрению – четкое информирование, связь громкая и внятная. Предупреждение о внештатных ситуациях на производстве должно происходить заранее [3].

В Российской Федерации 218 тысяч человек, имеют инвалидность по зрению, 103 тысячи - тотально слепые. Специалисты бьют тревогу. Кризисные явления, охватившие все сферы деятельности человека, негативно отражаются на здоровье нации. Каждый 10 россиянин - инвалид по зрению. Основываясь на научные исследования и социальные опросы, и анкетирование, можно сделать вывод. На сегодняшний день государство мало внимания уделяет людям с ограниченными возможностями. Информация в СМИ о государственной поддержке не всегда достоверна. Инвалиды не верят общественным организациям, представителям власти и чиновникам. Основной потребностью каждого из нас является общение. Именно по этой причине социальная адаптация и самореализация людей с ограниченными возможностями есть неотъемлемая составляющая благоприятного климата современного общества. Необходимо формировать в сознании молодого поколения позитивное отношение к инвалидам всех категорий [6].

Список литературы:

1. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 29.04.2005 № 317 «О внесении изменений и дополнений в постановление министерства труда и социального развития российской федерации от 15 апреля 2003 г. № 17 «Об утверждении разъяснения об определении учреждениями государственной службы медико-социальной экспертизы причин инвалидности» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 25.05.2005 № 6630).
2. Федеральный Закон «О государственной социальной помощи» (РФ) от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (с изменениями от 8 декабря 2010 г.)
3. Федеральный закон от 01.12.2014 N 419-ФЗ (ред. от 29.12.2015) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов".
4. Федеральный Закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ с изменениями (Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах» и статьи 11 и 11.1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»
5. Правила признания лица инвалидом Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» (с 1 января 2010 г. настоящие Правила действуют без учёта «степени ограничения способности к трудовой деятельности», согласно поправкам, утверждённым Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 1121 «О внесении изменений в Правила признания лица инвалидом»).
6. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 12 (часть 4) – С. 732-735

РАЗДЕЛ 2.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

2.1. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАНЕ НАТАНИЕЛЯ ГОТОРНА "АЛАЯ БУКВА"

Катярова Софие Халиловна

студент

ГБОУ ВО РК «КИПУ»,

РФ, г. Симферополь

Сафарова Зера Адиль-Гареевна

канд. филол. наук,

преподаватель ГБОУ ВО РК «КИПУ»,

РФ, г. Симферополь

Аннотация. Статья посвящена символическим элементам в романе Н. Готорна "Алая буква". Символические элементы играют свою роль в романе с самых первых страниц. Самый яркий символ романа, вынесенный в название произведения, претерпевает своего рода эволюцию.

Ключевые слова: пуритане; трансцендентализм; эшафот; символ.

*«Я не могу отделить идею от символа,
в котором она себя проявляет.»*

Н. Готорн

Важную роль в истории Новой Англии сыграл один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы — Натаниель Готорн. Классик XIX века, родившийся в 1804 году

в небольшом американском городке Салеме, в штате Массачусетс. Предки сыграли важную роль в теократической общине пуританского Салема, однако в скором времени утратили свое положение. Натаниель в раннем возрасте потерял отца, который был обычным морским капитаном, плавал на чужих судах. А мать после смерти мужа замкнулась в себе, и проводила все время в своей комнате. В детстве писатель не отличался особой общительностью, как он сам называл черту своего характера «адская привычка к одиночеству» [4, с. 7].

Окончив Боудонский колледж в 1825 году, возвращается обратно в Салем, где начинает сотрудничать в различных литературных журналах, а также создает свои первые новеллы и небольшие очерки. Материальный статус был слишком низок, но благодаря друзьям, которые помогли ему устроиться на государственную службу, таможенным чиновником в Бостоне. Тем временем приятель Натаниеля, Гораций Бридж, тайком от своего друга выпускает все работы Готорна в виде сборника «Дважды рассказанные истории» в 1837 году, а после отдает всю прибыль от продажи книги ему.

Г.У. Лонгфелло и Э.А. По восторженно отозвались о работе Готорна, что более усилило интерес к новому автору. И теперь, когда он известный писатель, входит в литературные круги, знакомится с крупнейшим литератором того времени Ральфом Уолдо Эмерсоном. Готорн тесно сблизился с писателями в доме у семейства Пибоди. Борьба мнений и споры привлекали его пылкий ум, идеи трансценденталистов оказали на него особое влияние, что в будущем отразилось на его творчестве [2]. Сестры Пибоди — Элизабет, Мэри и София вошли в историю американской литературы. В их доме происходили встречи с такими знаменитостями, как Эмерсон, Маргарет Фуллер, Торо и многие другие. У Элизабет был свой книжный магазин и типография, где печатались книги ее литературных друзей. В 1842 году на самой младшей из сестер Софии, Натаниель женился.

За короткий период времени пишет свои самые значимые произведения такие, как роман «Алая буква» опубликованный в 1850 году, «Дом о семи Фронтах» (1851) и «Роман о Блайтейле» (1852), и два сборника «Книги чудес». Его романы эпизодичны и фрагментарны, многие главы образуют самостоятельные, завершённые произведения. Но при этом, автору удаётся сохранить единство целого, создал новый тип романного повествования, не имеющий эквивалента в предшествующем литературном опыте Америки [4, с.17].

Готорн не строил иллюзий относительно нравственной природы человека. Человечество виделось ему как великое братство в грехе. Он надеялся на грядущее «очищение сердец», на то, что «братья во грехе» помогут друг другу, но уверенности у него не было. Не случайно в его

произведениях постоянно возникает мотив фатальности человеческой судьбы, а в подтексте - мысль о наличии высшей силы, над которыми человек не властен [1, с. 12].

Роман «Алая буква», который принёс писателю широкое признание в Европе, однако не принёс больших доходов. Роман насыщен символами и символическими элементами. Каждый символ в этом романе выполняет свою определённую функцию, создавая при этом, целую систему связанных между собой символов.

Благодаря символическим элементам многогранность, многозначность является лучшим и верным способом выражения их собственного мнения и видения окружающей среды и истории, что помогает им создавать внутренний мир героев.

Во вступительном очерке, появляется первый символический элемент, кусок ткани на которой вышита алая буква, рассказчик берет букву в руки, и его словно что-то обжигает, говорит, что «в букве таится какой-то глубокий смысл, источаемый этим таинственным символом». Здесь алая буква является лишь символом некой таинственности, неясности. Её смысл становится понятен только в следующей главе, когда впервые появляется образ Гестер Прин. Это девушка, которая совершила грех и была за это наказана, за измену своему исчезнувшему старому мужу и стала матерью незаконного ребенка, пуритане выставили ее публично на эшафот и заставив всю жизнь носить на груди алую букву «А». «А» — символ греховности и позора. По пуританским законам женщина-прелюбодейка, носившая этот знак, была предметом греха. («А» - первая буква слова *Adulteress* - прелюбодейка). Этот символ алой буквы, проходит через весь роман, словно этой алой буквой «наградил» Гестер сам Сатана.

Также в главе «Двери тюрьмы» символичен и куст роз, который расцвел из-под ног праведницы - Энн Хэтчинсон, когда она вступила в двери тюрьмы [3, с.388].

Розовый куст — символ прекрасного и одухотворенного цветка, выросшего на жизненном пути героини. Действительно, после очищения души Гестер Прин через множество страданий, которые она испытала, в романе вновь появляется розовый куст.

В романтической образной системе автора эти символы многозначительны и говорят об основном конфликте романа, о конфликте между неумолимой моралью пуритан, опирающейся на тюрьму и на эшафот, как на основные средства внедрения добродетели, и ростком свободного чувства любви, которое выступает еще слабым и поруганным, но в свою очередь является символом свободы личности.

Когда Гестер шла со своей дочерью Перл, считали, что её дочь — тоже алая буква, только живая. Образ Перл имеет в себе символический

смысл. Когда старый священник, спрашивает ее: «Знаешь ли ты, дитя, кто тебя сотворил?» — она отвечает ему, что ее никто не сотворил и что мать сорвала ее с розового куста у ворот тюрьмы [3, с. 137]. В этом ответе символ любви "роза" переплетается с символом позора и преступления — тюрьмой. Перл такой же символ любви, как и алая буква на груди ее матери. Поэтому в сознании Гестер девочка связывается со знаком ее позора, и она одевает Перл в такой яркий наряд, что ребенок напоминает ожившую алую букву. «Разве вы не видите», — говорит Гестер в доме губернатора, — «что она тоже алая буква, но эту алую букву я люблю, и поэтому нет для меня на свете страшнее возмездия, чем она!»

Генри Джеймс писал о романе: «Он проще и завершённое других его романов, с большим совершенством достигает того, что ставит себе целью, и отмечена тем трудно поддающимся определению очарованием, которое мы встречаем в произведении художника, когда он впервые достиг своей вершины, своеобразной прямоотой и ответственностью воплощения, забвением читателя и свежестью интереса к теме» [4, с. 20].

Эдгар По: «Среди современных американских писателей, Натаниель Готорн обладает самым истинным словом, самым тонким вкусом, самой полезной эрудицией, самым тонким юмором, самой большой трогательностью, самым светлым воображением, величайшей изобретательностью» [4, с. 20].

Символичен эпизод, где Перл наблюдает за бегом ручейка. И Перл, и ручеек являются символом начала новой жизни. Эта символика передана через параллелизм начала жизни в природе и начала жизни самой Перл. Она воплощает в себе «духовный и материальный союз».

Гестер носит символ позора у себя на груди, а священник Артур Димсдейл, любовь к которому стала причиной грехопадения героини, носит клеймо позора у себя в груди.

Каждый символ позволяет поразмышлять над поведением героев, над их поступками, взаимоотношениями. Роман «Алая буква» помогает нам понять перерождение души человека, становление его на путь добродетели.

Список литературы:

1. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997. – 495 с.
2. Головенченко А.Ф. Н.Готорн// К проблемам романтизма и реализма в зарубежной литературе конца XIX-XX вв. Вып. 2, М.:МОПИ, 1975.
3. LibreBook Готорн Н. Роман. Алая буква [Электронный ресурс]: М. Электронная книга, 1975–1418. URL: http://librebook.me/the_scarlet_letter
4. LiveLib.ru Н.Готорн [Электронный ресурс].Г. : Информ.-справочный портал, 2007-2017. URL: https://www.livelib.ru/author/185650-nataniel-gotorn?utm_source=livelib&utm_campaign=suggestions&utm_medium=hit

2.2. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭСТЕТИКА В.Г. БЕЛИНСКОГО В ФОРМИРОВАНИИ АНАРХИЗМА М.А. БАКУНИНА

Кислицына Ирина Леонидовна

*канд. ист. наук, доцент,
Национальный государственный университет
физической культуры, спорта и здоровья
им. П.Ф. Лесгафта,
РФ, г. Санкт-Петербург*

THE AESTHETICS OF V. BELINSKIY IN THE FORMATION OF THE ANARCHISM OF M. BAKUNIN

Irina Kislitsyna

*Candidate of Historic Sciences,
Assistant professor in Lesgaft National State
University of Physical Education, Sport and Health,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. Влияние эстетической теории В.Г. Белинского, родоначальника реализма в отечественной художественной критике, на процесс формирования анархизма М.А. Бакунина не исследовался. Представление Белинского о самопроизвольной сущности творчества и понимание жизни, общественного развития как творчества, явившиеся одной из главных теоретических основ революционного анархизма Бакунина, были прямо связаны с эстетикой В.Г. Белинского.

Abstract. The article discusses the impact of the aesthetic theory of V. Belinskiy on the formation of the anarchism of M. Bakunin. The idea of the critic about spontaneous essence of creativity, understanding of the life, social development as creativity, which are one of the main theoretical foundations of the anarchic ideology of M. Bakunin, were directly connected with the aesthetics of V. Belinskiy.

Ключевые слова: В.Г. Белинский; русская художественная критика; эстетика; В.Г. Белинский; анархизм М.А. Бакунина.

Keywords: the Russian critique; the aesthetic theory; V. Belinskiy; the anarchism of M. Bakunin.

Эстетика В.Г. Белинского основывалась на материалистическом представлении о первичности жизни, самопроизвольного развития искусства по отношению к науке, теории искусства. Начиная с первых своих работ, «неистовый Виссарион» утверждал, что жизнь, действительность предшествует науке, и отрицал на этом основании возможность создания произведений искусства по теории, подчинение жизни, искусства — науке.

К специальному анализу проблемы соотношения искусства и теории искусства Белинский впервые обратился в своей полемической статье «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”», опубликованной в 1836 г. в журнале «Телескоп». Работа была направлена против философии эстетики, пропагандируемой С.П. Шевыревым. Основой подхода Белинского являлось диалектическое представление об объективной закономерности искусства, обусловленности его развитием общественных потребностей, исторической эволюцией общества. В статье обосновывалась мысль, что теория искусства выводится из отраженных в творчестве законов человеческого духа и вековых опытов над произведениями искусства. «Следовательно, не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку — теорию изящного; следовательно, искусство только тогда истинно и изящно, когда верно себе, а не науке, а если науке, то им же самим созданной. Правда, наука всегда силилась покорить искусство, но какое было следствие этого? Смерть искусства...» [2, II, с. 139] — заключает автор.

С идеей первичности искусства по отношению к теории искусства было связано то, что Белинский наиболее высоко оценивал значение поэтов «первобытных народов», поскольку эти поэты творили в эпоху, когда еще не было какого-либо сознательного представления о поэзии. «Создания таких поэтов суть типические, оригинальные и вечные. Они творят роды и формы искусства, ибо...служат образцами для последующих творцов» [2, I, с. 322], — утверждал он в статье «О стихотворениях г. Баратынского» («Телескоп», 1835). В дальнейшем критик часто возвращался к данной проблеме, подчеркивая фундаментальное значение произведений Эсхила — творца греческой трагедии, создавшего «тип эпических рапсод, тип эсхиловской драмы, ...тип истинный, естественный..., ибо он найден в природе, а не выдуман», и Софокла [2, I, с. 322, II, с. 565, 425, V, с. 238, IX, с. 686]. Древнегреческое

искусство, в концепции Белинского, явилось основой европейского искусства и возникновения эстетики.

В работах конца 1830-х гг.: «Гамлет», принц датский. Сочинение Виллиама Шекспира...» (1838), «О развитии изящного в искусствах и особенности в словесности». Сочинение Михаила Розберга, доктора философии и пр.» (1839) критик развивает положение о первичности искусства по отношению к науке об искусстве, рассматривая данный вопрос в рамках теории познания в целом. «Всякий предмет человеческого знания имеет свою теорию, которая есть сознание законов, по которым он существует. Сознать можно только существующее...», — пишет он, приводя многочисленные доказательства того, что «...отсутствие предмета теории уничтожает возможность всякой теории» [2, II, с. 435].

Центральной идеей мировоззрения Белинского была мысль о свободе творчества. Положение о спонтанности, самопроизвольности творчества, подчиненного только собственным внутренним законам, утверждалось им на основе диалектического представления о тождестве объекта и субъекта познания. Первостепенное значение в обосновании свободы творчества в эстетике Белинского имела разработка в ней проблемы творческого вдохновения.

Идея спонтанной сущности вдохновения утверждалась Белинским с середины 1830-х годов. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» он подчеркивает, что потребность творить приходит к художнику «...вдруг, неожиданно, без спросу и совершенно независимо от его воли...», что художник может творить только в особом состоянии души, возникающем самопроизвольно, «...ибо поэтические идеи и идеалы — эти небесные тайны — должны и высказываться в светлые минуты откровения, которые называются минутами вдохновения, художнического восторга» [2, I, с. 286, 288]. Выраженная в этой работе мысль, что «...главный, отличительный признак творчества состоит в таинственном ясновидении, в поэтическом сомнамбуле», особенно восхитила Гоголя [2, I, с. 288]. Белинский стремился раскрыть диалектическое единство свободы и необходимости (закономерности) в творчестве. «Поэт... не может творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной воле, если не чувствует вдохновения, которое решительно не зависит от него: следовательно, творчество свободно и не зависит от лица творящего...», — рассуждает он. В то же время, в творчестве отражаются и эпоха, и жизнь народа, и индивидуальные особенности художника: «...следовательно, творчество зависит от него...», но естественным образом, «...как зависит душа от организма, как зависит характер от темперамента» [2, I, с. 288].

В конце 1830-х — 1840-е гг. идея свободы творчества концентрируется во взглядах Белинского в представлении, что творчество — это инстинкт. Понимание творчества как инстинкта относится им не только к искусству, но и распространяется на жизнь в целом — на жизнь человека и общества. «Инстинкт действительности» стал для него критерием оценки людей. Непосредственность восприятия, противопоставленная книжному знанию, выступает для Белинского мерой достоинства человека. В разгар идейной полемики, происходившей во второй половине 1830-х гг. между ним и Бакуниным, критик подчеркивал «дивный» инстинкт действительности и в самом Мишеле, и в его брате Николае Бакунине [2, XI, с. 464 – 465]. Инстинкт действительности Белинский считал общим свойством исторических личностей.

Исходя из представления, что основой жизни является инстинкт, критик отвергает принцип руководства жизнью наукой, теоретической абстракцией, связывая с абсолютизацией теории диктаторские стремления, желание обладающего теоретической истиной подчинять людей своей воле. «Жизнь — враг книги. Книга хороша в книге. При том же, тащить за собою — система самая ложная. Иди своею дорогою, оставляя других идти своею» [2, XI, с. 488], — говорилось в его письме к Михаилу Бакунину от 26 февраля 1840 г.

Инстинкт творчества являлся для Белинского мерой гениальности творца. Его письмо к К.Д. Кавелину, написанное 7 декабря 1847 г., свидетельствует, что представление о спонтанной, самопроизвольной сущности творчества и понимание жизни как творчества были главными в его мировоззрении 1840-х годов. Гоголь в своем творчестве «...действовал бессознательно, — это очевидно, но Корш* более чем прав, говоря, что все гении так действуют, — говорилось в письме. — Я от этой мысли три года назад с ума сходил, а теперь она для меня аксиома, без исключений. Петр Великий — не исключение. <...> Гений — инстинкт, потому и откровение...» [2, XII, с. 461 – 462].

Дефиниция творчества как инстинкта не означала абсолютизацию бессознательного в системе взглядов Белинского. Определение его относилось к сущности творчества. В статье «Русская литература в 1845 г.», опубликованной в январском номере «Отечественных записок» (1846), критикуя метод «романтиков» (современных ему представителей либерально-буржуазного направления в русской общественной мысли), он дает диалектическое решение проблемы соотношения сознательного и бессознательного в творчестве: «Во всем видно одно: жить мимо жизни,

* Корш Евгений Федорович (1809 – 1897) — общественный деятель, участник московского кружка западников, публицист, переводчик, издатель.

глубокий внутренний разлад с действительностью. Сперва хотят составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потом уже и жить по этой программе. <...> Человек должен сознавать жизнь, и разум должен вести человека по пути жизни — тем и отличается человек от животных бессловесных, но основой жизни должен быть инстинкт, непосредственное чувство. Без них жизнь есть пустое, холодное и, к довершению, преглупое умничанье, так же как без мыслительности непосредственное состояние есть животное состояние...» [2, IX, с. 382].

Одной из особенностей эстетики Белинского было то, что среди всех родов литературы и направлений художественной культуры он любил «драму предпочтительно», объясняя это тем, предмет драмы «...есть исключительно человек и его жизнь, в которой проявляется высшая, духовная сторона всеобщей жизни вселенной» [2, I, с. 79]. Проводя аналогию между положением драмы в искусстве и истории в научном познании, критик объясняет особый интерес людей к ним обеим тем, что «человек всегда был и будет самым любопытнейшим явлением для человека, а драма представляет этого человека в его вечной борьбе с своим я и с своим назначением, в его величайшей деятельности...» [2, I, с. 79]. В середине 1830-х гг. драма характеризовалась им как «...если не лучший, то ближайший к нам (людям. — *И.К.*) род поэзии» [2, I, с. 79].

В начале 1840-х годов, систематизируя свои представления о структуре искусства и истории искусства, Белинский формулирует мысль о высшем значении драматической поэзии в искусстве. В статье «Разделение поэзии на роды и виды» он определяет поэзию как высший род искусства, на основании того, что «поэзия представляет собою всю целостность искусства, всю его организацию...» [2, V, с. 7]. Вслед за Гегелем, видевшем в драматической поэзии «высшую ступень поэзии и искусства вообще», ибо она «соединяет в себе объективность эпоса с субъективным началом лирики», Белинский утверждает, что «...высший род поэзии и венец искусства — поэзия *драматическая* (курсив здесь и далее в оригинале. — *И.К.*)», так как она представляет собой слияние двух отвлеченных крайностей — эпической и лирической поэзии «в живое самостоятельное третье» [2, V, с. 10].

Данное положение драматической поэзии в искусстве, по мысли Белинского, обусловлено тем, что «герой драмы — *личность человеческая*», «человек есть герой драмы» [2, V, с. 16]. Трагедию критик считал высшим развитием драмы. «Драматическая поэзия, — обобщает он свою мысль, — есть высшая ступень развития поэзии и венец искусства, а трагедия есть высшая ступень и венец драматической поэзии. Посему трагедия заключает в себе всю сущность драматической

поэзии, объемлет собою все элементы ее...», потому что «...предмет трагедии есть жизнь во всей многосложности ее элементов» [2, V, с. 57]. Белинский отмечал особую редкость драматических гениев, объясняя это тем, что «...тесные рамки драмы, ...всегда покоряющейся сценическим условиям, требуют особенной быстроты и живости в ходе действия..., ибо драма, преимущественно пред всеми родами поэзии, представляет жизнь человеческую в ее высшем и торжественнейшем проявлении» [2, I, с. 271].

Представление Белинского о месте поэзии, драмы и трагедии в художественной культуре свидетельствует о том, что он считал Эсхила и Софокла — создателей поэтической трагедии, и Шекспира — «...этого царя поэтов всего мира...», драма которого явила собой «...высочайший прообраз христианской драмы» [2, V, с. 58], самыми гениальными среди творцов искусства.

С середины 1830-х годов до отъезда М.А. Бакунина в Германию, летом 1840 г., родоначальник русского анархизма и русский критик находились в постоянном интеллектуальном общении, будучи товарищами по кружку Н.В. Станкевича, близкими друзьями, а затем — и идейными оппонентами. В течение нескольких лет, во второй половине 1830-х гг., между ними происходила страстная полемика, содержание которой отразилось в «письмах-диссертациях», которыми они постоянно обменивались в этот период.

Огромное влияние молодого Бакунина на формирование фило-софской культуры русского общества того времени, в том числе, на становление критического метода Белинского, является общепризнанным в современной науке. Однако не меньшее значение имело и обратное влияние – воздействие эстетики Белинского на формирование взглядов Бакунина.

Отрицание создателем революционного анархизма возможности жизни «по ученой схеме», его представление о жизни как творчестве и мысль, что «только сама жизнь, которая освобождена от всяких правительственных и доктринерских преград, и которой предоставлена полнота самопроизвольности, может творить» [1, III, с. 74, 200], – связаны с воззрениями Белинского. В обосновании Бакунина понимания жизни, социального развития как творчества и значения творческого инстинкта народа (общества) в истории:

«Жизнь, взятая в этом всеобъемлющем смысле, не является применением той или другой теории; жизнь — это творение, сказали бы мы охотно, если бы не боялись быть неправильно понятыми. Сравнивая народы, творящие собственную историю с художниками, мы спросили бы: разве ждали великие поэты для создания своих произведений, чтобы наука раскрыла законы поэтического творчества?»

Не создали ли Эсхил и Софокл свои великолепные трагедии раньше, чем Аристотель построил на основании их творений свою первую эстетику? Теориями ли вдохновлялся Шекспир? А Бетховен? Не расширил ли он созданием своих симфоний самые основания контрапункта? И чем было бы произведение искусства, созданное по правилам самой лучшей эстетики в мире? Повторяем еще раз — ничтожеством. Но народы, творящие свою историю, не слабее творческой мощью, не зависимее от г.г. ученых, чем художники!» [1, III, с. 155-156], – также прослеживается прямая преемственность с эстетикой Белинского.

Бакунин основывается в своем рассуждении на аксиоме, что творчество — это инстинкт, утверждает, что эстетическая наука закономерно возникла вследствие развития искусства, создания творений великих художников, что источником вдохновения является жизнь, и художественное творчество, осуществляемое путем применения эстетики, невозможно. Теоретик анархизма приводит четыре примера великих художников, трое из которых — драматические гении, которых Белинский ставил наиболее высоко среди творцов искусства. Четвертый пример — Бетховен, был самым любимым Бакуниным гением музыки, которую великий анархист «обожал» больше всех других искусств, воспринимая ее как одну из «стихий жизни», условие своего существования. В последнем можно видеть закономерность, так как спонтанная, самопроизвольная сущность творчества наиболее ярко проявляется в музыке — самом «анархичном» направлении художественной культуры. Поэзия была следующим, после музыки, наиболее любимым Бакуниным искусством, поэтому указание в его рассуждении на Эсхила, Софокла и Шекспира соответствовало его мировосприятию.

В полемике, происходившей между Бакуниным и Белинским во второй половине 1830-х гг., критик выступал против абсолютизации научной абстракции по отношению к жизни, стихийному самопроизвольному творчеству, и всеобщего — по отношению к индивидуальному. Положения, которые Белинский отстаивал в ходе этой полемики, кроме «собственной» его мысли — о «простоте истины» (доступности для понимания людей важнейших человеческих истин), как он сам утверждал, были восприняты им от Бакунина. Однако выдвижение их на первый план в системе взглядов Белинского способствовало дальнейшей эволюции Бакунина в направлении создания теории и практики анархизма.

Между создателем русского анархизма и родоначальником реализма в отечественной художественной критике объективно происходил процесс творческого взаимодействия. Становление взглядов Белинского происходило под прямым влиянием Бакунина, в среде, в которой

великий анархист был одним из интеллектуальных лидеров. В свою очередь, эстетические принципы Белинского органически вошли в идеологию русского классического анархизма как одни из ее «аксиом», теоретических оснований. Представление критика об *инстинкте* творцов искусства получила развитие в идее Бакунина о творческом инстинкте народа (народов). Понимание творчества как инстинкта приобрело в идеологии русского анархизма новое качество, выступая последовательным социальным принципом.

Список литературы:

1. Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 1 – 5. Пб.: Голос труда, 1919 – 1922.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953 – 1959.

2.3. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

СМЕРТНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ КАК ОБЕРЕГ

Сагаева Зарина Хасановна

*магистрант,
ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова»,
РФ, г. Владикавказ*

Аннотация. Колыбельная как поэтический жанр имеет большую историю исследования, но в настоящее время магическая сторона народных колыбельных песен мало изучена. В статье рассматривается происхождение и значение смертной колыбельной песни. Определяются место и роль оберегов.

Ключевые слова: колыбельная песня; оберег; зыбка; магический обряд; мотив; смертная колыбельная песня; заговор.

Колыбельная песня приходит в жизнь человека еще в младенчестве, значительно раньше, чем сам он овладевает речью и возможностью выражать свои мысли и ощущения вербально.

Эти простые и ритмичные музыкальные произведения относятся к древнейшим элементам народного фольклора. Название «колыбельная» происходит, очевидно, от названия детского ложа – колыбели, которое в свою очередь происходит от «колыбать» (качать, колебать). В северных губерниях России колыбельные песни назывались «байками», от байкать, убаюкивать.

Колыбельные возникли в те времена, когда слово высказанное считалось волшебством, иногда опасным. Напомним, что древнее значение этого слова – «шептать, заговаривать». Необходимо заметить, что в данном жанре, как ни в каком другом, яснее всего сохранились элементы заговора – оберега.

Покачивание ребенка, которым сопровождаются колыбельные, в славянской культуре имеет отдельное значение, близкое к магическому. Дело в том, что адресат колыбельной – младенец – находится в ситуации инициации, в переходной стадии, когда ему требуется сила для роста. Именно качание (качели) народ воспринимал как магию «здоровья и роста» - в частности, это движение являлось

частью ритуала, направленного на «рост жита» (размахивание, то есть качание с большой амплитудой, символизировало плодородие и оплодотворение).

То есть, покачивая ребенка, мать давала ему «наказ расти» и желала здоровья [1].

Для того чтобы малыш быстрее засыпал, была придумана специальная кроватка для укачивания - колыбелька (зыбка). Самое почетное и светлое место в крестьянской избе уделялось ей.

Под влиянием обрядовых песен, в колыбельных появляются описания идеальной колыбели, у нее: «рог золотой», «подушечка перинка», «одеяльце соболье». На Руси устройство колыбели обыгрывалось множеством таинств и мистических обрядов.

Люльку подвешивали к потолку. *У многих народов существовало поверье, что небесные силы охраняют приподнятого над полом ребенка, так он лучше растет и накапливает жизненную энергию.*

Материал подбирали ответственно, как правило, использовали камыш и луб.

Не отвлекаясь от повседневной домашней работы, снизу прикреплялась веревка, позволявшая качать эту люльку - зыбку с находящимся в ней ребенком [2]. Соломенный матрасик или толстый слой соломы, положенный на дно колыбели, служил младенцу постелью.

Ребенка после рождения укладывали в колыбель обычно через два – три дня. Колыбель тщательно готовили – окропляли святой водой с особой молитвой. Над колыбелью всегда был полог из темного ситца, который защищал младенца от яркого света, насекомых, а также от «дурного» глаза посторонних людей и «нечистой силы».

Определенные обряды совершались и перед тем, как первый раз положить младенца в зыбку. Они также должны были защитить младенца. Так, надежными защитными оберегами от порчи считались ножницы, топор, иголки. Иногда ребенка умывали через ухват водой, наговоренной на шестке, такое действие считалось оберегом от сглаза.

С целью защиты ребенка от «нечистой силы» проделывали разные манипуляции.

Например, нужно было в течение дня напрясть нитки, выткать из них холст, в который нужно было принять ребенка.

Иногда и отец ребенка мог уложить его, таким образом, как бы официально признавал его своим ребенком.

Принято считать, что окружающий мир наших предков был полон магии и необъяснимых сил, порой очень враждебных.

По мнению русичей, без правильного подхода к ней, выжить было нелегко.

Особенно уязвимыми люди чувствовали себя во сне. Так, по версии некоторых исследователей, наши предки воспринимали сон, как временный отход в мир иной. Кроме того, до начала XX века европейские ученые были уверены, что сон – это аналог смерти.

Действительно, сон – состояние человека, воспринимаемое как близкое к смерти («вечному сну»), а сновидения трактовались как путешествия неумной души по далеким мирам [3].

Младенцы же, еще не обученные народным методам самозащиты от злых сил, не обладающие искусством заговора были совершенно беззащитны ночью.

В целях защиты своего ребенка, мать пела про его смерть.

Таким образом, она говорила нечисти, поджидающей свою жертву, что малыш уже умер, а значит приходить за ним во сне нет необходимости.

Мотив пожелания смерти младенцу, занимает особое место в колыбельных песнях. Он как никакой другой, вызывает споры у фольклористов, этнографов и педагогов по поводу трактовки значения и функций, которые выполняли эти песни.

«Бай да бай,
Поскорее помирай!
Помри скорее!
Буде хоронить веселее...» [4].

Существует несколько основных версий возникновения смертных колыбельных.

Первая, и наиболее спорная, это – тяжелые условия жизни, при которых лишний рот воспринимался как обуза.

При этом трудно отрицать тяжёлое экономическое положение отдельных крестьянских семей.

Существует определённый паремический ряд доказывающий данную гипотезу: «Сын – кормилец, а девочка - раззоридомка!». Ведь для крестьянина и лошадь была дороже ребенка, т. к. если погибнет лошадь, то все дети, а не один, вынуждены будут голодать, болеть и умирать. Такая точка зрения была особенно характерна для советской фольклористики.

Считалось, что если измученная мать сама «уговорит» ребёнка покинуть мир, то он уйдёт во сне и без мучений.

Вторая точка зрения представлена в работах А.Н. Мартыновой и сводится к тому, что эти песни относились только к детям определенного рода – незаконнорожденным, слабым и больным.

Следовательно, тем, которым жизнь сулила множество бед и страданий.

Во многих ритуалах и обрядах, связанных с ранним детством, была задача «обмануть лукавого», т. к. детская жизнь была очень зыбка.

Мотив обмана злых духов был очень популярен в языческих верованиях.

Как пожелание охотнику вернуться без добычи, так и пожелание смерти малышу, скорее всего, было призвано обмануть злые силы, обдурить их, чтобы они не заинтересовались и без того ненужным ребенком и не захотели отнимать его у семьи. В этом и заключается сущность третьего подхода.

Так считает, в частности, В.П. Аникин.

Он утверждает, что, распевая такую песню, мать не желает ребенку смерти, а, напротив, борется за его жизнь и здоровье. Она верила, что после такого пения злые силы оставят ребенка в покое и решается на обман. Отвлекает их внимание и заявляет в песне, что ребенок все равно умрет и даже мертв:

«Бабушка старушка!
Отрежь полотенце
Накрыть младенца» [5].

Таким образом, смертная колыбельная «страхует» смерть реальную, «закаляя» ребенка.

Детальное изображение похорон в смертных колыбельных, придает родителям надежду на то, что ребенок очистится от порчи и сглаза, останется живым, здоровым и приобретет жизненную силу.

Очевидно, что песня всеми средствами «предохраняет» младенца от возможных опасных контактов. Смертные колыбельные песни своим мотивным сочетанием, не только доказывают охранительную природу «похоронного чина», но и еще раз говорят об отсутствии реального пожелания смерти.

Колыбельные песни в ходе эволюции утратили свою магическую функцию, но в памяти тексты продолжали сохраняться. По древнейшим моделям стали создавать новые и новые произведения, носившие чисто практический характер.

Ежедневное исполнение песен позволило сохраниться как древним текстам, так и новым, появившимся в практике ухода за детьми. Вот так при внутреннем стремлении отогнать и обмануть смерть, появились эти песни. Видно, это средство действовало, если смертные колыбельные прожили много-много лет и дошли до наших дней.

Список литературы:

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. - Москва, 1957. – 240 с.
2. Капица О.И. Детский фольклор. Л., 1928. – 224 с.
3. Кононенко А.А. Персонажи славянской мифологии. М., 1993. – 224 с.
4. Мартынова А.Н. Опыт классификации русских колыбельных песен. // М., 1974, №4. – С. 101-116.
5. Мухамадиева Д.М. Особенности невербального и вербального кодирования в колыбельной песне (на примере русских и татарских народных колыбельных песен) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – №7. – С.141-145.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

3.1. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ В РАССКАЗЕ Э. ХЕМИНГУЭЙЯ «КОШКА ПОД ДОЖДЁМ»

Ковальчук Светлана Сергеевна

*канд. филол. наук, доцент,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень*

Шутова Елена Юрьевна

*старший преподаватель,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень*

CONCEALED MEANING OF THE STORY «CAT IN THE RAIN» BY E. HEMINGWAY

Svetlana Kovalchuk

*candidate of Philology, associate Professor,
Tyumen state University,
Russia, Tyumen*

Elena Shutova

*senior lecturer, Tyumen state University,
Russia, Tyumen*

Аннотация. В статье рассматривается сущность понятия подтекста. Дается историческая справка появления данного приема и обосновывается необходимость его использования в художественном произведении.

Проанализирован скрытый смысл рассказа Э. Хемингуэя «Кошка под дождем». Используя подтекст, автор заставляет читателя проникнуть в суть рассказа и, наблюдая за жизнью героини, в первую очередь, сопереживать ей, надеяться и верить в светлое будущее. Художественные детали автора помогают увидеть в скрытом необходимость перемен в существующем укладе семейной пары, поскольку молодая американка так стремится изменить свою жизнь.

Abstract. The article discusses the essence of the concept of a subtext. The historical information of the appearance of this technique is given and the necessity of its use in the literary work is explained. The concealed meaning of E. Hemingway's story "Cat in the Rain" is analyzed. Using the subtext, the author forces the reader to penetrate into the essence of the story and watching the life of the heroine, first of all, empathize with her, hope and believe in a bright future. Artistic details of the author help to see the concealed need for change in the existing way of a married couple, as a young American woman is so eager to change her life.

Ключевые слова: подтекст; скрытый; двухплановый; авторская уловка; художественная деталь

Keywords: concealed meaning; hidden; two-dimensional; author's trick; literary detail

Согласно Современной энциклопедии подтекст это скрытый, отличный от прямого значения высказывания смысл, который восстанавливается на основе контекста с учетом ситуации [3].

Подтекст – не выраженный явным образом, отличный от непосредственного воспринимаемого при чтении фрагмента текста смысл, восстанавливаемый читателем (слушателем, адресатом) на основании данного фрагмента текста с предшествующими ему текстовыми фрагментами, как в рамках данного текста, так и за его пределами – в созданных ранее текстах («своих» или «чужих») [1].

Очевидно, что восстановление смысла возможно в связи с тем, что текст, наряду с линейной структурой обладает также некоторой внутренней структурой (точнее, набором структур), являющиеся нелинейными – они создаются целостной семантико-композиционной организацией элементов произведения, соподчиненных друг другу и имеющих прямые и обратные связи. Элементами, иницирующими порождение более глубинного смысла определенного отрезка текста, могут выступать различные структурообразующие значимые единицы: от морфемы до сверхфразового единства.

Подтекст – это явление прагматики текста: в основе его распознания лежит способность человека к параллельному восприятию

двух дистанцированных друг от друга, но семантически связанных между собой сообщений. В этом случае, по словам В.А. Звягинцева, «к непосредственно воспринимаемой информации, заключенной в поверхностной структуре объекта, приплюсовывается и иная, скрытая, исходящая из модели данного объекта, информация» [1].

Известно, что впервые понятие подтекста вошло в литературу в начале XIX века. Прием был характерен для психологической прозы или поэзии символизма и постсимволизма. Позднее подтекст стал актуальным даже в публицистике. В литературе понятие «подтекст» первым осмыслил Э. Хемингуэй. В философском понимании термин «подтекст» определялся как скрытая часть произведения, где находятся основные моменты рассказа, которые читатель должен самостоятельно отыскать. Подтекст хорошо прижился в Японии, где недосказанность или намек представляет собой особую художественную меру, которая встречается как в произведениях литературы, так и областях искусства. Вероятно, обосновался этот прием в Японии благодаря тому, что религия и менталитет этой страны ориентированы на то, чтобы увидеть в неочевидном очевидное.

Эрнест Хемингуэй утверждал, что литературное произведение словно айсберг, на поверхности которого одна седьмая часть истории, а все остальное таится между строк. Чтобы донести до читателя скрытую от него информацию, автору приходится намекать на событие или ситуацию. Такие намеки и являются подтекстами, представляющими собой своеобразную уловку в имеющемся арсенале писательских приемов. Понять подтекст означает раскрыть суть того, о чем автор умолчал. Проникая в суть скрытого, читатель становится соавтором, воображая, анализируя и додумывая. Управляя, таким образом, воображением читателя, автор втягивает его в процесс сопереживания, радости и грусти. Сам по себе текст - лишь набор из букв и знаков препинания, ничего особо не значащих. За ними скрывается междустрочные переживания главных героев или красота другого мира [2].

Считается, что работа в качестве газетного репортера и фронтového журналиста повлияла на писательскую деятельность Э. Хемингуэя. Его произведения отличались своей скупостью, точностью и лаконичностью, в которых можно встретить минимумом прилагательных и словесных «украшений».

Хемингуэй полагал, что писатель, хорошо знающий, что и о чем писать, имеет право многое опустить из известного и понятного ему. Вдумчивый читатель определенно сможет ощутить, что подразумевается, и для него не составит особого труда мысленно восстановить то, что подразумевал автор.

Факты, слова и поступки, находящиеся на поверхности и спрятанная в подтекст психология значительно увеличивают значимость диалога. Он носит, в этом случае, двуплановый характер. О наболевшем не говорится, а лишь подразумевается. Поступки и поведение героев могут не соответствовать их душевному состоянию. Речь может идти о самых прозаических вещах, но, казалось бы, незначительная художественная деталь помогает прорваться наружу тому истинному, ради чего и задумывалось произведение [4].

Рассказ Э. Хемингуэй «Кошка под дождем» является классическим примером реализации «принципа айсберга».

Супружеская пара, живущая в одном из отелей у моря, в которой она – просто американка, он – просто Джордж. При этом никакой экспозиции и предыстории. Главную смысловую нагрузку берут на себя повторы. Вероятно, молодая американка тоскует не по бытовому благополучию, она мечтает о счастливой семье, в которой есть любовь, взаимное уважение, понимание и отсутствует равнодушие. Котенок символизирует ребёнка, о котором она мечтает (*I want a kitty. I want a cat. I want a cat now*), свечи – как символ любви в семье (*I want candles*), длинные волосы означают её желание жить долгой и счастливой семейной жизнью (*...I let my hair grow out*). Молодая американка мечтает о весне (*And I want it to be spring*) и о новой одежде (*...and I want some new clothes*), очевидно, что она недовольна своей семьей, стремится к переменам, к лучшей жизни, но ощущается её беспомощность. Кошка, которая исчезла, когда она пришла, чтобы забрать её домой (*The table was there, was he bright green in the rain, but the cat was gone*) – это ли не пример её отчаяния [5].

Художественные детали, такие как короткая стрижка женщины, все время читающий муж, кошка как символ домашнего очага и уюта оказываются весьма значимыми.

Показателен и открытый финал, и обманутые ожидания американки, когда наступает осознание того, что принесенная слугой кошка оказывается не той, что она пожалела, а домашней, сытой и откормленной. Не может утешиться человеческое сердце одной лишь кошкой – без любви тех, кто находится рядом [4].

Таким образом, подтекст представляет собой смысл, не выраженный прямо, а вытекающий из повествования текста.

Э. Хемингуэй – сторонник лаконичности, скупости и точности, в рассказе «Кошка под дождем», используя подтекст, помогает читателю восстановить то, что он задумал как автор. Многочисленные символы подсказывают читателю, насколько сильно молодая американка желает перемен в семейной жизни и как она устала от чувства безысходности.

Список литературы:

1. Гуманитарные науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://encyclopaedia.bigru.ru/enc/liberal_arts/PODTEKST.html (Дата обращения: 20.02.2018).
2. Подтекст - это особая разновидность передачи информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fb.ru/article/301031/podtekst---eto-osobaya-raznovidnost-peredachi-informatsii> (Дата обращения: 25.02.2018).
3. Современная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/37646> (Дата обращения: 03.03.2018).
4. Э. Хемингуэй «Кошка под дождём». 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://koglib.ru/index.php/mirovaya-literatura/946-e-kheminguej-koshka-pod-dozhdem> (Дата обращения: 01.03.2018)
5. Ernest Hemingway. Cat in the Rain. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://lingualeo.com/ru/jungle/ernest-hemingway-cat-in-the-rain-48407#/page/1> (Дата обращения: 15.02.2018).

3.2. РУССКИЙ ЯЗЫК

РОЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АСПЕКТА В ОПТИМИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ В КОНТЕКСТЕ БИЛИНГВИЗМА

Аббас Ясин Хамза

*д-р филос. наук,
Багдадского университета,
Ирак, г. Багдад*

Аннотация. В статье рассмотрен феномен лингвокультурологического процесса коммуникации в контексте особенностей преподавания русского языка в иностранной аудитории. Утверждается, что люди являются носителями культурно обусловленного поведения, которое определяется их этнической принадлежностью. Акцентируется внимание на том, что обучаемые должны осознавать свою принадлежность к определенной этнической группе и понимать особенности своего собственного поведения, обусловленные ею. Кроме того, не менее важным при этом является понимание такими обучаемыми культурно обусловленного поведения русских и представителей иных этносов, осуществляемых за счет стимулирования преподавателем интеллектуальной пытливости обучаемых соотносимо иных культур.

Abstract. The article examines the phenomenon of the linguocultural communication process in the context of the peculiarities of teaching the Russian language in a foreign audience. It is alleged that people are carriers of culturally conditioned behavior, which is determined by their ethnicity. Attention is focused on the fact that trainees should be aware of their belonging to a certain ethnic group and understand the peculiarities of their own behavior caused by it. In addition, equally important in this case is the understanding by such trainees of the culturally conditioned behavior of Russians and representatives of other ethnic groups, carried out by stimulating the instructor of intellectual inquisitiveness of students of correlatively different cultures.

Ключевые слова: лингвокультурология; русский язык; иностранная аудитория; коммуникация; культурно обусловленное поведение; этническая принадлежность.

Keywords: linguoculturology; russian language; foreign audience; communication; culturally conditioned behavior; ethnicity.

Постановка вопроса в общем виде. Для современного общества характерной является тенденция к кооперированию наличествующих знаний, что, закономерно отражается и в научном дискурсе. Так, все чаще в нем затрагивается проблема взаимодействия различных языковых сознаний – в целом, и специфика изучения иностранного языка, как базиса для такого процесса, в частности.

Понятно, что вышеизложенное приводит нас к мысли о новом трансцендентном опыте языкового сознания, а именно – внедрении в иную культуру, аккумулирующую совершенно отличное социокультурное содержание. Закономерно, что позитивная динамика такого процесса (поликультурного диалога) зиждется на учете социокультурных факторов (лакун, реалий и тому подобного): исторически детерминированных форм бытийной стратификации (культурно обусловленных обычаев, мировосприятия и мироощущении). Таким образом, позитивная динамика иноязычного полилога детерминирована такими факторами:

- спецификой распознавания инокультурного дискурса этноса, язык которого изучается;
- особенностями первичных представлений обучаемых об этом дискурсе, материализованных посредством потенциальных возможностей к ее познанию, готовности к этому процессу;
- зрелостью национально-маркированных культурных концептов.

При этом непосредственно развертывание процесса коммуникации, в частности – восприятие вербального сообщения, связано с триангулированием речевых ориентиров текста с системой семантических маркеров, хранящейся в сознании носителя языка. Последние коррелируют с вещественным и событийным контекстом как в языковой, так и онтологической действительности, соответственно декодируясь посредством социокультурного дискурса.

Именно он является ключевым для понимания смысла сказанного, поскольку именно из него проистекает семантическое наполнение, в рамках которого действуют коммуниканты, собственно, порождая высказывание. Таким образом, восприятия иностранного языка (читайте – инокультуры) базируется на неких фоновых знаниях, существующих в языковом сознании внеположено полилогу (быт, одежда, еда и прочее): кроме того, следует вспомнить об универсалиях, а также ценностях, носящих национальных характер.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованиями упомянутой проблематики занимались следующие ученые: Ю. Апресян, Н. Арутюнова, А. Аскольдов, А. Бабушкин, А. Баскина, А. Бердникова,

Н. Бердяев, Л. Бублейник, А. Васильев, Г. Васильева, А. Вежбицкая, Е. Верещагин, А. Виндгольц, Л. Виноградова, Т. Владимирова, С. Воркачев, В. Воробьев, К. Гаджиев, Г. Гачев, А. и С. Грандо, Д. Гудков, В. Гумбольдт, В. Даль, П. Денисов, А. Довгань, В. Дьякова, Г. Елизарова, Ш. Жарыкбекова, П. Заблудовский, А. Зализняк, В. Зимин, Е. Зиновьева, М. Зощенко, Т. Зуева, Г. Дилигенский, О. Ипанова, М. Каган, Т. Капитонова, Я. Капранов, В. Карасик, Ю. Караулов, А.С. Кармин, Б. Кирдан, М. Киселева, Л. Московкин, З. Попова, И. Сахаров, Э. Таубе, В. Телия, С. Фролов, Т. Цивьян и другие.

Формулирование целей статьи (постановка задания). *Целью* статьи является определение роли лингвокультурологического аспекта в обучении русскому языку как иностранному. *Предметом* – специфика функционирования упомянутого процесса на фоне особенностей языкового сознания носителей русского литературного языка.

Изложение основного материала. Общение (коммуникация) является особым видом человеческой деятельности: так, динамическая природа упомянутого явления обуславливает наличие череды особенностей, которая, в свою очередь, репрезентирует осложнения, проблемы в многочисленных фактах языковой жизни личности и является важной вехой на пути к ее успеху.

Очерченные проблемы коммуникации представляются разветвленной системой психически-, культурологически- и этнопсихически-маркированных компонентов жизни языка в призме локализованного объекта ее влияния – человека. Бесспорно, такое влияние происходит на протяжении всей жизни и его природа является накопительной по своей сути, то есть проявляется в качестве геометрической прогрессии.

В этом контексте интересным представляется явление билингвизма (двуязычия), которое, бесспорно, занимает особое место как в языковом (идеальном – мире графических символов, непосредственном проявлении индивидуумом системы языка ради коммуникации), так и физическом (прагматический аспект коммуникации, в которой она представляется средством для достижения определенной цели: влияния на другого коммуниканта получение/предоставление информации и, в конце концов, достижение, таким образом, успеха) дискурсе.

Тут необходимо сказать, что очерченная успешность пребывает в непосредственной связи с позитивной динамикой коммуникации, которая много в чем зависит от *языковых ресурсов личности* (под этим термином мы имеем в виду грамотность, языковую эрудированность и базовую языковую компетентность отдельного индивидуума). Последние, по-нашему мнению, дуализируются (две языковые системы начинают противопоставлять одна другой) в случае двуязычия, то есть билингвизма.

Это представляется крайне важным в процессе преподавания русского языка иностранцам, поскольку, в данном контексте, может возникнуть явление интерферирования одного языка по отношению к другому на чисто статистическом уровне (перепутывания языковых единиц). Кроме того, весьма вероятным нам представляется, конфликт национальных картин мира, вследствие не четкого понимания особенностей бытования языковой полисистемы в социальной реальности.

В этом свете явление билингвизма следует интерпретировать как такое, которое репрезентирует специфичное состояние общественной жизни, характеризующееся наличием и функционированием, а также сосуществованием в границах одной страны двух языковых систем [21]. Последнее особенно любопытно в силу того, что, как правило, иностранные обучаемые владеют, кроме своего, – родного, – языка еще и английским. То есть, в силу обстоятельств, русский язык выступает *tertium comparationis* (третьей стороной) существование которой стабилизирует взаимодействие двух первых на концептуальном уровне, но флуктуирует, когда речь идет о ней.

Причинами сложившийся ситуации является, на наш взгляд, культурные «примеси», приносимые обучаемыми с родных языков: многочисленные лакуны и универсалии одного языка начинают паразитически бытовать в иностранном, не просто подчиняя его семантику, но извращая ее в своем контексте. Последнее можно связать с интеграционными процессами, способствующим превращению Европы в многоязычное пространство, в котором все национальные языки имеют равные права [21].

При этом экономические, военные, духовные, образовательные и гуманитарные потребности и интересы требуют кооперации не только стран (составляющих макроэкономических отношений), но и мелких элементов макрокоммуникации: многочисленных фирм, трестов, корпораций и так далее (составляющих микроэкономических): последние, за счет взаимовыгодного партнерства, выходят на международный рынок. Как следствие, усиливается мобильность людей, устанавливаются и выходят на новый уровень поддерживаемые ранее контакты как в середине страны, так и с зарубежными друзьями и партнерами [21].

Степень развитости речи произвольно влияет на самоощущение обучаемого, когда умение высказывать свои мысли и понимать речь окружающих детерминирует его место и роль в обществе (круг друзей, особенности внешней и внутренней оценки Я, возможность стать лидером в коллективе и так далее). Уровень использования языка зависит также от разнообразия и правильности речевых впечатлений, которые обучаемый получает с раннего детства [10]. Последнее приводит к продуктивному билингвизму (по терминологии Е. Верещагина, выделявшего

три его уровни: кроме продуктивного, рецептивный – понимание речи и репродуктивный – умение воспроизвести услышанное [10]), который характеризуется умением не только понимать и воспроизводить, но и выстраивать целостные осмысленные высказывания [10].

При этом в процессе изучения русского языка как иностранного чрезвычайно важной представляется коммуникативная компетенция, то есть овладение системой коммуникативных знаний, умений и навыков, развивающихся и перефокусирующихся в процессе учебной коммуникации, в результате чего общая коммуникативная компетенция личности приобретает дополнительные качества [25; 26, с. 5].

Последнее подтверждает признание такого обучения многими учеными Европы, как одной из возможных наиболее эффективного овладения иностранными языками и одновременно существенной составляющей поликультурного образования [21]. К сожалению, билингвизм на пространстве бывшего Советского Союза – это тенденция целенаправленной политики страны, а как наследие советского прошлого страны, когда все граждане стран-членов Советского Союза владели русским языком и она была средством межкультурного общения. На данный момент поликультурное образование в этом геополитическом пространстве набирает обороты: в некоторых образовательных учреждениях (школах, университетах), кроме традиционного английского, изучается немецкий и французский (иногда даже вместе) [21].

Как известно, язык является выражением культуры, именно поэтому большинство слов в нем имеют особое семантическое наполнение, характерное для некоего народа. Даже наличие соответствующего слова в другом языке не предвещает однозначности этих слов: последнее связано с тем, что языковая система каждого этноса формирует лексемы на обозначение именно тех понятий по-своему, соответственно личному опыту индивидуума [19, с. 100]. Это связано с тем, что восприятие мира всегда отражается в понятиях, сформированных на основе родного языка с учетом всего богатства присущих этому языку выразительных средств [20, с. 72–73].

Именно поэтому необходимо отметить, что проблема обучения сродных языков базируется на исследовании языковых контактов и связей, имеющих в языкознании древние и крепкие традиции. Такие работы опираются на фундаментальные, относительно постановки проблемы и привлечения богатого фактического материала работы А. Потебни, Л. Булаховского, А. Шахматова, А. Крымского, П. Жытецкого и других.

Таким образом, все люди являются носителями культурно обусловленного поведения, которое определяется их этнической

принадлежностью. Важным моментом представляется то, что обучаемые должны осознавать свою принадлежность к определенной этнической группе и понимать особенности своего собственного поведения, обусловленные ею. Не менее важным при этом является понимание такими обучаемыми культурно обусловленного поведения русских и представителей иных этносов, осуществляемых за счет стимулирования преподавателем интеллектуальной пытливости обучаемых соотносимо иных культур [20, с. 77].

Последнее способствует успешности межкультурной коммуникации на фоне билингвизма, предполагающую учет в общении особенностей как собственной, так и иных культур обучаемыми, носители которых могут быть потенциальными коммуникантами. Так, необходимо исходить из принципа учета инофонов определенных категорий и моделей новой для билингвов культуры и адекватного пользования ими, а не обязательного присвоения последних. Также важно, чтобы обозначенные категории и модели иной культуры не заменили своих первичных инокультурных (родных для обучаемых билингвов) соответствий [20, с. 77].

Выводы. Проведенное исследование позволило сделать ряд итогов, в частности:

1. Обучение русскому языку иностранцев – сложный дифференцированный процесс, одним из важнейших компонентов которого является учет лингвокультурологических основ языковой полисистемы: родного и изучаемого языков, а также наличие третьей стороны – языка английского, выступающего «стабилизатором» для двух первых. Упомянутая «триада» представляется крайне нестабильной с позиций универсалий, реалий и прочего, находящегося в каждом из языков, поскольку их взаимодействие и интерференцию семантики крайне сложно отследить, упредить и, соответственно, сделать продуктивной.

2. Явление билингвизма в этом свете является крайне продуктивным по причине того, что представляет собой своеобразное состояние общественной жизни, характеризующееся сосуществованием двух (изначальных) языков и внедрением в эту систему третьего. То есть двуязычный человек, билингв, несмотря на способности проведения ряда операций при участии каждого из языков, нуждается в наставнике – преподавателе языка, который бы смог структурировать представленные в «активе» индивидуума знания в языково-логические образы, появление и функционирование которых – результат взаимодействия философии каждого из языков и их влияния на личность обучаемого, приводящее к появлению межкультурного или межъязыкового феномена (культурологически-кумулятивного образования) в виде поликультурного явления латерального мышления.

3. Основная проблема обучения иностранной аудитории иностранному языку требует специальных образовательных технологий в университетах с полиэтническим контингентом для презентации, анализа национальных социокультурных стереотипов речевого общения, а также понимания одной из первооснов любой коммуникации – культурно обусловленного поведения; выстраивания на основе этого успешной межкультурной коммуникации, языково-культурной адаптации в диалогах и полилогах с учетом моделей иных культур.

4. Средством такого межкультурного общения, помогающим преодолевать негативные стереотипы социоречевого поведения любой личности (билингва или монолингва), а также устранении возможных точек ее срыва выступает, конечно же, язык и языковая компетенция преподавателя; при этом последние выступают и инструментом его влияния на участников коммуникации, действующим по принципу «приближения» инокультурной (чужеродной) личности к интеркультурной (собственно, носителя инокультурности).

Список литературы:

1. Александрова А.Е. Лингвокультурологический аспект концептуальной области возраста и его учет в обучении русскому языку американских студентов: дис. ... на соискание уч. степени канд. пед. наук: 13.00.02 / А.Е. Александрова; Российский государственный университет имени им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2006. – 276 с.
2. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах / Ю.Д. Апресян // Известия РАН: СЛЯ. – № 4. – С. 27–41.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – № 1. – С. 37–67.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1998. – 895 с.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С. Аскольдова // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – Москва, 1997. – С. 267–279.
6. Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминский. – Москва: Индрик, 2005. – 528 с.
7. Баскина А.Л. Повседневная жизнь американской семьи / А.Л. Баскина. – Москва: Мол. гвардия, 2003. – 280 с.
8. Бахмутова А.В. Проблемы лингвокультурологии: особенности адаптации программы и организации занятий по культурологии в иностранной аудитории 1 курса / А.В. Бахмутова // Мир русского слова. – 2004. – № 3. – С. 43–47.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1986. – 444 с.

10. Билингвизм: чудо или реальность? : [Электронный ресурс] // Иностранная Исландия. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://foreigniceland.forum2x2.ru/t1801-topic>. – Название с экрана.
11. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 25–36.
12. Бублейник Л.В. Проблемы контрастивной лексикологии: украинский и русский языки / Л.В. Бублейник. – Луцк, 1996. – 132 с.
13. Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов): дис. ... на соискание уч. степени доктора пед. наук: 13.00.02 / О.П. Быкова; Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. – Москва, 2011. – 350 с.
14. Васильева Г.М. К вопросу об особенностях ценностного сознания в зеркале языковой оценки / Г.М. Васильева // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – Выпуск VII. – Санкт-Петербург: Сударыня, 2004. – С. 24–27.
15. Васильева Г.М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания / Г.М. Васильева. – Санкт-Петербург: Сударыня, 2001. – 211 с.
16. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва: Языки славянской культуры, 1996. – 416 с.
17. Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
18. Галенко А.М. Формування лінгвокраєзнавчої компетенції на матеріалі поетичних творів / А.М. Галенко // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2011. – № 6 (217), Ч. II. – С. 100–107. – Бібліогр.: 5 назв.
19. Дороз В. Соціокультурні стереотипи в контексті крос-культурного навчання учнів-білінгвів української мови / В. Дороз // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – 2009. – Вип. 4. – С. 72–80. – Бібліогр.: 12 назв.
20. Зайцева Л.С. Білінгвізм як мовне та соціальне явище : [електронний ресурс] / Л.С. Зайцева // Rusnauka. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/6_NITSB_2010/Philologia/59619.doc.htm. – Назва з екрану.
21. Контрастивно-альтернативна основа вивчення української лексики учнями-білінгвами: [електронний ресурс] // Українська література. – Электрон. дані. – Режим доступа: <http://www.ukrlit.vn.ua/article/1121.html>. – Назва з екрану.
22. Некора Н.Е. Лингвокультурологический аспект концепта «болезнь» и его учет в обучении русскому языку иностранных студентов: дис. ... на соискание уч. степени канд. пед. наук: 13.00.02 / Н.Е. Некора; Российский государственный университет имени им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2007. – 216 с.

23. Нищимова Е.А. Педагогические аспекты лингвокультурологического анализа обучения старшеклассников общеобразовательной школы: дис. ... на соискание уч. степени канд. пед. наук: 13.00.01 / Е.А. Нищимова; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2006. – 177 с.
24. Черничкина Е.К. Доминантность коммуникативного компонента личностного поля человека / Е.К. Черничкина // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Материалы 5 Всероссийской 30 научной конференции. Пенза. 11–14 мая 2005 г. – М.–Пенза, 2005. – С. 106–108.
25. Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. ... докт. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / Е.К. Черничкина; Волгоград. гос. пед. унив. – Волгоград, 2007. – 30 с.
26. Штейникова Н.В. Лингвокультурологический аспект обучения иностранных студентов русскому языку в период довузовской подготовки / Н.В. Штейникова // Вестник Астраханского технического университета. – 2013. – № 3. – С. 88–91.

ЯЗЫК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аль Мугаммай Аззам Ахмад
ассистент, Багдадский университет
Ирак, г. Багдад

LANGUAGE GLOBALIZATION OR THE LANGUAGE OF GLOBALIZATION

Al Mugammai Azzam Ahmad
assistant, Baghdad University
Iraq, Baghdad

Аннотация. Язык - это орудие, инструмент культуры и способ общения между прошлым и настоящим. Никто не может узнать сокровище человеческой мысли и опыта в областях истории, поэзии и прозы без языка - этого инструмента общения между культурами и народами. Язык под этим описанием сталкивается со многими проблемами. Наиболее важной из них является языковая глобализация, а это означает скорость потока самого сильного языка, который обладает элементами власти, господства и контроля над другими языками.

В этой статье рассматриваем языковую глобализацию как серьезную проблему, с которой сталкивается каждый язык, и рассматриваем ее основные недостатки и преимущества, и ее влияние на язык, и способы защиты арабского языка от этой серьезной проблемы.

Abstract. Language is an instrument, a tool of culture and a way of communication between the past and the present. No one can know the treasure of human thought and experience in the fields of history, poetry and prose without language as an instrument of communication between cultures and peoples. Language under this description faces many problems, the most important of which is linguistic globalization, which means the flow rate of the strongest language, which has elements of power, domination and control over other languages. In this article, we consider linguistic globalization as a serious problem faced by every language, and we consider its main shortcomings and advantages and its impact on the language and ways of protecting the Arabic language from this serious problem.

Ключевые слова: языковая глобализация; преимущества и недостатки глобализации; проявления языковой глобализации.

Keywords: language globalization; Advantages and disadvantages of globalization; Manifestations of language globalization.

Современная эпоха стала свидетелем появления многих терминов во всех областях жизни. Один из этих терминов – это глобализация. С середины восьмидесятых и начала девяностых годов, речь идёт об этом широко распространенном явлении по всему миру и на всех уровнях - это явление пришло с Запада. Глобализация является одним из наиболее важных и заметных событий в конце XX века, но что же такое глобализация?

Появление термина "глобализация" связывают с именем американского социолога Роланда Робертсона, который в 1985 году дал толкование понятию "глобализация", а в 1992 г. изложил основы своей концепции в книге.

По определению Робертсона, «глобализация – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах» [4, с. 388].

Р. Робертсон утверждал, что социальным теоретикам следует встать на «специфически глобальную точку зрения и трактовать глобальные условия как таковые, и отмечал что «в процессе глобализации, который происходит относительно независимо от строго социетальных и других традиционно изучаемых социокультурных процессов, присутствует общая автономность и логика» [4, с. 388].

В энциклопедическом словаре СМИ автор дал такое определение глобализации: «Одна из тенденций развития современных масс-медиа включает в себя взаимодействие, кооперацию усилий медийных компаний разных стран на основе развития спутниковых средств связи и других развивающихся способов доставки информационного сигнала, образование транснациональных информационных структур. Одним из проявлений этой тенденции является система международного информационного обмена, в котором участвуют практически все крупнейшие информационные агентства мира» [1].

М. Вотерс отмечает, что «глобализация - это процесс, в ходе которого и благодаря которому определяющее воздействие географии на социальное и культурное структурирование упраздняется, и в котором люди это упразднение все в большей мере осознают» [5].

Известный российский философ С. Панарин определял глобализацию как «процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, некогда изолировавших народы друг от друга, но в то же время предохранявших от неупорядоченных внешних воздействий, и становление новой, (беспротекционистской) системы международного взаимодействия и взаимозависимости» [3, с. 394-395].

Многие арабские учёные и специалисты пытались определить понятие глобализации. Доктор Мухаммед бен Саху определил её как «свободу торговли, свободное передвижение капитала, товаров, услуг и рабочей силы по всему миру» [7, с. 15].

Доктор Абдель Сабур Шахин определил глобализацию как «направление цивилизации и культурного движения к господству одной системы или одной силы над другими, другими словами, привлечение политической и экономической активности к одной центральной силе, конечно, это сила Соединенных Штатов Америки» [7, с. 37].

По нашему мнению, глобализация – это новый мировой порядок во всех областях жизни: экономике, политике, торговле, культуре и т. д. основанный на системе однополярного мира, на разуме и электронной и информационной революции, основанной на информации, безотносительно к системам, цивилизациям, культурам, ценностям и географическим и политическим границам, существующим в настоящем мире.

Хотя некоторые учёные отмечали, что истоки глобализации находятся в XVI и XVII веках, но, как и вопрос определения глобализации, вопрос времени возникновения этого явления является спорным. Мохаммед Хабиб Бальходжа отмечал, «что есть старая и новая глобализация, старая появилась во время промышленной революции в восемнадцатом веке. Революция, которая смогла достичь своей цели

по увеличению объема производства товаров, подтолкнула Европу к поиску новых рынков путём создания многих колоний в Америке, Азии и Африке, и новая, современная глобализация будет достигнута либерализацией торговли» [8, с. 92].

Термин «языковая глобализация» ввели в употребление учёные, которые исследовали влияние глобализации на функционирование национальных языков. Он означает «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации».

«Языковая глобализация» находит выражение, прежде всего, в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в арабскую речь англицизмов. Это связано с объективной необходимостью заимствования арабским языком английских терминов, обозначающих новые реалии в политической, экономической и научно-технической сферах: спикер, саммит, тренд, истэблшмент, омбудсмен; девелопер, ритейлер, брэндинг, Твиттер, гаджет, айпад, айфон, сайт, блогер, онлайн, офлайн, спам.

По мнению одних учёных, новые лексические заимствования признаются объективно необходимыми и вполне оправданными, поскольку англицизмы используются в основном в качестве терминов или наименований понятий, новых для арабского общества. Другие же лингвисты обеспокоены потоком заимствований из английского языка в арабский. Их обеспокоенность вызвана тем, что заимствования проникают и в обиходно-бытовой разговорный язык, причем часто с целью повышения «престижности» речи.

Арабский язык столкнулся со многими вызовами, но с ними всегда удавалось справиться. Первые эти вызовы были связаны с османами, так как они пытались ликвидировать все языки стран, существовавших вокруг Османской империи, но арабский язык успешно противостоял этому вызову и сохранил свою самобытность. Второй вызов был связан с борьбой с западным влиянием во время Французской кампании в Египте и Сирии (1798–1801) и оккупации Францией Алжира в 1830 году, и её попыток ликвидировать арабский язык, и сделать французский язык официальным языком в арабских странах. Но арабский народ упорно боролся с этими попытками, появились голоса, призывающие к возрождению арабского наследия, к использованию арабского литературного языка и переводу иностранных заимствований. И в этот раз арабский народ успешно сохранил свою самобытность.

Проблемы языковой глобализации существуют с тех пор, как появились языки, так как языки воздействуют друг на друга через контакты носителей языков или через контакты культур. Конкуренция между языками похожа на взаимодействие организмов друг с другом

в борьбе за выживание. Важным признаком языковой глобализации является то, сколько в языках заимствованных слов. Таких слов невероятно много, и каждый год их удельный вес в языках растёт.

Проблема заимствования новых слов между языками является очень актуальной и интересной для изучения, так как заимствования – это один из важнейших факторов их развития. В современную эпоху влияние других языков на арабский язык стало очевидным благодаря переводам текстов в различных областях науки с разных языков на арабский язык. Здесь можно выявить такие причины заимствования новых слов, как: необходимость в наименовании вещей и понятий, усиление информационных потоков, появление глобальной компьютерной системы и интернета, расширение межгосударственных и международных отношений, развитие мирового рынка, экономики, информационных технологий — все это не могло не привести к вхождению в арабский язык новых слов.

Можно выявить следующие проявления языковой глобализации в арабском языке:

- Двужычие в образовании.

Проблема двужычия в образовании и иногда преимущественное использование английского языка в образовании в частных школах и университетах является одним из важных проявлений глобализации в арабском языке.

- Использование «альарбизие» (العربيزية).

Современное распространенное явление особенно среди молодёжи – это написание арабских слов английскими буквами и даже использование английских цифр вместо арабских букв, так, например, использование цифр (7) вместо арабской буквы (X-ح).

- Публикация научных исследований на английском языке. Для признания в мировой среде и в международных университетах научных исследований нужно публиковать их на английском языке, в противном случае они не получают признание, так как арабские журналы не зарегистрированы в индексах научных учреждений, и оптимизация арабских журналов для научных исследований требует больших усилий.

- Двужычие даже в общении, а не только в образовании.

Нередко бытуют превратное мнение и особенно у молодых людей о том, что использование иностранных слов в общении и разговорах – это доказательство того, что человек имеет высокий культурный и общественный уровень, например использование английского слова *ok* вместо *ладно* (موافق), слово *klass* вместо *класс* (صف) и слово *telefon* вместо *мобильный телефон* (هاتف محمول-), при ответе на телефонный звонок говорим *hello* вместе *da* (نعم), и при окончании говорим *ok* или

буе вместе до свидания (مع السلامة), говорим *bicycle* вместе *velosiped* (دراجة هوائية) и т. д.

- Использование английского языка в сфере финансовых операций, экономической активности и торговли.
- Одним из проявлений глобализации является угроза обеднения арабской нации.

Многие страны мира были разделены на основе языка, на котором говорят народы той или иной страны. Так, например, в Канаде после признания французского языка в качестве официального языка наряду с английским, люди, говорящие по-французски, призывают к независимости в своих областях. В Индии также имеется конфликт между Севером и Югом на основе языка, где живущие на севере говорят на хинди, а на юге больше используют английский потому, что большинство из них приняли христианство после колонизации. В Алжире конфликт между берберами и арабами на основе языка, и берберы призывают к независимости. Конфликты на почве языка имеются в Ираке между курдами и арабами, также в Судане, где жители Юга больше используют английский. И как сказал Посланник Аллаха, «мир ему и благословение Аллаха (арабский язык ни отца или матери кого-то из вас, а это язык, и кто говорит по-арабски, тот является арабом)». Мы наблюдаем в настоящее время распространение многих иностранных слов в арабском языке и особенно из английского языка, используемых очень широко в общении, в рекламе, в спорте, в торговле, в журналистике, и даже в обучении.

Доктор Джеорджий Зидан отмечал в своей книге: (арабский язык - организм)». Сотни слов заимствованы из других языков мира, но мы должны ограждать арабский язык от ненужных заимствований и модных слов и использовать только то, что нам действительно нужно» [2, с. 140].

Доктор Абдель Сабур Шахин отмечает, что «основная проблема заключается в том, что большинство народов стран третьего мира не понимают отрицательного влияния глобализации на язык и риски, связанные с ней, и что многие языковые школы в этих странах работают над изменением языков этих народов и над борьбой с местными языками, и нет сомнения, что это отрицательное влияние проявится в арабском языке, так как многие иностранные слова (и особенно английские) используются в арабских учебных программах» [7, с. 39-40].

Доктор Мохаммед Али мулла провел исследование среди арабов, живущих в Америке и владеющих арабским и английским языками. Он задал им несколько вопросов, в том числе, какой из двух языков более практичный, современный и актуальный, и на каком языке они предпочитают писать свои исследования. Он получил такие результаты опроса:

Таблица 1.

Результаты опроса

Качество	Английский язык	Арабский язык
Практичность	100 %	65 %
Современность	91.31 %	48 %
Актуальность	87 %	78 %
на каком языке, предпочитают писать их исследования?	87 %	13 %

Как мы видим, многие предпочитают английский язык.

Возникает такой вопрос: «Может ли арабский язык стать общемировым?» Логический ответ на этот вопрос: «Да, арабский язык может стать общемировым. Но может и не стать».

Общепризнанно, что сила и слабость каждого языка тесно связаны с силой народа, говорящего на этом языке, и каждый, кто следит за положением арабской нации в настоящее время и видит её преклонение перед всем западным, без сомнения, знает положение арабского языка в ситуации глобализации.

Однако, у арабского языка есть важное преимущество – число его носителей растёт большими темпами. При этом они не сосредоточены в какой-то одной стране, а живут во многих государствах. Вместе с тем распространение арабского языка затруднено тем, есть и большие недостатки, что арабский язык сложен для изучения и просто никто не предпринимает особых усилий для его популяризации. Такие действия, судя по всему, и не предвидятся.

Эта тревожная ситуация с арабским языком является источником огромной озабоченности о будущем арабского языка. Этой проблеме необходимо уделить серьезное внимание, необходимы наши решительные действия, чтобы сохранить самобытность арабского языка и улучшить его нынешнее и будущее положение. Для достижения этой цели мы предлагаем некоторые рекомендации:

- Привлечь внимание к арабскому языку как средоточию знаний и средству, позволяющему арабской нации продвигаться к информационному обществу.
- Использовать литературный арабский язык во всех областях жизни и даже в разговорной речи вместо диалектов, которые иногда очень отличаются от литературного арабского языка.
- Вести обучение в арабских начальных школах только на арабском языке и уделять большое внимание изучению арабской истории, религии и культуры.

- Нарращивать усилия по созданию культурных и языковых центров в арабском мире и в столицах основных стран мира, занимающихся вопросами обучения арабскому языку и сохранения его самобытности, организацией выставок и семинаров об арабском языке.

- Создать арабские радиостанции, спутниковые каналы и журналы на английском языке для преподавания арабского языка и исламской культуры в странах, не говорящих на арабском языке.

- Проводить исследования, чтобы выявить проблемы и вызовы, стоящие перед арабским языком, прежде всего это негативное влияние языковой глобализации на арабский язык; разработать эффективные планы и стратегии, направленные на укрепление позиций арабского языка и сохранение его самобытности.

- Принять законы, которые поддержат арабский язык и сохранят его самобытность.

- Языковой контроль над детскими программами, так как мы должны прививать нашим детям любовь к арабскому языку.

- Контроль над переводами книг, чтобы использовались арабские термины вместо иностранных; наращивать усилия для арабизации иностранных терминов.

Таким образом, мы приветствуем глобализацию в областях экономики, торговли и инвестирования, но мы отвергаем глобализацию безнравственной и ошибочной идеи, которая скрывается под яркими названиями, но это не значит, что мы выступаем против развития. Мы всегда поддерживаем все новое и полезное и призываем к позитивному взаимодействию между языками и культурами, поддерживаем диалог между цивилизациями, но, в то же время, это не значит, что нам надо открыть наши двери настежь перед ветром, который пытается изменить наши убеждения и дестабилизировать наше общество и культуру.

Список литературы:

1. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ. – М.: Издательство КРСУ, 2002. – 159 с.
2. Мазур И.И, Чумаков А.Н. Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; центр научных и прикладных программ «Диалог». –М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с.
3. Панарин С.А. Политология. – М.: Гардарики, 2000. – С.394-395.
4. Робертсон Р. Глобализация: социальная теория и мировой культуры. Лондон, 1992. – 338 с.
5. Waters M. Globalization. – London; N.Y.: Routledge, 1995.

6. جرجي زيدان . العربية – كائن حي ، دار الهلال للنشر ، القاهرة . 1988 . صفحة 140 .
7. عبدالصبور شاهين . نحن والعولمة – وزارة التربية والتعليم . – الرياض ، 1420 هـ ، صفحة 37، 39-40 .
8. محمد الحبيب بن خوجه – العولمة والهوية ، مطبوعات اكااديمية المملكة المغربية ، – الرباط ، 1997 . ص 92 .
9. محمد بن صحو . العولمة – دار الاعلام .- عمان ، 1998 . صفحة 15 .

ФЛЕКТИВНЫЙ ПЕРИОД АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ

Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб

*доцент, преподаватель русского языка
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

THE PERFECT PERIOD OF AGGLUTINATIVE LANGUAGES

Al-Qadimi Mahmoud Ghazi Challiub

*Associate Professor, Russian Language Teacher
Baghdad University,
Iraq, Baghdad*

Аннотация. В статье рассмотрен флективный период агглютинативных языков, проанализирована специфика его функционирования в контексте бытования языка как явления онтологической реальности. Репрезентированы морфологические характеристики, сопряженные с агглютинативной техникой связи морфем (самостоятельную основу-корень, простое структурное отделение аффикса и основы-корня, отсутствие деления слов на подклассы по типам основ). Акцентируется внимание, что одной из корневых морфологических черт агглютинативного типа является изолированность и самостоятельность аффиксов (возможность их дистантного и независимого употребления). Это становится причиной так называемого группового грамматического оформления, а также факультативности (необязательности) некоторых морфологических показателей.

Abstract. The article deals with the inflectional period of agglutinative languages, analyzes the specificity of its functioning in the context of the existence of language as a phenomenon of ontological reality. The morphological characteristics associated with the agglutinative communication technique of morphemes are represented (an independent root basis, a simple structural separation of the affix and stem-root, the absence of division of words into subclasses by types of bases). Attention is drawn to the fact that one of the root morphological features of the agglutinative type is the isolation and independence of affixes (the possibility of their distant and independent use). This becomes the cause of the so-called group grammatical form, as well as optional (optional) some morphological indicators.

Ключевые слова: агглютинация; флексия; флективный период; агглютинативные языки; синтагматика; основа; корень; морфема.

Keywords: agglutination; flexion; inflectional period; agglutinative languages; syntagmatics; the basis; root; morpheme.

Постановка вопроса в общем виде. Язык по своей природе представляется графической структурой, в основе которой лежит *вербализация онтологической реальности*. В этом свете языковая структура может восприниматься как попытка *графического освоения смысла* (тут смысл нами рассматривается в самом, что ни есть, широком значении, а именно – как категория бытия человеческих организмов, особенностей взаимодействия с ним, специфики соотношения номинации (наименования) и предмета номинированного и так далее).

Сообразно этому, слово позиционируется в качестве конструкта, репрезентирующего всем своим бытием не только значение и смысл, сознательно вкладываемый говорящим (устно, письменно) либо мыслящим, при его использовании, но и то значение, тот смысл, положенные уже в процессе его «сборки». При этом следует помнить, что насколько бы не были отдалены языки того или иного типа друг от друга по своему грамматическому строю, каким бы не был специфичным их национальный колорит (те же языковые лакуны и подобное), однако корневые функции у всех одни и те же. Последнее связано с *языковой прагматикой*: язык, как система, подчинен основополагающему принципу, а именно – он служит средством общения, с помощью которого носители ононого получают необходимую для себя информацию. То есть он (язык) является инструментом, с помощью которого люди, наделенные его вторичным признаком, – *языковым сознанием*, – могут обмениваться информацией. Вследствие ононого, анализ каких-либо элементов языкового полотна целого мира (не зависимо от широты

понимания последнего) является не столько теоретическим, сколько прагматическим вопросом, что объясняет повышенный интерес специалистов и не только к этой животрепещущей проблеме.

Таким образом, закономерным представляется наличие на нашей планете великого множества языков, также как и обоснованной является проблема их классификации. Последняя издавна была дуальной по своей природе, выстраиваясь на оппозиции двух полюсов, которые, подобно ночи и дню, делили языковое пространство на две половины. В основе упомянутого разделения лежало распределение языков на две группы: *типологическую (морфологическую)* и *генеалогическую (генетическую)*. Контекстуально первая нас интересует намного больше, вследствие нашего исследования, поскольку она базируется на положении, сообразно которому, языки принадлежат/не принадлежат к упомянутой группе, вследствие языковой тенденции, характерной для их морфологической структуры. Однако обозначенная тенденциозность существенно усложняется в том случае, если она перестает базироваться на одной языковой семье (примером, на индоевропейской), ориентируясь на все языки разом. В подобном случае устанавливаются такие типы языков: *корневые (изолирующие)*, *агглютинативные (агглютинирующие)*, *флективные (окончательные)*, а также изредка выделяемые – *инкорпорирующие (полисинтетические)*.

Анализ последних исследований и публикаций. В настоящее время типология и сопоставительное исследование разноструктурных языков все прочнее утверждается как одно из центральных направлений в науке о языке. Привлечение широкого круга лингвистов именно к сопоставительному изучению языка связано не с модным влиянием времени, а определилось органично, проистекая со всего хода эволюции языкознания [44, с. 93].

Анализом упомянутого вопроса занимался ряд ученых, среди которых необходимо назвать следующих исследователей: Ю. Газда, Р. Абдрахманова, А. Аврутина, Л. Алигулиева, Э. Алили, В. Алпатов, Т. Амирова, Г. Апалькова, Балаж Л. Габор, В. Баракхин, М. Бурлакова, А. Гаджиева, О. Гирич, А. Гируцкий, А. Дыбо, А. Загнитко, Н. Заика, К. Закирьянов, Е. Зарецкий, И. Зограф, И. Иванова, В. Касевич, А. Клёсов, В. Кодухов, Н. Котелова, А. Кривошекова-Гантман, А. Кузнецова, А. Кшановский, О. Лукин, С. Малахова, Ю. Маслов, Г. Мельников, Н. Мечковская, А. Мусорин, М. Оксаныч, И. Рыжук, М. Рыбаков, М. Сидорова, М. Соегов, В. Солнцев, В. Хисамов, С. Шариков, С. Яхонтов и других.

Широко известными явились достижения российских и зарубежных лингвистических школ по сопоставительному языкознанию: так, необхо-

димо отметить работы В. Аракина, Г. Ахметзяновой, Ф. Басыровой, М. Блоха, Д. Буранова, В. Гака, А. Губанова, В. Гуревича, М. Гухман, К. Закирьянова, А. Ивановой, З. Ишкильдиной, И. Бодуэна де Куртенэ, Ю. Левицкого, Р. Мурясова, А. Мухтаруллиной, Э. Сафиной, Р. Хайруллиной, Г. Яковлевой, В. Ярцевой и других.

Формулирование целей статьи (постановка задания). Целью статьи является рассмотрение флективного периода агглютинативных языков. *Предметом* – специфика функционирования упомянутого периода в контексте бытования языка как явления онтологической реальности.

Изложение основного материала. Агглютинативные языки сходны с изолирующими аналитизмом единиц в синтагматике, который состоит в четкой их выделимости и фиксированном порядке, хотя сами единицы разные (в одном случае это слова, в другом – морфемы), а с флективными – особым положением морфологического уровня. Как и в агглютинативных, так и во флективных языках большинство грамматических категорий выражается в рамках слова, с помощью морфем. При этом некоторые агглютинативные языки (например, финские) по числу грамматических категорий и категориальных форм могут быть даже богаче флективных (сравним падеж в русском и венгерском языках), однако их морфологический тип определяется не этим, а характером синтагматических отношений между морфемами в структуре слова: агглютинативные морфемы всегда легко выделимы и имеют стандартный вид. Другим различием этих двух типов является то, что в агглютинативных языках отношения на морфологическом уровне сводятся в основном к отношениям между морфемами, состоящими в их порядке следования за корнем, либо перед ним, в то время как слово во флективных языках имеет многоуровневую структуру:

- основа-флексия;
- корень-формант-флексия;
- морфема-морфема;
- морфема+субморф=комплексная морфема [40, с. 29–30].

Как известно, изолирующий тип языка противостоит аффиксирующему типу, то есть языкам, имеющим аффиксы, однако последние различны техникой своего присоединения и исполняемыми функциями. Давайте сравним такие формы слов русского языка:

<i>пиш-у</i>	<i>пиш-ет</i>	<i>писа-л</i>	<i>писа-л-а</i>
<i>пиш-ем</i>	<i>пиш-ут</i>	<i>писа-л-и</i>	

Все эти формы слова образованы путем присоединения к словоизменительной основе аффиксов, при этом функции -у и -л- весьма различны: аффикс типа -у называют флексией (окончанием), а аффикс -л- – словоизменительным суффиксом или аффиксом агглютинативного типа [24, с. 253–254].

При этом необходимо помнить о том, что используя термин «тип языка» узкотерминологично, в качестве иерархического комплекса разноуровневых (фонетических, лексико-словообразовательных, морфологических и синтаксических) характеристик, имеющих меж собой имплицативные отношения, то есть сопряжено «работают» для сохранения своеобразного структурного строения языка – детерминанты языкового типа, то описание типа отдельного языка будет соотносено с единицами всех без исключения языковых уровней. Такой детерминантой для агглютинативных языков представляется сохранение неприкосновенными *морфемных границ* (либо между самостоятельными морфемами, либо между служебными), поскольку морфемы в таких языках имеют главную черту – самостоятельность, дающую им возможность одновременного функционирования в качестве как служебного компонента, так и самостоятельного слова. Таким образом, в агглютинативных языках на всех языковых уровнях существует набор языковых единиц, обеспечивающих автономное функционирование главной структурной единицы – *непроизводной морфемы-слова*.

Отметим, что одной из корневых особенностей агглютинативных языков является слабая связь между морфемами в середине словоформы. Соответственно, одним из признаков агглютинативных морфем представляется их способность оформлять не только основу, а и синтаксическую группу (словосочетания). Эта особенность аффиксов агглютинативных языков в лингвистической литературе получила название *групповой флексии* или *групповой аффиксации*. Упомянутое понятие обозначает два класса фактов. Групповой аффиксацией называют одноразовое использование аффикса в сложносочиненной синтаксической группе (сложносочиненном словосочетании), сравним хрестоматийный пример с турецкого языка: *bayan ve baylar* – ‘дамы и господа’, где суффикс множественного числа *-lar* использован один раз после всего словосочетания. Отметим, что в современном персидском языке такое свойство присутствует у многих формантов, сравним: *pirmard u pirzan-i* – ‘пожилой (мужчина) и пожилая (женщина)’, где энклитический неопределенный артикль *-i* использован один раз после всего словосочетания, но сравним английское *a man and a woman; ham (1) barādar (2) u (3) ham (4) khāhar (5) rā didam (6)* – ‘(Я

видел (6) как (1) брата (2), так (4) и (3)', где послелог *rā* оформления прямого дополнения использован один раз после всего словосочетания.

В подобных случаях функционально аффикс обнаруживает свойства, типичные для служебных морфем, сравним русское *по морям и океанам; будем петь и плясать*. Это явление является своеобразным морфологическим эллипсом. Однако, необходимо отметить, что последний характерен для фузийных языков в меньшей степени, сравним *у родителей, у учеников, у учителей*, где при отсутствии союза *и*, предлог *у* не является групповым; *не может и не пытается ≠ не может и пытается*, где формант *не* не является групповым. Кроме того, в агглютинативных языках упомянутое явление морфологически является более глубоким, сравним: *ānhā* (1) *bekhubi* (2) и (3) *khushi* (4) *zendegi mikardand* (5) – 'Жили (5) они (1) хорошо (2) и (3) радостно (4)' (исслед. 'Они (1) жили (5) к добру (2) и (3) добру (4)').

В примере использовано словосочетание, состоящие из двух синонимических от адъективных имен существительных *khubi* и *khushi* 'добро', отличающиеся стилистически (последний принадлежит к книжно-письменной сфере). Добавлением к адъективным именам прилагательным предлога *be* 'до' в современном персидском языке формируются наречия. Таким образом, это словосочетание построено по принципу *группового оформления*, то есть первый член получает должное морфологическое оформление, а второй – нет, сравним *Они не жили хорошо и радостно, а Они жили хорошо и радость*.

Групповой аффиксацией называют одноразовое оформление аффиксом не сложносочиненной, а сложноподчиненной синтаксической группы (подчиненного словосочетания). В этом случае аффикс также присоединяется к крайнему компоненту конструкции, сравним *the king of England's castle* – 'замок короля Англии', где аффиксом притяжательности модифицируется главное слово и присоединяется к зависимому); *из темного леса*, где предлог модифицирует главное слово, с которым он не пребывает в непосредственном контакте). Таким образом, для того, чтобы групповая аффиксация в подчиненной конструкции имела место, необходимо, чтобы показатель, присоединяемый к крайнему элементу синтаксической группы (словосочетания) модифицировал бы ее синтаксическую вершину.

Возможность замены маркированных форм немаркированными в разной степени присуща языкам всех типологий. К примеру, в языках со строгим изоляционным строением *факультативность* присуща всем (!) категориям. В иных языках, где упомянутое явление, как правило, называют не факультативностью или необязательностью, а *проблемой выбора показателей*, хотя выбор всегда подразумевает свойство факультативности): необязательность ограничена в первую

очередь несинтаксическими категориями. То есть, если хотя бы в одном предложении определенный служебный элемент используется обязательно, это означает, что он – *обязательный элемент системы*.

В современном персидском языке упомянутому условию соответствуют все показатели, использующиеся факультативно. Последнее связано с тем, что их использование обусловлено контекстом, его общим содержанием. Факультативность использования определенного количества категорий связана в первую очередь с агглютинативной техникой, определяющей самостоятельность основы, которая может функционировать как автономное слово без специальных материально выраженных показателей, а также несинтаксическим характером многих морфологических категорий, сравним: *in (1) ārezu (2) ānqadr (3) amiq (4) ast (5) ke (6) dar (7) tamām-e (8) qessehā-yi (9) ke (10) bar (11) asās-e (12) hamin (13) ārezuhā (14) dar meyān-e (15) hame-ye (16) melal (17) va (18) dar tul-e (19) tārikh (20) ast (21)* – ‘Это (1) желание (2) является (5) настолько (3) глубоким (4)’, что (6) во (7) всех (8) сказках (9), которые (10) на (11) основании (12) этих (13) желаний (14) среди (15) всех (16) стран (17) и (18) на протяжении (19) истории (20) существуют (21)’.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что в предложении приведен необычайно распространенный в современном персидском языке пример употребления глагола в единственном числе (21) при имени существительном во множественном числе (9). Интересно, что контекстуально множественное число является не мотивированным; кроме того имеет место пример факультативного употребления часовых форм глаголов. Так, поскольку речь идет о начавшемся в прошлом действии (на что указывает контекст), и ее результат является наличествующим наглядно (в виде сказок), вместо формы настоящего времени *ast* ‘существуют’ (21) глагола *budan* ‘быть’, необходимо употребить его форму префекта *budeand* ‘(они) были и до сих пор существуют’ (кстати, в форме множественного числа), однако контекст не позволяет употреблять эту форму. Одновременно, иногда контекст делает необязательным употребление временных форм глагола в целом, сравним *jā-ye (1) shomā (2) khāli (3)* – ‘Место (1) Ваше (2) пусто (3)’. Тут пропущен глагол настоящего времени *ast* ‘существуют’, тем не менее, если необходимо уточнить содержание высказывания, употребляют форму прошлого времени, сравним *jā-ye (1) shomā (2) khāli (3) bud (4)* – ‘Жаль, что Вас не было’ (дословно ‘Место (1) Ваше (2) пусто (3) было (4)’. Как видим, пример репрезентирует, что настоящее время в современном персидском языке является, в определенной степени, факультативной категорией.

Выводы. Среди морфологических характеристик, сопряженных с агглютинативной техникой связи морфем, прежде всего, называют наличие самостоятельной основы-корня, простое структурное отделение аффикса и основы-корня, отсутствие деления слов на подклассы по типам основ. Сравнительно более редко упоминают наличие численного класса клитик, функционирование послелогов (к примеру, послелога *rā* в персидском языке), минимальное количество префиксов и большое количество суффиксов. Однако одной из корневых морфологических черт агглютинативного типа является изолированность и самостоятельность аффиксов (возможность их дистантного и независимого употребления). Это становится причиной так называемого группового грамматического оформления, а также факультативности (необязательности) некоторых морфологических показателей. Если же говорить об агглютинативных чертах во флективном языке, то они не могут вызывать в типологической принадлежности к флективному типу, но только в случае, если они не являются доминирующими. Последнее связано с тем, что любой язык всегда находится в процессе постоянного движения, поэтому не удивительно, что чистота типа при этом не сохраняется [40, с. 26].

Список литературы:

1. Gazda J. Интернационализация как интегрирующий элемент языков средневропейского пространства / J. Gazda // Digital Library of The Faculty of Arts, Masaryk University. – Электрон. данные. – Режим доступа: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/132584>. – Название с экрана.
2. Абдрахманова Р. Дж. Лингвистическая типология: учеб. пособие / Р. Дж. Абдрахманова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 108 с.
3. Аврутина А.С. Фонология и морфонология литературных тюркских языков Малой Азии: структурно-типологические характеристики в диахронической перспективе: диссертация: [Электронный ресурс] / А.С. Аврутина // Санкт-Петербургский государственный университет. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://spbu.ru/images/exp_zakl/zakl_avrutina.pdf. – Название с экрана.
4. Агглютинация: [Электронный ресурс] // Академик. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/2381/%D0%90%D0%93%D0%93%D0%9B%D0%AE%D0%A2%D0%98%D0%9D%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF. – Название с экрана.
5. Алигулиева Л.Г. Тюркские языки и арабский язык / Л.Г. Алигулиева // Гілея: науковий вісник. – 2014. – Вип. 83. – С. 338–342. – Библиогр.: 10 назв.

6. Алили Э. Тюркизмы в аккадской лексике и связь между аккадским и тюркским языками в свете агглютинативных и флективных законов языка: [Электронный ресурс] / Э. Алили // Национальная Академия Наук Азербайджана Институт по правам человека и конфликтологии. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://ihr-az.org/index.php?lang=3&ind=publ&id=197>. – Название с экрана.
7. Алпатов В.М. История лингвистических учений: учеб. пособие / В.М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
8. Амирова Т.А. История языкознания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский; под ред. С.Ф. Гончаренко. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
9. Балаж Л. Габор К морфологической типологии славянских языков: [Электронный ресурс] / Габор Л. Балаж // Repository of the Academy's Library. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://real.mtak.hu/47090/1/SSS_2016.1_2.004_Balazs_u.pdf. – Название с экрана.
10. Барахнин В.Б. Алгоритм синтеза словоформ казахского языка с использованием флективных классов / В.Б. Барахнин, Л.Х. Лукпанова, А.А. Соловьев // Электронные библиотеки: Перспективные Методы и Технологии, Электронные Коллекции. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://rcdl.ru/doc/2014/paper/RCDL2014_108-112.pdf. – Название с экрана.
11. Бурлакова М.И. Структурная типология и славянское языкознание / М.И. Бурлакова, Т.М. Николаева, Д.М. Сегал и др. // Структурно-типологические исследования: сб. ст. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – С. 3–18.
12. Гаджиева А.Ю. О роли внутренней и внешней флексии в слово- и формообразовании тюркских языков (о хронологии процесса вовлеченности флективных механизмов) / А.Ю. Гаджиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1, Ч. 1. – С. 313–317. – Библиогр.: 7 назв.
13. Гирич О.В. Основні параметри впливу середньоанглійських північних діалектів на розвиток англійської мови: [Электронный ресурс] / О.В. Гирич // Zhytomyr State University Library. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://eprints.zu.edu.ua/17079/>. – Название с экрана.
14. Гируцкий А.А. Натурализм в языкознании. Натуралистическая концепция А. Шлейхера: [Электронный ресурс] // Репозиторий БГПУ. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/14008>. – Название с экрана.
15. Дыбо А.В. Реконструкция праогузского спряжения: [Электронный ресурс] / А.В. Дыбо // The Tower of Babel. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://starling.rinet.ru/Texts/oguz.pdf>. – Название с экрана.

16. Загнітко А.П. Теорія сучасного синтаксису: монографія / А.П. Загнітко. – 2-ге, виправл. і доп. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – 294 с.
17. Заика Н.М. Агглютинация и флективность в баскском языке и связанные с ними проблемы глоссирования полиперсональных форм: [Электронный ресурс] / Н.М. Заика // Институт лингвистических исследований РАН. – Электрон. данные. – Режим доступа: <https://iling.spb.ru/typo/people/zaika/zaika-aggl-flex.pdf>. – Название с экрана.
18. Закирьянов К.З. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометодический аспект / К.З. Закирьянов // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4 (№ 3). – С. 224–233. – Библиогр.: 28 назв.
19. Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками): монография / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.
20. Зограф И.Т. Вэньян и байхуа: взаимодействие двух форм изолирующего языка: [Электронный ресурс] / И.Т. Зограф // Российская Академия Наук Институт восточных рукописей. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/PPV_2008_1-8_9_zograph.pdf. – Название с экрана.
21. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
22. Касевич В.Б. Грамматическая и статистическая структура текста на агглютинативном языке в исторической перспективе (на материале староосманских и турецких текстов) / В.Б. Касевич, А.С. Аврутина // Вестник Пермского университета. – 2014. – Вып. 4 (28). – С. 7–14. – Библиогр.: 19 назв.
23. Клёсов А. Основная загадка во взаимоотношениях индоевропейской и тюрской языковых семей и попытка ее решения с помощью ДНК-генеалогии: соображение нелингвиста / А. Клёсов // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. – 2010. – Т. 3 (№ 1). – С. 2–57. – Библиогр.: 60 назв.
24. Кодухов В.И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русс. яз. и лит.» / В.И. Кодухов. – 2-е изд., переб. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.
25. Котелова Н.З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) / Н.З. Котелова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 48–63.
26. Кочерган М.П. Введение в языкознание / М.П. Кочерган // Uchebniki Online. – Электрон. данные. – Режим доступа: https://uchebnikionline.com/documentovedenie/vstup_do_movoznavstva_-_kochergan_mp/flektivni_movi.htm. – Название с экрана.

27. Кривошекова-Гантман А.С. Специфика формантного метода в агглютинативных языках (на материале пермских языков) : [Электронный ресурс] / А.С. Кривошекова-Гантман // Вопросы ономастики. – Свердловск: [УрГУ], 1985. – Вып. 17: Топонимия Урала и севера европейской части СССР. – С. 107–116. – Библиогр.: 9 назв.
28. Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: действительные функции посессива в уральских языках / А.И. Кузнецова // Исследования бесермянского диалекта. – Электрон. данные. – Режим доступа: [http://beserman.ru/publications/I.5 %20Kuznecova%20Possessivy.pdf](http://beserman.ru/publications/I.5%20Kuznecova%20Possessivy.pdf). – Название с экрана.
29. Кшановський О.Ч. Групова афіксація та факультативність формантів у системі морфологічного типу перської мови / О.Ч. Кшановський // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Філологія. – 2014. – Вип. 49. – С. 61–64. – Бібліогр.: 9 назв.
30. Лекция по дисциплине «Основы типологический исследований»: [Электронный ресурс] / сост. Г.А. Апалькова // Ресурсы Научной Библиотеки Восточно-Казахстанского Государственного Университета им. С. Аманжолова. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://irbis.vkgu.kz/isapi/irbis64r_91/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=B EKR&P21DBN=BEKR&Z21ID=&Image_file_name=%2Fdannie%2F1225.pdf&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1. – Название с экрана.
31. Лукин О.В. Критерии установления языковых типов: морфема, слово, части речи / О.В. Лукин // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 3. – Т.1. – С. 167–175. – Библиогр.: 18 назв.
32. Малахова С.В. Место русского и корейского языков в генеалогической и типологической классификациях: общее в отличном: [Электронный ресурс] / С.В. Малахова // Алтайский региональный исторический портал. – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/vost/24.pdf>. – Название с экрана.
33. Малахова С.В. О сопоставимости некоторых дифференциальных признаков флективности в русском и корейском языках / С.В. Малахова // Известия Алтайского государственного университета. – 2004. – № 4. – С. 63–67. – Библиогр.: 14 назв.
34. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.: ил.
35. Мельников Г.П. Где центр глубинной евразийской культуры? (идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) / Г.П. Мельников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 1. – С. 6–14.
36. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. – 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. – 312 с.

37. Мусорин А.Ю. Основы науки о языке: учеб. пособие / А.Ю. Мусорин. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. – 196 с.
38. Оксанич М.П. Формально-семантичні та синтаксичні характеристики давньонімецького простого речення : [Електронний ресурс] / М.П. Оксанич // Вестник. Наука и практика. – Електрон. дані. – Режим доступу: http://xn--e1aaajfpeds8ay4h.com.ua/files/image/konf_13/doklad_13_5_23.pdf. – Назва з екрана.
39. Рижук І.П. Розряди слів в давньогрецькій та арабській мовах / І.П. Рижук // Сходознавство. – 2006. – № 35/36. – С. 148–157. – Бібліогр.: 9 назв.
40. Рыбаков М.А. Вопросы функционирования и развития языка в аспекте морфологической типологии / М.А. Рыбаков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2003. – № 4. – С. 26–32. – Библиогр.: 7 назв.
41. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: вымышленные языки / М.Ю. Сидорова, О.Н. Шувалова. – М.: «1989.ру», 2006. – 184 с.
42. Соегов М. О вероятности существования флективного периода в истории внутривидового развития туркменского языка: [Электронный ресурс] / М. Соегов // Язык и культура: научный интернет-журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения философского факультета Прешовского университета. – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.ff.unipo.sk/jak/12_2012/sojegov.pdf. – Название с экрана.
43. Солнцев В.М. О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания: [Электронный ресурс] / В.М. Солнцев, И.Ф. Вардуль, В.М. Алпатов и др. // Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской Академии Наук. – Электрон. данные. – Режим доступа: www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1979-1.pdf. – Название с экрана.
44. Хисамова В.Н. Некоторые типологические особенности английского и татарского языков / В.Н. Хисамова // Филология и культура. – 2006. – № 5. – С. 93–98. – Библиогр.: 4 назв.
45. Шариков С.Г. Лексическая типология языков: учебное пособие / С.Г. Шариков. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 164 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У НОСИТЕЛЕЙ АРАБСКОГО ЯЗЫКА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Аль-Хазраджи Ясер Аднан

*преподаватель
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

Аннотация. В статье представлены актуальные вопросы обучения арабских студентов фонетике русского языка; дается краткий обзор и анализ учебной литературы по данной теме; предлагаются способы устранения типичных ошибок в речи арабговорящих студентов.

Abstract. the article presents topical issues of teaching Arabic students the phonetics of the Russian language; provides a brief overview and analysis of educational literature on the subject; proposes ways to eliminate typical mistakes in the speech of Arabic-speaking students.

Ключевые слова: фонетическая компетенция; методика преподавания русской фонетики арабским студентам; учебные пособия для формирования фонетических навыков у арабских студентов.

Keywords: phonetic competence; methods of teaching Russian phonetics to Arab students; manuals for the formation of phonetic skills in Arab students.

Фонетика – один из важнейших аспектов языковой компетенции при обучении русскому языку как иностранному. Обучаясь фонетике, студенты-иностранцы приобретают теоретические знания, практические навыки, необходимые для дальнейшего освоения других видов речевой деятельности: аудирования, говорения, чтения и письма.

Безусловно, вопросы обучения арабских студентов русскому языку требуют обращения, в первую очередь, к теории и методике преподавания русской фонетики для иностранных обучающихся всех национальностей (например, работы А.А. Реформатского, Л.В. Щербы, Е.А. Брызгуновой и многих других), также важен опыт создания практических пособий в данной области, ориентированных непосредственно на работу с вышеуказанной категорией обучающихся (Е.А. Брызгуновой, М.В. Всеволодовой, О.А. Артемовой, Ф.И. Панкова, Е.Л. Бархударовой, М.Н. Шутовой и др.), а также на формирование фонетических навыков (Н.И. Седовой, И.В. Воробьевой, Л.К. Опуфршок и пр.) [подробнее см.: 1].

Следует отметить, что большинство пособий по фонетике обращено к начальному этапу обучения, но не реализует национально ориентированное обучение на последующих этапах. Значимость специализированного обучения фонетике иностранных студентов не вызывает сомнения, тем не менее в традиционных методиках преподавания русского языка арабским учащимся ощущается недостаток национально-ориентированного подхода в подаче материала. Под национально-ориентированным преподаванием русской фонетики мы понимаем вслед за И.С. Просвирниной [1, с. 51] учёт типологических и структурных особенностей фонетических систем двух языков, выявление проблемных моментов, отбор материала и установление порядка подачи в соответствии с уровнем сложности артикуляции русских звуков для студентов-иностранцев.

Вопрос о лингвоориентированном обучении в целом арабских студентов неоднократно рассматривался в научной литературе. Так, Аббас Ясин Хамза, преподаватель кафедры русского языка и литературы Багдадского университета (Ирак) подробно исследовал возможности использования в обучении русскому языку как иностранному лингвоориентированной методики для арабских студентов и обосновывал термин «лингвоориентированная методика» (сам термин был предложен В.Н. Вагнер) [1]. Он подчеркивает: «Данный подход наиболее применим в преподавании русского языка как иностранного в арабской аудитории, так как базируется, во-первых, на основных психолингвистических положениях, учитывающих уже существующую исходную языковую систему учащихся, во-вторых, на сопоставительном анализе русского и арабского языков, в-третьих, на анализе ошибок учащихся» [1].

Однако проблема с национально ориентированными пособиями фонетики до сих пор продолжает оставаться насущной. В научной литературе собран значительный материал по формированию фонетических систем и классификации фонологических ошибок, к сожалению, он недостаточно часто используется в практике создания учебных пособий по русскому языку как иностранному.

Учебники русского языка, ориентированные на студентов, носителей арабского языка, не имеют особых отличий, кроме перевода заданий на арабский язык. При подборе заданий также не всегда учитываются типологические особенности родного языка обучающихся и типичные ошибки в произношении и интонации.

В учебниках и учебных пособиях часто встречается термин «слухо-произносительные навыки», используемый для обозначения адекватного распознавания воспринимаемых на слух фонетических единиц разного уровня, характерных для системы данного языка,

и их реализации в потоке речи [4; 6]. При этом ни в одной работе не встречается точного описания структуры фонетического навыка. Так, например, курс корректировочной фонетики, разработанный на кафедре русского языка и реализуемый в течение ряда лет в процессе обучения арабских студентов на основных курсах Воронежского государственного университета, является, на наш взгляд, лишь одним из путей решения проблемы [6; 8]. Целью курса является совершенствование артикуляционной базы русского языка в области слова, синтагмы, фразы, автоматизации слухо-произносительных навыков, беглого говорения и чтения, что, в конечном итоге, должно привести к формированию фонетической компетенции. В речи студентов, обучающихся на кафедре русского языка Багдадского университета, присутствие акцента неизбежно, то есть всегда присутствует характерный опечаток особенностей и интонационного строя их родного языка. При этом сами студенты серьёзно относятся к этой проблеме и прилагают большие усилия для ее устранения. На занятиях они часто повторяют: «Преподаватель, мы очень хотим говорить, как русские!». В целом, фонетическая компетенция включает четыре сферы: артикуляция звуков и их позиционные изменения, интонационные конструкции и ситуации из применения, ударение и его сдвиги в парадигме слов, синтагматическое членение фразы. Рассмотрим некоторые проблемы и методы их устранения при постановке и коррекции артикуляции звуков и интонации у арабских студентов. Анализ показывает, что у них наблюдаются следующие ошибки:

- нарушение закономерностей в произношении глухих и звонких согласных;
- недостаточная степень смягчения мягких согласных;
- нарушение акцентологических норм;
- отсутствие редукции в безударных слогах, что искажает ритмико-звуковую структуру слова.

На эти ошибки влияют, в первую очередь, интонационные особенности родного языка обучающихся. Очевидно, что трудности в корректировке их русского произношения связаны и с нейролингвистическими аспектами порождения речи, когда студенты, уже владеющие определенным лексическим запасом и грамматическими навыками, не могут самостоятельно построить русскую фразу. Поскольку студенты не имеют слухопроизносительных навыков, доведённых до автоматизма, они не успевают в процессе говорения (аудирования) соотнести форму и значение фразы. Большую трудность для арабговорящих студентов представляет чтение по-русски вслух, поскольку они сосредоточиваются либо на произносительной, либо на содержательной стороне текста.

Устранить подобного рода фонетические ошибки, формируя при этом правильные слухо-произносительные навыки, помогает используемое на занятиях пособие по фонетике, разработанное в Багдадском университете, Адхамаяхья Салима «Русская фонетика» (1989). Однако в пособии не учитываются особенности родного языка студентов. Материал подается системно по принципу «от простого к сложному» с акцентированием наиболее сложных моментов: гласные звуки от А до наиболее сложных И, Ы, согласные от легких Б, П, В до шипящих Ж, Ш, Щ, представлены оппозиции согласных по глухости/звонкости и по твердости/мягкости [9].

При этом опыт работы свидетельствует, что наилучшие результаты при постановке звуков достигаются в том случае, когда каждое новое слово усваивается в комплексе звукового и графического оформления непосредственно в речевом контексте. В фонетическом тренинге, как известно, используются слова лексического минимума, соответствующие определенному уровню обучения, а тексты для фонетического чтения являются аутентичными. Необходимо отметить, что коррекция артикуляции звуков на продвинутом уровне обучения связана со значительно большими затратами усилий и времени как преподавателя, так и обучающегося, чем на начальном этапе, к сожалению, это не всегда приводит к желаемым результатам: акцент в спонтанной речи остаётся.

Не следует, на наш взгляд, увлекаться артикуляционной стороной фонетики, поскольку это может привести к нарушению принципа коммуникативности. Многократное повторение слогов, не имеющих лексического значения, равно как и использование коммуникативно незначимой лексики, снижает мотивацию учащихся к изучению языка.

В этой связи нам представляется интересным использование в аудитории такого методического приема, как выразительное чтение. Оно может стать эффективным средством практического овладения нормами современного русского литературного языка. При этом студенты получают возможность повысить культуру русской речи, используя фоновые знания, необходимые для выразительного прочтения текстов. Характерно, что данный прием будет полезен с практической точки зрения во всех сферах общения: научной, официально-деловой и разговорной. Тем более, что при выразительном чтении реализуются различные типы интонационных конструкций, столь характерных для русского языка, усвоение которых будет способствовать более глубокому его усвоению и осознанию в процессе аудирования.

Особенностью этого методического приема является то, что выразительное чтение также непосредственно связано и с профессиональными

навыками будущего преподавателя. Студенты-иностранцы воспринимают речь и самого преподавателя как ориентир при выборе правильного произношения слова, интонации, ритмической формы и пр. Если преподаватель владеет грамотной коммуникативно-целесообразной и выразительной речью, то он может даже воздействовать на аудиторию. Выделяя «ценности-средства (качества личности, высокоценимые среди арабского этноса)», Резников В.Н. отмечает, что у арабов «высоко ценится способность красиво говорить» [8]. В работе с арабскими студентами это крайне важно и необходимо, ведь в данном случае осуществляется и психологическое воздействие на обучающихся, для которых сила слова все еще имеет огромное значение.

От других видов чтения выразительное чтение отличается тем, что ориентировано скорее не на извлечение информации, а на ее передачу. Нельзя не отметить справедливость замечания К.А. Синадской: «Если другие виды чтения имеют определенные тематические границы, (например, художественное чтение относится к исполнению только художественных произведений, поисковое чтение наиболее употребительно в научной работе), то выразительное чтение применимо к любому тексту: научной лекции, сводке новостей на телевидение, защитительной речи в судебном заседании, и, особенно, при преподавании русского языка и литературы» [10, с. 3]. При обучении выразительному чтению необходимо учитывать, что тексты различных стилей языка требуют различной ритмико-мелодической выразительной и эмоциональности: нельзя с одинаковым чувством читать прогноз погоды и стихи А.С. Пушкина.

Студент должен почувствовать и осознать авторский подтекст, который необходимо передать интонационными средствами. Выразительное чтение поэтических произведений предполагает передачу не только содержания, но и своего отношения к автору и непосредственному тексту. Это помогает ощутить и живой ритм стихов, создаваемый, в том числе, и логическими ударениями, и динамизм прозы. Весь поэтический строй произведения высвечивается благодаря правильному его чтению.

Таким образом, формирование у иракских студентов фонетической компетенции требует постоянных усилий от преподавателя, работающего с ними. В этом отношении хорошие результаты даёт применение национально-ориентированного подхода в обучении и учёт типологических и структурных особенностей фонетических систем двух языков. Корректировочный курс и использовании целевых методик позволяет преодолеть фонетические ошибки в речи студентов, вызванные арабоязычным акцентом, и автоматизировать слухо-произносительные навыки.

Методически эффективным средством формирования фонетической компетенции может стать использование выразительного чтения на уроках русского языка. Последнее обладает большим лингвокультурным потенциалом, поэтому применение его в процессе обучения иракских студентов позволяет повысить не только их общий уровень владения русским языком, но и приобщить к сложной и порой столь загадочной для иностранных обучающихся русской культуре. Таким образом, подводя итог вышесказанному, выделим основные причины неудач арабских студентов при обучении фонетике. По нашему мнению, основной проблемой учебных пособий по фонетике для арабских студентов является разрыв между отработкой тех или иных звуков русского языка и их восприятием и воспроизведением обучающимися в потоке речи. Если студент демонстрирует положительные результаты при работе с упражнением типа: *Различайте звуки [n]-[б]*. *Обратите внимание на ударение*. па - ба апа́ - абáпаба́апа - áба по - боапо́ - абóпабóба - óбапу - буапú - абúпабúпа – úба. Или: *Читайте слова. Следите за ударением*: máма, па́па, мы [4], то это не гарантия успеха произнесения данных звуков правильно в потоке речи (при чтении текста либо при его воспроизведении в разных речевых ситуациях общения). Каковы же причины этого?

Во-первых, важным фактором является сам процесс обучения: где именно он происходит – вне языковой среды или непосредственно в ней. На это указывают и сами преподаватели-практики: «При обучении РКИ вне языковой среды влияние родного языка (в нашем случае – арабского) значительно затрудняет процесс, увеличивая период обучения в три-четыре раза» [3].

Во-вторых, это, безусловно, языковые отличия: сам состав гласных в арабском языке, когда они не всегда обозначаются на письме; знак ударения в русских словах и обозначение (огласовка) буквы «алеф»; различие в произношении предложно-падежных форм – не в одно слово; отсутствие полного соответствия русских согласных звуков в арабском языке; отсутствие в арабском языке парности звуков по принципу глухости/звонкости языке и многое другое [2; 3]. Как предполагают исследователи, «на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному, когда родной язык обучаемых доминирует, происходит «калькирование» произношения. Можно предположить, что, даже когда студент видит ту или иную букву, которая в его родном языке ассоциируется у него с определённым звуком, он автоматически произносит так, как привык это делать в родном языке» [3].

В-четвертых, крайне важно учитывать отличия арабского языка у студентов из Сирии, Ирака, Египта и других государств. Обучающиеся

могут иметь свои языковые особенности, влияющие на обучение фонетике. К сожалению, многие пособия не учитывают этих вопросов. Хотя исследователи данной проблемы подчеркивают их важность: «...Фонетический акцент в русской речи арабов в большей степени определяется влиянием родных диалектов учащихся, чем влиянием литературного арабского языка. Современные арабские диалекты разнородны в фонетическом отношении, поэтому в речи носителей разных диалектов встречаются совершенно несходные акцентные черты. Национально ориентированные курсы русской звучащей речи, предназначенные для арабов, должны создаваться с учетом диалектной фонетики арабского языка» [2; с. 4]. *В-третьих*, психологические особенности, которые являются важнейшим фактором при обучении языку в целом [3].

В-четвертых, по нашему мнению, на процесс формирования фонетических навыков влияет мотивация обучающегося, то есть с какой целью он изучает русский язык: для дальнейшей работы в области лингвистики (филологии), для делового общения, а, возможно, он будет довольствоваться разговорной сферой или же он выберет специальность переводчика. Разные сферы общения (деятельности) будут диктовать и иные требования, и потребности.

Список литературы:

1. Аббас Я.Х. Лингвоориентированная методика преподавания русского языка как иностранного в арабской аудитории // Мир русского слова. 2009. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvoorientirovannaya_metodika_prepodava_niya_russkogo_yazyka_kak_inostrannogo_v_arabskoy_auditorii (Дата обращения: 02.03.2018).
2. Александрова А.Ю. Принципы создания постановочно-корректировочного курса русской фонетики для арабов: дис. ... канд. филол. наук (специальность: 13.00.02). – М., 2009. – 263 с.
3. Антибас И.А. Влияние фонетических различий русского и арабского языков на обучение чтению РКИ арабских студентов // Евразийское научное объединение. Ростов-на-Дону. URL: <http://esa-conference.ru/conference/> (Дата обращения: 01.03.2018).
4. Варламова И.Ю. Вводно-фонетический курс для студентов-иностранцев: уч.-метод. пос. – М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2001. – 76 с.
5. Лебедева Ю.Г. Фонетический коррективный курс русского языка для иностранных: уч. пос. – М.: Высшая школа, 1981. – 128 с.
6. Программы учебных курсов кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов. 2 изд., доп. / отв. ред. В.Ю. Копров. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. – С. 83–85.

7. Просвирнина И.С. Обучение фонетике русского языка // Известия уральского государственного университета, 2004. – С. 46–60.
8. Резников Е.Н. Психологические особенности арабов // вестник Российского университета дружбы народов. 2008. Сер. Психология и педагогика.
9. Салим А.Я. Русская фонетика: уч. пос. Багдад: Изд-во Багдадского ун-та, 1989.
10. Синадская К.А. Лингвометодические основы обучения выразительному чтению студентов филологов: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М., 2005. – 20с.
11. Сорокина Е.В. Формирование слухопроизносительных навыков студентов-иностранцев на начальном и среднем этапе обучения: автореф. дис. ... кандидата педагогических наук. М., 1985. – 23 с.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКО –АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РОССИЙСКИХ И ИРАКСКИХ СМИ

Ахмед Абдулкарим Хамид

*ассистент, Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

Аннотация. Статья посвящена террористической и антитеррористической лексике в российских и иракских СМИ. Выявляются характеристики, определяющие совпадения лексики террористическо-антитеррористической в русском и арабском языках.

Ключевые слова: лексика; словообразование; описание террористических и антитеррористических лексик.

Распространение лексики по теме терроризма в международных СМИ проявлялось именно после события 11 сентября 2001, когда террористическая организация “Аль-Каида” совершила теракты в башни Всемирного торгового центра в Соединённых Штатах Америки. С расширением террористических группировок и терактов во всех странах мира, в то же время в языки проникла лексика, связанная с террористическими действиями. Такие слова часто можно встретить как в иракской прессе: газеты “Аль-Мада”, “Аль-Сабах” и “Аль-Дисур”, как и в российских СМИ: “Интерфакс”, “ТАСС”, “РИА Новости” и “Комсомольская правда”.

Лексикой называется вся совокупность слов языка, его словарный состав [2, с 36]. В задачи лексикологии входит изучение значений слов, их стилистической характеристики, описание источников формирования

лексической системы, анализ процессов ее обновления и архаизации [3, с. 6.].

Отметим, что в российских СМИ используются исламско-арабские слова, которые являются высшей степенью храбрости, жертвы у мусульман, а в арабских СМИ такие слова не используются с террористическими действиями, например, «шахидист», «джихадист», «исламист». В российских СМИ употребляются слово исламисты, обозначающее как террористы, а в иракских СМИ не используют это слово в значении «террорист».

Есть исконно арабские слова, используемые в российских СМИ, например, «шахидист», «джихадист», «даиш», «халифат», «халиф», «эмир», «даишист».

Джихад – арабско-исламское слово и суффикс *-ист* джихадист, а в арабском языке есть такое слово муджахид (араб. – борец за веру, за святые идеалы) – в мусульманских странах этим титулом награждаются при жизни или посмертно люди, принимающие активное участие в общественно-политических движениях или внесшие большой вклад в развитие исламского государства [1, с. 152].

Существует словообразование, состоящие из двух слов, одно из них арабское (например, джихад и шахид). Одно из слов, входящих в словосочетание, также может быть одним русским и другим иностранным (например, секс, мобили) «секс – джихад», «шахид – мобили», и может быть одно из них русское (например, пояс) «пояс – шахида».

Следует отметить, что в названии “Единство и джихад” неправильно переводят исламско-арабское слово «таухид» (Единство) с арабского языка на русский, правильным переводом на русский язык следует считать русское слово «единобожие». Единственным правильным переводом фразы «единство и джихад» с арабского на русский нужно считать слово «таухид».

В арабском языке есть слово “Ирхаб”, а в этом языке незаимствовано слово "терроризм" и слова, которые образованы от основы слова "террор" с приставками и суффиксами, террорист, террористический, антитеррористический, терроризировать, терроризм, антитеррор.

В русском языке используют новые слова с греческой приставке *анти*: антитеррор, антитеррористический, антигиловский; и с латинской суффиксом – *-ист*: джихадист, шахидист, исламист, даишист, экстремист.

Были отмечены в русском и арабском языках Аббревиатуры: ИГ (исламское государство), в арабском языке используются сокращения даиш (Исламское государство Ирака и Леванта) и так же в русском языке употребляется ИГИЛ. БПЛА (беспилотный летательный аппарат).

А в иракском СМИ и печати не отмечается название исламское государство, а используют слово «даиш».

Террористические организации возражают против употребления слов, связанных с появлением Ислама для того, чтобы влиять на мусульман в разных странах мира, например: джихад, шахад и т. п.

Следует отметить, что террористические группировки употребляют слова, которые исчезли в арабском языке, например, халифат, халифа, эмир, и т. д. Эти слова, устаревшие, были возвращены в террористических лексиках.

В арабском языке словосочетание «живой щит» используются не в единственном числе, а во множественном.

Следует подчеркнуть, что все слова относящиеся к террористическим действиям в арабских СМИ исконно арабского языка, и нет ни одного слова, заимствованного из другого языка.

Террористы используют в общении и в своих СМИ литературный арабский язык. Как известно, арабский язык скупой и трудно принимает новые слова из других языков. Используется литературный арабский язык, и террористы не употребляют в террористической лексике разговорную речь, жаргон, сленг.

Новые слова возникают в результате наиболее употребительных в СМИ и выделяются следующие слова и словосочетания, например, «ИГ», «иголовец», «игиловский», «антиигиловский», «ИГИЛ», «ДАИШ», «даишист», «спящие ячейки», «ячейки ИГ», «крысы даиша», «электронная армия», «хакерская атака», «горячая зона», «международный терроризм» и т.

В иракских СМИ по отношению к ИГ наиболее часто используются словосочетания «преступники даиша», «бандиты даиша», «экстремисты даиша», «преступная организация», «экстремальная организация» (иногда «ДАИШ» не склоняется – «преступники ДАИШ», «бандиты ДАИШ», «экстремисты ДАИШ». «Крысы даиша» – это боевики ИГ, одетые в черную форму, которая совпадает с цветом кожи крысы; и при атаках бомбардировщика они так же, как крысы, скрываются в подземных тоннелях. «Электронная армия» – медиа-активисты, которые пропагандируют экстремальные идеи в социальных сайтах и вербуют людей в ИГ. «Горячая зона» – это место, где террористы атакуют правительственные войска, закладывают взрывные устройства в автомобили, похищают людей и т. п.).

В составе террористическо-антитеррористической лексики, которые используют в СМИ можно выделить следующие группы:

1. Слова, обозначающие должность и профессию террористических организаций: халиф, эмир, военный министр, главарь, верховный судья, военный советник, террористические лидеры, главный

палач, начальник связи и коммуникации ИГ, начальник службы безопасности ИГ, пресс-секретарь ИГ, поставщик террористов для ИГ, террористы, игиловец, даишист, террорист-смертник, экстремисты, высокопоставленные командиры, высокопоставленные боевики, боевики, смертник, эмир смертников, силовики, курьер ИГ, медиаактивисты, джихадисты, шахидисты, вербовщик, исламисты, водитель грузовика врезаются в толпу людей.

2. *Способы террористических организаций*: массовое захоронение, вооруженное нападение, использование мирных жителей в качестве живого щита, промыть мозги людей, детонатор, начинённый взрывчаткой автомобиль, заминированный автомобиль, совершить атаки, взорвать себя, подорвать себя, теракт (террористический акт), двойной теракт, взорвать памятники культуры, земные тоннели, форпост террористов, контрольно-пропускной пункт, шахид – мобили, оплот ИГ, беспилотник (беспилотный летательный аппарат), дрон ИГ, проникновение, закреплённый на теле пояс (пояс смертника), химическое оружие, фугас, мина, взрыв автомобиля, подрыв автомобиля, взрывное устройство, самодельное взрывное устройство, приклеенное устройство, хакерская атака, заминированные улицы, склады боеприпасов, совершить нападение на город, приговорить к публичной порке, военный совет ИГ.

3. *Террористические группировки*: ИГ, ИГИЛ, ДАИШ, ЕДИНСТВО и ДЖИХАД, БОКО ХАРАМ, ФРАКЦИЯ ПАКИСТАНСКИХ ТАЛИБОВ (ФПТ), АХРАР аш-ШАМ, ДЖЕБХАТ ан-НУСРА, КаАИД аль-ДЖИХАД в ИРАКЕ, АЛЬ-КАИДА, ДЖЕЙШ аль-ИСЛАМ, ИСЛАСКИЙ ХАЛАФАТ, сирийская группировка ТАХРИР аль-Шам, ОТРЯДЫ ДЖИХАДИСТОВ, КАТИБАТ АЛЬ-МУХАДЖИРИН, ДЖЕЙШ АЛЬ-МУХАДЖИРИН, АЛЬ-АНСАР и т. д.

4. *Средства Массовой информации (СМИ) ИГ*: террористическое агентство “Амак”, агентство “Аль-Фуркан”, журнал “Дабик”, газета “Аль-Наба”.

5. *Лексика, используемая антитеррористическими организациями*: антитеррор, антитеррористическая операция, антиигиловский, операция по освобождению, очистить границу от ИГ, ликвидировать террористов, совместная операция, концентрационный лагерь, автономный робот

6. *Антитеррористические войска и отряды, воюющие с террористами*: международная антитеррористическая коалиция, Вооруженные силы Ирака, Силы народного ополчения, Отряды народного ополчения, Бойцы курдских сил пешмерга, национальная гвардия, ополченец, военнослужащие, национальные силы обороны, Курдские Отряды народной самообороны, силы народной мобилизации, военные Асада, Операция «Щит Евфрата», оперативное управление, Генштаба Вооруженных сил России, силы правительственной армии, союзные отряды и т. п.

7. *Наименования тюрем для террористов: тюрьма Гуантанамо (США), тюрьма Бука (Басра, Ирак), тюрьма Бадуш (Нинава, Ирак), тюрьма Абу-Гариб (Багдад, Ирак).*

Таким образом, лексика в области терроризма и антитерроризма пополняет словарный состав русского и арабского языков. В этой статье были выделены неологизмы, эквиваленты и различная используемая лексика в русских и арабских СМИ.

Список литературы:

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. – 6-е изд., – М.: Логос, 2002. – 528 с.
2. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – 9 –е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
3. Савинов А.А. Ислам от А до Я. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 320 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИНАМИКИ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Драйсави Хуссейн Катим Маджеди

*канд. филол. наук, преподаватель,
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о «петербургском тексте» как об особом тексте, через который прослеживаются его метафизические свойства. Его изучение позволило рассмотреть текст в динамике и изучить тему Петербурга как культурный феномен. Здесь рассматривается вопрос о том, когда было положено начало «петербургскому тексту» и в каких произведениях русской литературы это описывается. Также прослеживается ряд мотивов, которые являются основными элементами «петербургского текста». Н.В. Топоров отмечает, что Петербург – это город, где пересекаются темы добра и зла, являющиеся сквозными. Мотивы иллюзорности также преобладают в «петербургском тексте» - все это, в совокупности, образует особый текст мифа о Петербурге. В итоге, при создании текста на «петербургскую тему», автор сначала структурирует уже имеющиеся произведения и создает свое, ничем непохожее на другие.

Ключевые слова: «петербургский текст»; мифология Петербурга; мотив иллюзорности; эсхатологический лейтмотив.

«Петербургский текст есть текст не только и не столько через связь его с городом Петербургом, сколько через то, что образует особый текст, через его резко индивидуальный («неповторимый») характер, проявляющийся в его внутренней структуре.

Если бы все элементы Петербургского текста («объектный» состав, «природные» и «культурные» явления, «душевные» состояния) и все связи между этими элементами были закодированы с помощью некоего набора символов (чисто условных, т. е. не отсылающих к «содержательному») и если бы семантика текста оставалась неизвестной, то все-таки сам набор элементов, связей был бы ясен» [В.Н. Топоров, 1995, С. 300-301].

Петербургский текст в русской литературе нацелен на выявление общих черт и различий в петербургской мифологии в таком порядке, в котором они появлялись в творчестве русских писателей. С одной стороны, это позволяло рассмотреть текст Петербурга в динамике, а с другой, рассмотреть и изучить петербургскую тему как культурный феномен.

В XIX веке в 20-30-х годах было положено начало «петербургскому тексту». Это отразилось в произведении А.С. Пушкина «Медный всадник». Далее «петербургская тема» прослеживается в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя и его фельетонах, которые печатались в «Современнике». В творчестве Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова также прослеживается тема Петербурга.

В русской классике Петербург выступает в двух функциях: прямая функция – обслуживает определенный круг общественных потребностей, и метафорическая, где «признаки переносятся на широкий круг иных социальных фактов, моделью которой он становится» [И.П. Никитина, 2001, С. 58].

Считают традиционно, что текст А.С. Пушкина «Медный всадник» заложил основы петербургской мифологии. Характерно, что маркировка о принадлежности текста к петербургскому мифу вынесена в заглавие произведения, что свидетельствует о том, что «петербургская тема» переходит с тематического на жанровый уровень.

Также общеизвестно, что в пушкинском «Медном всаднике» возникли основные образы и мотивы петербургского мифа, которые были развиты в последующих текстах. «Медный всадник» оказывается своеобразным началом, задающим все основные элементы «петербургского текста», которые впоследствии по-разному интерпретировались другими писателями» [11, с. 173].

В «Медном всаднике» можно выделить мотивы революционной ситуации, наводнения и людских масс. Наводнение несет в себе эсхатологическую семантику, что и является чертой текста Петербурга. Это связано с тем, что эсхатологические предсказания и пророчества по поводу города имеют большое значение, что потом и сказалось на его мифопоэтической природе. Например, у А.С. Пушкина связана тема города и наводнения, так как город выстроен в «неправильном и плохом» месте.

Очень часто отмечалось, что наводнение понимается А.С. Пушкиным не просто как природное бедствие, но как разбушевавшаяся стихия, указывающая на «катастрофу» в человеческом обществе. Также наводнение отождествляется неким «сдвигом» границы между хаосом и гармонией: «Земля становится водой, маленький человек угрожает власти, живое становится мертвым, а мертвое – живым» [3, с. 360]. Ю.М. Лотман указывает, что сам «образ наводнения в «Медном всаднике» в контексте семантического трехчлена «восстание стихии — статуи приходят в движение — народ (люди) как жертва бедствия» [11, с. 159]. Таким образом, основной мотив – восставшая стихия мог реализовываться только в образе наводнения, так как он находится в тесной взаимосвязи пространства Петербурга.

Параллельно с образом стихии реализуется мотив власти, где отводится огромная роль в городском тексте русской литературы XIX века. С образом стихии можно соотнести мотив власти, который играет большую роль в «петербургском тексте».

Символом власти является «ожившая» статуя Петра Первого, соотносящаяся в тексте с богом, «кумиром». Власть слепа, безгранична и равнодушна к судьбе обычного человека. Здесь уже можно проследить мотив личности и государства, но в других текстах данный мотив также обыгрывается по-разному.

«Если рассматривать «Петербургские повести» Н.В. Гоголя, то у него власть можно соотнести с бюрократией, формирующая свое метафизическое начало». Так, Ю.М. Лотман, анализируя «Петербургские повести», замечает, что «повествование в «Носе» очень типично для «Петербургских повестей» в целом: из двух планов, реально-бытового и фиктивного, бюрократического, непрерывен только второй. В реальном плане изобилуют провалы, несогласованности, несоединимости» [9, с. 216].

«Интересно, что в некоторых произведениях XX века, где реализуется петербургский миф, по принципу контекстуального соединения бюрократия связывается с демонизмом (например, «Дьяволиада» М.А. Булгакова) — видимо, со времен Н.В. Гоголя эта семантическая связь в русской литературе оказывается устойчивой» [10, с. 65].

«При этом на авторские интерпретации бюрократической системы влияет также мотив иллюзорности петербургского пространства. В сочетании с этим мотивом бюрократическая власть оказывается «мнимой» и призрачной. Позже эта семантическая связка (восстание стихии — иллюзорность - власть) появится в романе А. Белого «Петербург».

«Эсхатологический лейтмотив восстания стихии обуславливает лейтмотив абсурдности и распада бытия, который реализуется в следующей системе мотивов: мотив сумасшествия, мотив истончения грани между реальным и ирреальным миром, мотивы сновидения и иллюзорности мира» [5, с. 307-308].

В поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» абсурдность ведет к гибели главного героя. В итоге, разрушен не только город, но и его мечты.

Судьба оказывается безжалостной, и в этом смысле на глубинном смысловом уровне она подспудно соотносится с игрой в карты («Пиковую даму» Пушкина), где также властвует случай, а выигрыш или проигрыш зависит только от случайного стечения обстоятельств, которое не подчиняется разумному объяснению. Судьба напоминает античную долю, которая также соотносится со случаем и никак не связана с личной добродетелью» [8, с. 307-308].

Очень четко абсурдность Петербурга представлена в гоголевской повести «Нос». В непонятном и таинственном городе происходят очень странные вещи, которые невозможно соотнести с реальностью, которые не подчинены никакой логике. Главный герой Ковалев потерял нос, следует отметить, что найден был нос на «Невском проспекте» и гулял он тоже там (именно на Невском всегда происходят все странные вещи). «Я не хочу, мне не нужнее нос, - говорил он, размахивая руками, - у меня на один нос уходит три фунта табаку в месяц! <...> Я не хочу носа! режь мой нос! вот мой нос» [Н.В. Гоголь, 1994, С. 21].

«Анализируя повесть с точки зрения изображенного в нем петербургского пространства, следует отметить, что «нос сразу входит в два типа пространства - бытовое, которое в этой оппозиционной паре воспринимается как реальное, и другое - мнимое, фиктивное, в котором и все предметы становятся фиктивными, ибо наделяются заведомо несовместимыми свойствами.

Это пространство небытия, и все в нем наделяется признаками, иметь которые одновременно можно только в состоянии небытия» [9, с. 240].

Следовательно, в петербургском пространстве разворачиваются фантастические события, несущие в себе хаос.

«Мотив сумасшествия в соотношении с петербургским городом появляется также в произведениях Ф.М. Достоевского. Эта связь отчетливо видна в «Преступлении и наказании», где все герои находятся в «пограничном» состоянии между разумом и безумием».

Не последнюю роль в этом играет «желтый» Петербург с его искривленными пространствами. Топоров, раскрывая характер этой связи, указывает на то, что внутреннее пространство Петербурга характеризуют «жилища неправильной формы и невзрачного или отталкивающего вида, комната-гроб, жалкая каморка, грязная лестница, колодец двора, дом» [1, с. 315].

В «петербургских текстах» очень часто встречается мотив сновидения, например, у Н.В. Гоголя «Невский проспект», стремящимся порваться из потустороннего мира в мир иной. При этом галлюцинаторное состояние находится в тесной связи со сновиденческим.

«Сновидения и галлюцинации были вызваны самим городом, который имеет такую же «сновиденческую» природу. Петербург — есть не то, чем он кажется. Это город обмана, который искажает любую истину. И ключевое слово, которое максимально точно характеризует петербургское пространство — это слово «странно». «Как странно играет с нами судьба наша! Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не, чем кажется. <...> все дышит обманом» [Н.П. Анциферов, 1990, С. 250].

«Характерно, что мотив лжи и иллюзорности города связывается с демоническим началом, незримо присутствующим в Петербурге. Демон наводит на город марево и иллюзию, чтобы все показать в искаженном виде» [2, с. 102]. «Он лжет во всякое время этот Невский проспект, но более всего, когда ночь сгущенное маскою наляжет на него... и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все в ненастоящем виде» [Н.В. Гоголь, 1994, С. 35].

«Мотив иллюзорности Петербурга возникает также и в творчестве Достоевского. Тема иллюзорности Петербурга разрабатывалась, прежде всего, в его романе «Подросток», где Петербург предстает маревом над Невой, туманом».

Топоров отмечает, что «Петербург - это «черный» заговор «на зло», где встречаются темы добра и зла, которые являются сквозными. «Зло» выступает то отчетливо, то туманно, то выступает на первый план.

«И даже вне Петербурга, о котором страна судила как о чем-то чуждом и греховном и если тянулась к нему, то часто корысти ради, поддаваясь низким соблазнам, — едва ли стоит напоминать, что речь идет лишь об одной, но очень весомой части спектра внешних

«мнений» о Петербурге) и начиная с 30-х годов XIX века и в литературе — художественной, публицистической, исторической. Вот это «злое» начало, несомненно, во многом объясняет тему inferнального в Петербурге в разных ее вариантах» [Н.В. Топоров, 1995, С. 350-357].

Итак, мы видим ряд основных мотивов, которые оказываются важными элементами «петербургского текста».

Далее в теме Петербурга в творчестве других авторов изменяются только второстепенные образы, а основные — неизменны. Все выделенные образы образуют некий особенный текст петербургского мифа. Именно отсюда и «вытекают» все особенности литературной традиции, которые связаны с городским текстом. Автор, когда создает произведение на петербургскую тему, то он комбинирует уже имеющиеся произведения в нужной для него структуре, привлекает другие источники и в соответствии со своим миропониманием и мировоззрением создает новое произведение, отличное от других и ничем не похожее на предшествующие.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Астральный роман (размышления по поводу романа А. Белого «Петербург») / Н.А. Бердяев // О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 310-319.
2. Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского / О.Г. Дилаторская. – СПб.:Петрополис. – 1999. – 129 с.
3. Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург» / Л.К. Долгополов. – СПб.: Советский писатель, 1988. – 420 с.
4. Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Белый А. Петербург: Роман в 8 гл. с прологом и эпилогом. – 2004. С. 525-639.
5. Лавров А.В. Андрей Белый: разыскания и этюды / А.В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 520 с.
6. Лавров А.В. У истоков творчества Андрея Белого / А.В. Лавров. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 340 с.
7. Лавров А.В. Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого. На рубеже двух столетий. Воспоминания / А.В. Лавров. – Т. 1– М.: Художественная литература, 1989. – С. 5-32.
8. Лавров А.В. Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891 – октябрь 1917 / А.В. Лавров. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 672 с.
9. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Лотман Ю.М. // История и типология русской культуры. - СПб.: Искусство, 2002. – С. 208-220.

10. Новиков Л. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л. Новиков. – М.: Наука, 1990. – 230 с.
11. Пумпянский Л.В. «Медный Всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пумпянский Л.В. // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 158-196.

УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ И ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА»

Икрам Рзуки Таха

*преподаватель Багдадского университета,
Ирак, г. Багдад*

Аннотация. Статья посвящена устойчивым оборотам и выражениям в повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка». Фразеологические обороты и выражения занимают существенное место среди используемых В.П. Астафьевым изобразительных средств прежде всего потому, что в них заложены большие выразительные возможности.

Abstract. The article is devoted to sustainable turnover and expressions in the story of V.P. Astafiev "Shepherd and shepherdess. Idioms and expressions occupy an important place in the V.P. Astafyev fine tools primarily because they have large expressive possibilities.

Ключевые слова: В.П. Астафьева «Пастух и пастушка»; эффективные способы формирования культуры общения; устойчивым оборотам и выражениям.

Keywords: V.P. Astafiev "Shepherd and shepherdess; effective ways of formation of culture of dialogue; sustainable momentum and expressions.

Стилевым исканиям В. Астафьева, прежде всего – в лингвистическом, семантическом и лексикографическом аспектах посвящены работы Бобковой, О.И. Блиновой, Н.А. Бурмакиной, И.Г. Гуляковой, О.Н. Емельяновой, Т.В. Романова, Л.Г. Самотик, А.А. Осиповой, Л.Н. Падериной, Е.З. Тарланова, О.В. Фельде.

В статьях Л.Н. Падериной описывается словарь нелитературной лексики [6], сформированный по основному корпусу его произведений. Исследователь-лингвист И.В. Ревенко анализирует семантические типы градационных синтаксических структур [7].

Следует отметить, что речевой стиль, реализованный в «Пастухе и пастушке», как и в других произведениях В.П. Астафьева, представляет собой богатейший источник для изучения. Однако научных работ, посвященных анализу стиля этого выдающегося русского прозаика, сравнительно немного. Интересное исследование, посвященное сопоставлению «речетворчества» В. Астафьева со словообразовательными решениями писателей, творившими во второй половине XX века предпринято О.Ю. Алейниковым.

И.Г. Гулякова предпринимает попытку охарактеризовать эпистолярный стиль писателя [3].

Актуальным направлением исследований в последние годы является изучение стиля В.П. Астафьева «на основе анализа способов актуализации концептов, отражающих специфику авторской картины мира».

Устойчивые выражения, почерпнутые в народной среде, в национальной языковой традиции на уровне речевого стиля последовательно противопоставляются лозунгам советской эпохи. Последние используются в негативном контексте в том случае, когда писатель считает необходимым показать противоречия, возникающие между пропагандистскими установками и реальными жизненными условиями, в которые поставлены люди в условиях войны.

В стиле В.П. Астафьева преобладают языковые единицы, объективирующие представления и противоестественность смерти. Эта особенность совпадает с характерной для современного русского языка общей тенденцией к преобладанию единиц с отрицательной оценкой в лексико-фразеологическом фонде русского языка.

Произведения В.П. Астафьева отмечены богатством стилистических, лексико-семантических значений, особенно значимыми являются авторские слова-окказионализмы и окказиональные значения слов и сверхсловных образований. Формирование новых слов и значений, вызванное стремлением полно, глубоко и своеобразно охарактеризовать то или иное явление, – особенность речевого стиля этого писателя. Разговорная и просторечная лексика, а также диалектизмы в повести «Пастух и пастушка» играют функцию обновления языка художественной прозы.

В концептосферу русской языковой картины мира Д.С. Лихачев причислял «поговорки, пословицы, другие устойчивые словосочетания и выражения, в том числе фразеологизмы» [5, с. 5].

Фразеологические обороты и выражения занимают существенное место среди используемых В.П. Астафьевым изобразительных средств прежде всего потому, что в них заложены большие выразительные

возможности: высокая степень обобщенности, эмоциональность, экспрессивность, стилистическая окрашенность, образность.

Устойчивые обороты «придают речи повествователя живость, меткость, свойственные народной речи, а в речи персонажей выступают как яркое средство языковой и стилистической аттестации» [4, с. 72] – отмечает современный исследователь.

Астафьев даёт нам образцы мастерского использования этих единиц, вводит их в текст или без изменений, или частично перефразируя с целью создания образной характеристики персонажей: «Взводный души не чаял в этих алтайцах... (483), т. е. очень ценил.

Фольклор – основной источник языковых ресурсов для произведений В.П.Астафьева. Автор использует фразеологизмы, пословицы, поговорки, сказочные присловия в самых разных жизненных ситуациях, в которых оказываются герои его произведений.

При этом, включаясь в текст, они каждый раз наполняются смысловым содержанием, обусловленным контекстом. Нельзя не отметить, что сверткестовые значения, закрепленные устойчивыми выражениями, заимствованными из русского фольклора, в повести «Пастух и пастушка» отличаются от тех значений, что использовались писателем в прецедентных текстах, ранее написанных произведениях о войне.

Авторский отбор слов и приемов художественной его трансформации, творческого обращения В.П. Астафьева с семантикой и формой слова и фразеологизма писателя были другими. Так, например, традиционная для сказки концовка в повести «Звездопад» служила созданию атмосферы некой «доброй сказки»: «Оба они были красавцы, и оба из сражений выходили целы и невредимы, а дальше шло, как во всякой доброй сказке: женились, справляли свадьбу. Я там был, мёд пил и так далее» (244).

В «Пастухе и пастушке» сказочные мотивы лишь обозначены. Лишь отдельные выражения используются в речи персонажей, но в переосмысленном значении, находящемся в явной зависимости от реалий войны. Вот характерный пример: «Командир роты разместился за речкой, на окраине хутора, в бане. Баня излажена по-чёрному, с каменкой, – совсем уж не редкость на Украине. Родом из семиреченских казаков, однокашник Бориса по полковой школе, приветливо и даже чересчур приветливо встретил своего взводного.

– Здесь русский дух! – весело гаркнул он. – Здесь баней пахнет!» (475).

Как известно, устойчивое выражение «русский дух», характерное для народных сказок, А.С. Пушкин использовал в составе устойчивого выражения «здесь русский дух ... здесь Русью пахнет!», но персонажами

имеется ввиду не только литературный, но и сказочный образец (в русских народных сказках упоминания в речи Бабы Яги «русского духа» является предчувствием появления героя-богатыря, представителя сил добра. И для Пушкина упоминание о русском духе – является предупреждением о встречах с героями русских народных сказок, богатырями, защитниками родины.

Едва ли случайно этот редкий случай использования сказочных выражений в повести В. Астафьева появляется вскоре после нечаянной догадки связного бойца о том, что в пургу «кружит» русских солдат нечистая сила: «Это уже надо быть воистину чалдоном суеверным, чтоб в таком столпотворении не утратить веры в нечистую силу, которая отсюда, из этакой бойни, казалась совсем забавной, детской игрушкой» (474).

Слой древних по происхождению устойчивых выражений широко представлен в тексте повести:

«За нашим командиром как за каменной стеной» (498), «В окопе недострелят, здесь воистину как за каменной стеной» (499). «Смерть, как и жизнь, у каждого своя...» (553).

«Солдат ... знает, что, пока в землю закопан, ему сам чёрт не брат!...» (498).

В. Астафьеву была очень близка жизнь простого народа, его быт, его речь. Именно эта среда являлась бесценным кладезем фразеологизмов для его своеобразного речевого стиля.

«Я ему про вино, а он – про кино!» (474), т.е. говорить об одном, а получать ответ о другом.

«Кума с возу – кобыле легче!» (541), т. е. избавиться от чего-то ненужного, обременительного.

«У нее будто бы шашни водились» (542), т. е. будто бы заводить любовные отношения с кем-то.

Устойчивые выражения, указывающие на их демократический характер, создают непринужденность повествования, стиль, близкий к разговорному, ориентированный на устное слово, на разговорный синтаксис. «Войну на войне все равно не обойдешь...» (502).

В повести образные частушки обычно используются в речи персонажей: «Коли валенок не дали, значит, выдадут медали» (490). «Машина не конь – ждуть не любит!» (534). «Ладно, чего уж... Долгие проводы – лишние слёзы» (535).

Объединённые в одном повествовании с реакциями участников сражения на окружающую их реальность, не только частушки, но и пословицы, и другие устойчивые выражения создают впечатление разговорности и в речи повествователя.

Созданию подобного эффекта может служить усечение пословицы: «Неловко было даже не только что сказать о них, но и подумать, что вот-де «за одного битого двух небитых...» (470).

Например: «Грех да беда не по лесу ходят, всё по народу. Хуже нет разведки боем. Все по тебе палят, как по зайцу» (472).

Посмотрим, как распределены образные устойчивые выражения в речи повествователя и героев (по сравнению с повестями «Звездопад», «Стародуб», созданных раньше, чем «Пастух и пастушка».

В отличие от «Звездопада» и «Стародуба» в тексте «Пастуха и пастушки» часть выражений, подсказанных «фольклорной памятью», вызвана задачей сравнить положение человека на войне с миром животных: «Больную птицу и в стае клюют» (502).

В повести «Пастух и пастушка» самоаттестации и самохарактеристики героев, их состояний и даже вооружений более ироничны, чем в ранних рассказах и повестях В. Астафьева.

«Без фокусов да без слез наш брат, как без хлеба...» (516).

«Даже два миномета, трахнув минами во что-то мерзлое прекратили пальбу, уяснив, видать, что когда кузнец кует – лягушка лапу не сует» (473). Эта поговорка со всей очевидностью передает ироническое отношение рассказчика к сообщаемому.

В «Пастухе и пастушке» читаем: «Коли валенок не дали, значит, выдадут медали», «Если зайца долго лупить, он спички зажигать научится...» (496). Пословицы, основанные на довоенном и фронтовом опыте персонажей, характеризуют их как ироничных и мудрых людей.

И другие пословицы и поговорки играют характерологическую роль: «позднее догадался Борис, что Мохнаков придерживался старинного завета русских воинов – лучше смерть, чем неволя» (511).

«И вот он, окоп. Родимый. Скатись в него, скатись, солдат, не робей! Будет очень больно, молонья сверкнет в глазах, ровно оглушит тебя кто-то поленом по башке. Но это своя боль. Что ж ты хотел, чтобы при ранении и никакой боли?! Ишь ты какой, немазанный-сухой!.. Война ведь, война, брат, беспощадная...» (307).

«Я всегда думал, что война – это бой, стрельба, рукопашная, там, где-то далеко-далеко. А она вон как – везде и всюду, по всей земле...» «Ему тут же захотелось провалиться сквозь землю» (517), т. е. бесследно, неожиданно исчезнуть, пропасть.

«Солдат, он и без него знает, что надо делать на войне, и лучше всего, и тверже всего знает он, что пока в землю закопан – ему сам черт не брат, а вот когда выскочит из земли наверх, так неизвестно чего будет: могут и убить. Поэтому, пока возможно, он не выберется оттуда и за всяким-яким в атаку не пойдет, будет ждать, когда свой ванька-взводный даст команду вылезать из окопа и идти вперед» (498).

Основная часть устойчивых оборотов, сказочных присловий, поговорок используется автором для характеристики героев, оценки их интеллекта, внешних данных, личностных качеств, социального происхождения и положения.

Нередко именно в речи персонажей пословицы и поговорки используются для характеристики мирной жизни, противопоставленной войне, на которую накладывается опыт, переживаемый на полях сражений. Он сказывается на передаче чувств и переживаний героев: «Что я буду делать после госпиталя? Как жить?.. А, наплевать! Не один я такой! Не пропаду! Не так страшен черт...» («Звездопад»).

В повести «Пастух и пастушка» Бориса Костяева не успокаивает, но скорее, угнетает и подавляет известная ему поговорка «Больную птицу и в стае клюют...» (512), постоянно всплывающая в сознании после того, как он и старшина Мохнаков оставили замерзать в заснеженном овраге тяжело раненного немца с перебитыми ногами.

Фразеологизмы широко представлены в тексте повести.

«Нам тут так дали прикурить, что никакого табаку не захочется...» (457). Этот фразеологизм означает «побить», «нанести урон».

(432). Это фразеологизм означает «ловкий», «умелый».

«...комроты Филькин, фамилия которого была притчей во языцех и не соответствовала его боевому характеру...» (475). Этот фразеологизм означает «предмет» всеобщих разговоров, постоянных расспросов.

«Птица она здесь, видать, и впрямь залетная» (481). Птица залетная – т. е. «нездешняя», в переносном значении: приезжая женщина.

«Отчалил от этих берегов, задышал сочно... » (490). Т. е. заснул, тяжело задышав.

«Солдатики сами не свои...» (499). Сам не свой, т. е. находящийся в состоянии беспокойства, расстроенный, потерявший душевное равновесие.

«Живет человек на войне только одним днем...» (500). Жить одним днем – жить, не думая о будущем.

«Здесь мышь не проскочит...» (522). Данный фразеологизм означает хорошо охраняемое место.

«Как-то Карышев срубил под корень Ланцова, впавшего в рассуждения насчет рода людского: «Всем ты девицам по серьгам отвесил: и ученым, и интеллигентам, и рабочим в особенности, потому как сам из рабочих и главнее всех сам себе кажешься. А всех главнее на земле – крестьянин-хлебопашец! У него есть все: земля!» (483).

Срубить под корень – значит, удивить, поразить человека.

Фразеологизм «отвесить девицам по серьгам» означает никого не забыть при распределении чего-то.

Особую роль для психологически точного изображения героев имеют древние фразеологические выражения. Прикоснувшись к тайне любви, герой повести Борис Костяев очнулся от ставшего привычным военного онемения, содрогнулся от крови и испугался за беззащитное чувство. Этот страх почувствовала женщина. На ее встревоженность любимый отвечает старинной пословицей, выросшей из древнеславянской легенды о больном, в глаза которого пытается заглянуть смерть: если больной, поймав ее взгляд, вздрогнет – верный знак торжества смерти.

«– На смерть, как на солнце, во все глаза не поглядишь... Страшнее привыкнуть к смерти, примириться с нею...» (518).

Герой вздрогнул, с этого момента начался процесс угасания его жизни. Он почувствовал, что смерть, завоевавшая все окружающее пространство, может побеждать. С этого момента сентенция «*в мире правит смерть*» постепенно превращается в реальность. Территория сопротивлявшейся доселе человеческой души истаивает, душа начинает медленно переходить во власть самой страшной завоевательницы, подчинившей себе обе воюющие стороны.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что, изображая человека в условиях войны, В. Астафьев характеризует участвующих в боевых действиях солдат с помощью пословиц и поговорок и других устойчивых фразеологических выражений как людей умудренных, познавших многое в жизни, опирающихся на ценности, вынесенные из мирной жизни, но понимающих серьезность выпавших на их долю испытаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная особенность произведений В.П. Астафьева – изображение жизни и окружающей действительности в ее первоосновах, в поиске основ, крепящих бытие: доброту, сострадание, бескорыстие, справедливость. Все эти ценности писатель в своих произведениях подвергает достаточно жестким испытаниям, прежде всего за счет предельных условий самой действительности. На наш взгляд, выявляя особенности изображения человека в условиях войны, характерные для прозы В. Астафьева, перспективно и важно проводить комплексные исследования, объединяющие лингвистические и литературоведческие методики анализа, учитывающие как уровень конкретной стилистики, образно-стилистический, так и символично-метафорический, сюжетно-тематический уровни.

Список литературы:

1. Астафьев В. Собрание сочинений: В 15 тт. – Т. 3. – Красноярск, 1997. – 457 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1994. – 177 с.

3. Гулякова, И.Г. Об эпистолярном стиле В.П. Астафьева (на материале писем М.Н. Кураеву) // Мир русского слова. – СПб., 2002. – № 1. – С. 64-72.
4. Емельянова О.Н. Устойчивые обороты в прозе Виктора Астафьева // Русский язык в школе. – 1998. – № 3. – 72 с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Изв. РАН СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 5.
6. Падерина Л.Н. Словарь нелитературной лексики В.П. Астафьева и словари писателей // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске. – Вып. 1. – Красноярск, 2005. – С. 319-340.
7. Ревенко И.В. Семантические типы градационных синтаксических структур в военной прозе В.П. Астафьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. – Красноярск, 2006. – Вып. 3. – С. 57-60.
8. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Л., 1948-1965. – Т.1-17.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 2001. – 412 с.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1985. – 160 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ТЕКСТА ДЖ. ТОЛКИНА «THE HOBBIT, OR THERE AND BACK AGAIN»)

Самахер Хасан Давуд

*преподаватель, Багдадский Университет,
Ирак, г. Багдад*

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным проблемам частной теории перевода. На примере переводов текста Дж. Толкина «The Hobbit, or There and Back Again» анализируются трудности и особенности перевода имен собственных в конкретном произведении.

Ключевые слова: перевод; переводческие эквиваленты; оним; имя собственное.

В современной теории языка имена собственные противопоставляются именам нарицательным и понимаются как слова, используемые для «выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя данный объект». Теория переводческих соответствий выделяет однозначные и множественные соответствия, а

также трансформации. Онимы относятся к лексическим единицам с однозначными соответствиями. Перевод имени собственного, как правило, не зависит от функционального типа текста, а также контекста употребления конкретного онима. Тем не менее, анализ переводческих эквивалентов имен собственных в переводах разных авторов текста Дж. Толкина «The Hobbit, or There and Back Again» показывает, что передача этой группы лексем вызывает затруднения, которые связаны с необходимостью учитывать целый ряд факторов, в том числе – экстралингвистических.

Существует несколько способов передачи имен собственных с одного языка на другой. Л.М. Щетинин указывает на следующие способы перевода онимов с английского языка на русский [6]:

1. *Транслитерация и транскрипция.* Казакова Т.А. отмечает: транскрипция – это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова [1, с. 63]. При транскрипции переводчик стремится к минимальным фонетическим «потерям» и максимальной близости к ониму-оригиналу. При удачном транскрибировании имени собственного переводчик передает смысловое содержание и национальный колорит. Транслитерация – еще один способ передачи имени собственного на другой язык. Казакова Т.А. предлагает следующее определение: «транслитерация – формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка; буквенная имитация формы исходного слова» [1, с. 63]. О транслитерации преимущественно говорят тогда, когда графические единицы двух языков можно поставить в некое соответствие друг другу. Необходимо учитывать, что при транслитерации язык перевода навязывает ониму графический облик в соответствии со своими правилами. Также стоит отметить, что современный набор правил переводческой транскрипции и транслитерации достаточно широко разработан, соответственно, переводчики в своих работах с успехом его применяют.

2. *Калька.* Данный тип заимствования путем буквального перевода позволяет максимально сохранить семантику онима. К сожалению, сохранение семантики не всегда предполагает сохранения национального колорита, который в ряде текстов имеет безусловное значение.

3. *Полукалька.* Данный тип перевода имени собственного представляет собой частичный перевод онима.

4. *Создание неологизма.* Данный прием преимущественно используется тогда, когда в языке нет словарного соответствия.

5. *Уподобляющий перевод* (функциональная замена). Данный способ передачи безэквивалентной лексики заключается в том, что для

обозначения имени в языке перевода подыскивается лексема, которая «хоть и не совпадает полностью с исходным онимом, но имеет с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления» [2, с. 78].

6. *Описательный перевод.* Данный способ передачи безэквивалентной лексики заключается в раскрытии значения единицы исходного онимас помощью развернутого описания. Описательный перевод используется тогда, когда невозможно использование какого-либо другого способа.

Вполне естественно, что в тексте Дж. Толкина большую часть используемых имен собственных составляют «семантически ненаполненные» имена и фамилии персонажей, а также названия географических объектов, следовательно, основными способами передачи являются транскрипция или транслитерация. Нами также отмечено, что в ряде переводов текста Дж. Толкина имеются несоответствия имен собственных тексту-оригиналу:

Таблица несоответствия имён собственных тексту-оригиналу

<i>Текст-оригинал</i>	<i>Перевод Н. Рахмановой</i>	<i>Перевод К. Королева</i>
Baggins	Бэггинс	Торбинс
The Hill	Холм	Круча
Belladonna Took	Белладонна Тук	Белладонна Тук
Bilbo Baggins	Бильбо Бэггинса	БильбоТорбинс
The Water	По Ту Сторону Реки	Приречье
over The Hill	За Холмом	В Исторбинке
		Хоббитании
Gandalf	Гэндальф	Гэндальф
Dwalin, Balin, Fili, Kili, Dori, Nori, Ori, Oin, Gloin, Bifur, Bofur, Bombur,	Двалин, Балин, Фи́ли, Кили, Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Бифур, Бофур, Бомбур	Двалин, Балин, Фи́ли, Кили, Дори, Нори, Ори, Оин, Глоин, Бифур, Бофур, Бомбур
Thorin Oakenshield	Торин Оукеншильд	Торин Дубовый Щит
Old Took	Старый Тук	Старый Тук
Thorin Oakenshield	Высокий Народ	Громадины

Анализируя и сопоставляя имена собственные в разных переводческих работах, а также в тексте оригинале, мы отметили на введение экспрессивно-оценочного компонента в семантику онима «Thorin Oakenshield» в тексте К. Королева – «Громадина», который имеет стилистическую помету «разг.». Данный пример может свидетельствовать о значении и роли переводчика, который не только может отражать культуру и особенности текста-оригинала, но и влиять на

эмоциональное и оценочное восприятие читателя. Примечательно также, что К. Королев при переводе имен персонажей, которые занимают важное место в сюжете книги, использует буквальный или частичный перевод онима. Данный перевод, с одной стороны, помогает лучше понять характер такого персонажа, но с другой стороны – «отстраняет» читателя от культуры, создавшей этот текст. Также стоит отметить, что К. Королев, используя лексему «Хоббитания», которая отсутствует в тексте-оригинале, изменяет и географическое пространство текста, приводя в него собственные объекты и «называя неназванное».

Таким образом, анализ переводческих эквивалентов онимов в двух переводах (Н. Рахманова, К. Королев) текста-оригинала «The Hobbit, or There and Back Again» показывает, что передача имен собственных с английского языка на русский может вызвать такие же проблемы, что и передача любых других лексем, поскольку каждый текст проходит при переводе «трансформацию» восприятием и сознанием переводчика, который учитывает (или нет) прозрачную внутреннюю форму онима, его историческую аллюзивность, а также эмоционально-оценочную составляющую. Следовательно, переводчик может добавлять, элиминировать элементы сказочной действительности, а также влиять на эмоциональное восприятие текста читателем.

Список литературы:

1. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English<=>Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 320 с.
2. Латышев Л.К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения. М., 1981. - 212с.
3. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М., 1988.– 314с.
4. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно/ пер. В. Тихомиров, К. Королев. – М.: АСТ, 2000. – 382с.
5. Толкин Дж. Р.Р. Хоббит, или Туда и обратно. Сказочная повесть/ перевод с английского Н. Рахмановой. – Л.: Дет.лит., 1976.- 252с.
6. Щетинин Л.М. Русские. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1972. - 232 с.
7. Tolkien J.R.R. The Hobbit or There and Back Again. – Marriner Books, 1999. – 219p.

ПАРНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Фомин Эдуард Валентинович

*канд. филол. наук, доцент,
Чувашский государственный институт культуры и искусств,
РФ, г. Чебоксары*

PAIRED WORDS IN RUSSIAN

Eduard Fomin

*Candidate of Philology,
assistant professor of humanities and social-economic disciplines
of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Russia, Cheboksary,*

Аннотация. Исследование посвящено малоисследованной области русского языка – парным словам. Автор придерживается широкого подхода к определению парных слов, под которыми предлагается понимать сложные слова с формальной связью между компонентами на основе синонимичных, ассоциативных и антонимичных отношений, а также композиты с редупликатами.

Abstract. The study is devoted to a little studied area of the Russian language - paired words. The author adheres to a broad approach to the definition of paired words, by which it is suggested to understand complex words with a formal relationship between components based on synonymous, associative and antonymous relations, as well as composites with reduplications.

Ключевые слова: парные слова; сложные слова; русский язык.

Keywords: coupled words; composite words; Russian.

Так сложилось, что языковеды до последнего времени не обращали внимание на парные слова в русском языке. Сведения о них отсутствуют в академической грамматике, они непоследовательно представлены в словарях.

Между тем парные слова являются объективной реальностью русского языка и все больше осознаются в качестве новой области исследований в русистике (см.: 1; 3; 4; 7; 8).

Возможно, парные слова не замечались русской лингвистикой потому, как существовала общая тенденция изучения редупликации [1, с. 190], которая до сих пор продолжает превалировать.

Парные слова – композиты с формальной сочинительной связью между компонентами, произведенные на основе синонимических (*грусть-тоска, друзья-товарищи, путь-дорога*), ассоциативных (*гуси-лебеди, имя-отчество, папа-мама, руки-ноги*) и антонимических (*более-менее, взад-вперед, туда-сюда*) отношений. В разряд парных следует включать и сложные слова с редупликацией (*супер-пупер, танцы-шманцы, хухры-мухры*), поскольку «существуют как формальные, так и семантические мотивы для их объединения» [4, с. 96].

В период, предшествующий специальному изучению, парные слова квалифицировались как составные слова синонимического сближения (*стежки-дорожки, горе-злосчастье, друг-приятель*) или сближения суммарной семантики (*хлеб-соль, отец-мать, внуки-правнуки, приход-расход*) [9, с. 203]. Последняя группа слов квалифицируется более востребованной, хотя тоже является малопродуктивной [9, с. 203]. Тем не менее отметим, что парные слова – особенно композиты с редупликацией – обладают большим словообразовательным потенциалом и высокой частотностью в разговорной речи.

Главный признак парных слов как языковых единиц – воспроизводимость. В то же время парные слова речевого уровня формируются каждый раз. Например, явно речевой единицей являются слова с компонентом *другой* (*час-другой, человек-другой*), парные употребления числительных в значении приблизительного количества (*два-три*), слова с редупликацией на -м (*кофе-мофе*) в противовес языковым образованиям типа *будьте-нате, выпить-закусить, ёлки-палки, житьё-бытьё*.

Словообразовательные модели парных слов типичны для всех частей речи и сводимы к схеме *основа + основа* без участия каких-либо интерфиксальных морфем. Скорее всего связывающим элементом выступает само словорасположение. Как правило, компоненты в парных словах имеют фиксированную позицию, их перестановка возможна лишь в редких случаях: *туда-сюда = сюда-туда, папа-мама = мама-папа*. Надо думать, что строгое словорасположение в парных словах обусловлено устойчивыми словосочетаниями с соединительными или разделительными союзами, ср.: *более-менее = более или менее, охи-ахи = охи и ахи, худо-бедно = худо и бедно*. (Наблюдения показывают, что невозможно свободно сочетать между собой случайные слова даже близкие по смыслу: *село-город* (?), *мед-вино* (?), *жизнь-обычай* (?), например: в чув. *ял-хула* ‘населенные пункты’ < *ял* ‘село’ + *хула* ‘город’; тат. *бал-ширбэт* собир. ‘свадебный спиртной напиток’ < *бал* ‘мед’ + *ширбэт* ‘вино’; мар. *ильши-йўла* ‘быт’ < *ильши* ‘жизнь’ + *йўла* ‘обычай’.)

В случае с парными словами с редупликативными компонентами значение усложняется стилистической окраской, как правило, негативной: *муси-пуси, танцы-шманцы(-обниманцы), шуры-муры*. Видимо, данное свойство делает их крайне востребованными в разговорной речи.

Парные слова в русском языке представлены почти всеми частями речи: 1) именами существительными: *море-океан, сыр-бор, царство-государство*; 2) именами прилагательными: *встречный-поперечный, суетный-маетный*; 3) именами числительными: *пятое-десятое, сотни-тысячи*; 4) местоимениями: *то-се, такой-сякой*; 5) наречиями: *любо-дорого, неожиданно-негаданно, тихо-мирно, шито-крыто*; 6) глаголами: *рядить-судить, шататься-мотаться*; 7) междометиями, в том числе звукоподражаниями: *диль-дон, тик-так, хи-хи-ха-ха*.

В производстве парных слов наиболее востребованы имена существительные, глаголы, наречия и междометия. При этом существительные и наречия явно доминируют над остальными частями речи.

Нельзя не отметить интересные пары слов, сложившиеся в разговорной речи: *ля-ля-тополя* ‘пустые разговоры’ < *ля-ля* межд., подражание говорению (*не надо ля-ля!*) + *тополь* (?); *любовь-морковь* ‘амурные дела’ < *любовь* + *морковь* (?). Данные слова случайны по происхождению – в формировании их семантики напрямую не участвуют значения вторых компонентов, их появление здесь обусловлено эстетическими причинами – рифмованием и желанием придать сообщению несерьезность.

Парные слова иногда заимствуются из других языков: *буги-вуги* вид танца ≤ англ. *boogie-woogie*, *гоголь-моголь* < нем. *Kuddelmuddel* ‘хаос, беспорядок’ (см. также: 6, т. 1, с. 425), *хип-хоп* стиль музыки ≤ англ. *hip-hop*.

Семантику обобщения, внутренне присущую парной лексике урало-алтайских языков и выступающую в качестве сущностного параметра, русские парные слова обретают в форме множественного числа. (К слову, синхронным морфологическим изменениям подвергается каждый компонент парного слова: *такой-сякой* – *такие-сякие* – *такого-сякого* и т. п.)

Упущение языковедов, долгое время не замечавших существование такого выразительного пласта русской лексики, как парные слова, проявляется и в лексикографической практике. К примеру, в словообразовательном словаре русского языка 1985 г., где, казалось бы, должно было быть учтено все многообразие лексики, имеются лишь некоторые парные образования – такие, как *житье-бытье, куть-верть, так-сяк, тик-так, туда-сюда, неожиданно-негаданно* [5], но проигнорированы лексемы *друзья-товарищи, любо-дорого, прыг-скок,*

путь-дорога и др. Представляется, что парные слова должны встраиваться в словообразовательные гнезда по первому слову. Видимо, их место в нижней завершающей части гнезд.

Можно предположить, что парные слова в русском языке существуют испокон веков (см. фольклорные тексты в: 2), однако их развитие пошло по иному пути, нежели, например, в урало-алтайских языках, в которых они являют лексику терминологического уровня).

Поддерживает деривацию и функционирование парных слов в русском языке их активное функционирование в контактирующих языках. Особенно это касается русской речи азиатских народов, обильно использующих редупликативные парные образования с инициальным *-м* (*автобус-мавтобус, шашлык-машлык*).

Видимо, полное признание парных слов в русском языкознании состоится лишь после издания специального словаря (о словаре см.: 8).

Итак, парные слова, в широком значении включающие и композиты с редупликативными элементами, являются неотъемлемой частью лексической системы русского языка. Они обладают интереснейшим свойством называть новые реалии, нередко сопровождаемые стилистической окраской, путем сочетания двух компонентов без участия каких-либо формантов, что не совсем свойственно сути современного русского словообразования.

Сокращения:

Мар. – марийский язык, межд. – междометие, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык.

Список литературы:

1. Ерина Т.Н. Жили-были... К проблеме парных слов русского языка / Т.Н. Ерина, Э.В. Фомин // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 190–195.
2. Жили-были... Русская обрядовая поэзия / сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. СПб.: Блиц, 1998. 285 с.
3. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: автореф. дис... канд. филол. наук / Ин-т славяноведения РАН. – М., 2004. – 20 с.
4. Минлос Ф.Р. Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова / Ф.Р. Минлос // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 1. – С. 96–115.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х т. – М.: Рус. яз., 1985.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. – СПб.: Терра–Азбука, 1996.

7. Фомин Э.В. О существенных параметрах парных слов русского языка / Э.В. Фомин // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика (VI Бодуэновские чтения. – Казань, 2017. – Т. 1. – С. 278–280
8. Фомин Э.В., Ерина Т.Н. Парные слова в русских словарях // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. – Казань, 2016. – Т. 2. – С. 291–296.
9. Шанский Н.М., Тихонов А.Н., Филиппов А.Н. и др. Современный русский литературный язык. – 2-е изд., перераб. – Л.: Просвещение, 1988. – 671 с.

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Хамеед Акрам Азиз

канд. филол. наук

*Преподаватель кафедры русского языка,
Багдадского государственного университета,
Ирак, г. Багдад*

PROBLEMS AND PECULIARITIES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Hameed Akram Aziz

cand. philol. science

*Teacher of the Russian language department,
Baghdad State University,
Iraq, Baghdad*

Аннотация. Статья посвящена преподаванию русского языка как иностранного в высших учебных заведениях Российской Федерации. Основное внимание сосредоточено на самых современных методиках преподавания русского языка для иностранных студентов разных национальностей, получающих высшее образование в учебных заведениях РФ.

Abstract. The article is devoted to teaching Russian as a foreign language in higher educational institutions of The Russian Federation. The main focus lies in the most modern methodics of teaching Russian for foreign students of different nationalities which get higher education in Russia.

Ключевые слова: подход; метод; лексика; грамматика; диалог; аудирование; поликультурное воспитание.

Keywords: approach; method; vocabulary; grammar; dialogue; listening; multicultural education

ВВЕДЕНИЕ

Большинство стран мира пришли к выводу относительно необходимости формирования личности, обладающей не только родным языком, но и многими другими, что, в свою очередь, будет свидетельствовать о ее поликультурной направленности. Интерес иностранцев к русскому языку, желание и потребность его изучать в России и за ее пределами - это реалии сегодняшнего дня.

Русский язык становится средством деловых отношений, языком диалога культур, языком специальности. Все это обуславливает необходимость развития современных методов и приемов обучения русскому языку как иностранному, детальной проработки теоретических аспектов преподавания и их воплощение в практику обучения русского языка как иностранного.

Язык должен стать инструментом общения, позволяющий проникнуть в другую культуру, определить для себя ее характерные черты и усвоить тип поведения, адекватного восприятия представителями другой культуры. Только таким образом будущие студенты могут стать полноценными участниками межкультурного диалога.

Актуальность темы исследования заключается в том, что обучение многочисленных групп студентов, различающихся по психическим характеристикам, религиозным верованиями, разницей в возрасте и среде воспитания, требует поиска таких методов обучения, которые позволили бы наиболее полно реализовать природные способности студентов, развивать их, давать им знания в области лингвистики. Главным принципом в достижении такой педагогической задачи становится проблема выбора методов обучения русскому языку как иностранному и проверка их эффективности.

Степень изученности проблемы. Русский язык становится вторым родным языком для студентов из Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки - представителей почти всех континентов мира. В связи с этим насущной проблемой для методистов является изучение и совершенствование основных методов преподавания русского языка как иностранного.

Преподавателей-языковедов волнует вопрос, как быстрее, эффективнее, разнообразнее и интереснее подать иностранным студентам учебный материал. Преподавание русского языка является не легкой задачей. Именно поэтому постоянно разрабатываются новые методы,

приемы, формы обучения русского языка как иностранного, создаются новые концепции. Над решением этих проблем активно работают ученые, преподаватели-практики учебных заведений различного профиля в России и за рубежом. Их опыт, научные и учебно-методические наработки помогают сегодня в решении актуальных вопросов, связанных с преподаванием русского языка в высших учебных заведениях РФ.

Важной предпосылкой успешного учебного процесса является выработка четких методических основ, принципов преподавания русского языка как иностранного.

Много статей посвящено именно общим вопросам методики. В частности, Л. Селиверстова проанализировала лингвистическую и психологическую основу обучения русскому языку как иностранному.

Способы овладения иностранным языком, содержание обучения обуславливают, по ее убеждению, различные направления в методике преподавания, стратегии обучения.

Обобщив методы обучения русскому языку как иностранному, Б. Сокол подробнее охарактеризовал наиболее распространенные из них – грамматико-переводной, аудио-лингвистический, коммуникативный и др. [12].

Исследование особенностей преподавания и усвоения иностранных языков позволило И. Слесаревой выявить лингво-дидактический потенциал корпусов текстов, в частности ученического, и перспективу его использования в преподавании русского языка как иностранного [11].

Общие методические подходы к формированию языковой компетенции у студентов-иностранцев раскрыты в аспекте изучения лексики и грамматики русского языка. И. Процик характеризует важнейшие приемы презентации (семантизации) нового лексического материала [10].

Метс Н. осмысливает лингвистические основы методики преподавания грамматики русского языка как иностранного, прослеживает связь различных аспектов лингвистического описания грамматических единиц и явлений русского языка с реальным процессом обучения [6].

Именно реальные условия обучения обуславливают внимание исследователей (Плотникова Г., Якунина Н.) к формированию и развитию навыков и умений в различных видах речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо). Сформулированы основные лингво-дидактические принципы обучения видам речевой деятельности, описаны важные практические моменты, акцентировано внимание на роли и функции преподавателя в учебном процессе [8], [14].

Преподавание русского языка как иностранного невозможно без учета перспективных достижений современной лингводидактики, а также потребностей времени.

Актуальны исследования Н. Федотовой [13] по использованию иллюстративных дескрипторов общеевропейских рекомендаций по языковому образованию в курсе русского языка как иностранного, работы А. Недашкивской, А. Антонова [7], И. Довгого [4], описывающих изучение русского языка на уровне современных технологий (проблемы, методы, инструментальные средства дистанционного обучения, возможности использования Интернет-технологий для изучения русского языка как иностранного).

Овладения любым языком как чужим эффективно при условии учета национально-специфических черт той или иной языковой системы на разных уровнях. Особенно ярко эти черты проявляются на уровне лексики и фразеологии.

Все эти статьи свидетельствуют большое внимание лингвистов к проблемам теории и практики преподавания русского языка как иностранного, дают толчок к продолжению научного диалога на международном уровне.

ОСНОВНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Русский язык как иностранный является одним из разделов научно-практической сферы педагогической деятельности, что занимается обучением естественным языкам – лингводидактика. Его целью есть изучение русского языка для разработки методик, методов и технологий его описания для возможности преподавания русского языка носителям иностранных языков.

Преподавание русского как иностранного отличается специалистами от преподавания русского языка как неродного. Под преподаванием русского языка как неродного подразумевается обычно преподавание языка внутри РФ, в тех регионах, где родными языками большей части населения есть другие языки, но не русский.

Предметная область русского как иностранного тесным образом связана с множеством смежных научных дисциплин, таких, как общее, прикладное, структурное и сопоставительное языкознание, психология деятельности и обучения, культурология, лингвокультурология, педагогика, этнопсихология, история Российского государства, а также всеобщая история [13, с. 82].

В целом же, овладение языком является длительным, трудоемким, а главное, индивидуальным процессом. В программу обучения русскому языку, как и другим иностранным, входит углубленное изучение фонетики, грамматики, а также лексического состава языка, но все же выработка практических навыков уступает свое место теоретическое изучение. Основным становится функциональный принцип изучения русского как иностранного. Следует научить иностранных студентов

не просто владеть основами иностранного языка, но также научить их общаться на изучаемом языке с энтузиазмом и интересом, как в рамках их профессиональной тематики, так и в различных бытовых ситуациях. Студенты должны не только понимать изучаемый язык, но и правильно построить свое сообщение в ответ, которое будет отвечать культуре собеседника [5, с. 81].

Поэтому наряду с изучением явлений языка, необходимо изучать особенности культур участников диалога, их характерные черты, сходства и различия.

Изучение культурных традиций составной частью входит в процесс обучения иностранному языку, который одновременно является обучением межличностному общению. В процессе работы на занятиях иностранные студенты должны подтверждать и отстаивать свою точку зрения, пользоваться аргументацией, научиться анализировать содержание и находить пути взаимопонимания в процессе диалога на изучаемом языке. Таким образом расширяются границы обучения, и это позволяет оптимизировать сам процесс общения между людьми [9, с. 37].

Во время обучения иностранному языку индивидуализация учебного процесса должна осуществляться на всех ступенях в том смысле, что его глубина и формы должны быть приспособлены к возможностям каждого иностранного студента. Стремление воплотить в практике принцип дифференцированного подхода к личности студента, стремление преподавателей выйти за рамки устаревшей системы образования привели к появлению новых методов обучения русскому языку с нетрадиционным содержанием [9, с. 39].

По нашему мнению, методы обучения качественно изменяют уровень знаний и повысят интерес к предмету.

Существует множество исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов относительно основных методов обучения иностранным языкам. Все они имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Нам близка мысль американского лингвиста Леонарда Блумфельда: «В процессе развития теории и практики обучения иностранным языкам осуществлялись многочисленные попытки, направленные на создание наиболее рациональных методов овладения иностранными языками. Наряду с развитием основных методических направлений обучения иностранным языкам развивались и их модификации. Модификациями одного методического направления считаются методы, которые характеризуются общими или близкими чертами основного методического направления» [1, с. 25].

Необходимо отметить, что только в результате сочетания нескольких методов мы сможем добиться успеха.

Использование определенных методов обучения русскому языку как иностранному зависит от конкретного материала - фонетического, грамматического или лексического. Обучение большого количества иностранных студентов требует от преподавателей все новых и новых подходов к организации преподавания русского языка как иностранного в высших учебных технических заведениях с целью развития речевой активности и умений практического использования русского языка с профессиональной целью [4, с. 102].

Целью общения является установление контакта, убеждения собеседника, осуществляемой в форме беседы или диалога. Именно поэтому наиболее приоритетным направлением подачи учебного материала является лексический, а уже потом - грамматический и фонетический [4, с. 102]. Несомненно, что основой такого занятия должна быть устная речь. Оно наблюдается, начиная с самых первых минут урока. По нашему мнению, изучение грамматических правил, заучивание слов является лишь средством для овладения устной речью, так как оно - лучший способ усвоения и закрепления любого материала.

Итак, первый метод обучения русскому языку как иностранному – это метод обсуждения (диалог, беседа). Иностранные студенты могут задавать и отвечать на вопросы страноведческие, общественные, бытовые темы, интересоваться грамматическими правилами русского языка. Постоянно должно быть обсуждение какого-либо понятия, проблемы, темы и т. д. Таким образом, произойдет лучше усвоения учебного материала.

Традиционная схема: объяснение преподавателя - заметки студентов - воспроизведение студентами поданного преподавателем материала традиционными методами (написание грамматических моделей, «прямое» запоминание слов и конструкций, а то и целых текстов, выполнение значительного количества письменных упражнений и т. д.) - все это не даст такой эффективности для понимания и использования русского языка как простое обсуждение, а именно:

- Вопросы студентов к преподавателю по теме занятия;
- Усвоение нового материала (лексического, грамматического или фонетического) в виде диалогов и монологов;
- Выполнение письменных заданий должно сопровождаться комментированием (например: почему именно это слово подходит в этом предложении, почему именно эта грамматическая форма, а не другая и т. д.) и исправлением ошибок [3], [4, с. 108].

По нашему мнению, не имеет смысла постоянно проверять письменные задания (это целесообразно делать только во время итогового контроля уровня знаний иностранных студентов). Большинство студентов не будут разбираться в ошибках. А комментирования

и объяснения как преподавателя, так и самих студентов сможет сразу же выявить слабые и сильные стороны в их знаниях.

Общеввропейские рекомендации по образованию отмечают, что приоритетной образовательной целью является подготовка иностранных студентов к жизни в демократическом обществе путем введения методов преподавания учебных дисциплин, которые стимулируют независимость мысли, суждения, побуждают к ответственной компетентной деятельности. В связи с этим нам представляется вполне целесообразным введение в изучении дисциплины русского языка как иностранного образовательной проектной технологии.

Итак, второй метод – метод проектирования.

С его помощью можно выполнять множество задач и эффективнее достигать успеха в изучении русского языка как иностранного.

С иностранными студентами можно работать над такими проектами:

- видео;
- экскурсия по городу (создание сценария, запись экскурсии на видео, самостоятельное озвучивание видеofilmа);
- интервью и анкетирование на различные темы, которые оформляются в виде таблиц или презентаций в PowerPoint;
- проектные работы, касающиеся непосредственно профессиональной сферы деятельности студентов [13, с. 12].

Также можно разработать проект «Книга правил русской грамматики». Иностранцы студенты изготавливают карточки, в которых создают схематическое изображение различных грамматических конструкций и правил. Затем составляют эти карточки в соответствующие конверты, которые вклеивают в специальные тетради или папки «книги правил русской грамматики».

Таким образом, по самой идее образовательной проектной технологии, роль преподавателя заключается в содействии развитию критического и творческого мышления студентов.

Третий метод – метод аудирования.

В методике преподавания иностранного языка аудирование считали пассивным видом речевой деятельности. Только благодаря исследованию американских ученых Дж. Ашера, и С. Крашен, идеи которых легли в основу популярных современных методик изучения иностранных языков (понимание - достижение - перед воспроизведением // *comprehension - before - production*), аудирование стало активным видом речевой деятельности.

Процесс формирования умений аудирования предполагает следующие три программы:

1. Аудирование при введении нового материала, когда особенно интенсивно формируются звуковые образы новых языковых элементов.

В этой программе большое внимание уделяется не только пониманию услышанного, но и осознанному восприятию фонетико-акустических особенностей этих языковых единиц.

2. Аудирование как элемент диалогической речи. Эта программа является попутной в плане формирования умений говорения и фактически обусловлена необходимостью - без аудирования не бывает общения.

3. Аудирование как специальный вид упражнений, то есть как специальная программа. Речь идет о слушании речи преподавателя или диктора, включающее как диалоги разных лиц, так и монологические единства (рассказы, чтение рассказов и т. п.).

В основе акта аудирования лежит учебно-речевая ситуация [13, с. 16].

Предметом ее является смысл аудированного текста, а коммуникативная задача выражает цель слушания. Это узловые компоненты, которые определяют общения.

Аудированию, как и любому другому речевому акту предшествует осознание и принятие потребности в нем.

Таким образом, используя метод аудирования, преподаватель не только учит студентов воспринимать речь на слух, но и развивает речь студентов.

Четвертый метод – метод ролевой игры.

Ролевая игра – это активный метод обучения, средство развития коммуникативных способностей студентов. Ролевая игра тесным образом связана с интересами иностранных студентов, это средство эмоциональной заинтересованности студентов, мотивации их учебной деятельности.

Ролевые игры выступают активным методом обучения практическому владению иностранным языком, помогая в преодолении языковых барьеров студентов, значительно повышая объем речевой практики иностранных студентов. Другими словами, это обучение в процессе дискуссии. На сегодняшний день существует много разных типов и форм ролевых игр на занятиях русского языка как иностранного [10, с. 172].

Особенно метод ролевой игры помогает при изучении новых лексических тем. Так, например, можно использовать ролевою игру «На собеседовании», где студенты берут на себя роль работодателя и работника.

ВЫВОДЫ

Как показывает опыт, нет одного идеального метода для изучения русского языка как иностранного. На практике, в процессе преподавания русского языка как иностранного объединяются и используются большинство методов. Новое видение образования имеет целью создание мотивационной среды для студентов в процессе изучения русского языка как иностранного. Поэтому, на сегодняшний день,

преподавателям нужно постоянно совершенствовать свои знания о методах обучения иностранным языкам, внедрять в свою преподавательскую практику новейшие образовательные концепции и идти в ногу со временем.

Именно использование инновационных технологий обучения иностранным языкам позволяет создать на занятии среду, помогает разбудить творческое начало студентов, развивает их мышление и формирует у них умения, необходимые для современного общества.

При этом, меняется парадигма обучения, больше внимания уделяется формированию навыков и умений самостоятельно приобретать знания в условиях исследовательской деятельности.

Применение инновационных технологий в обучении усиливает связь между предметами, способствует созданию новых интегрированных курсов и налаживанию связей межгосударственными стандартами образования.

Список литературы:

1. Блумфилд Л. Краткое руководство по практическому изучению иностранных языков // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. – Москва, 1967. – 25 с.
2. Бузальская Е.В., Любимова Н.А. Пространство эссе. Пособие по развитию творческих умений письменной речи у иностранных учащихся. – М.: Златоуст, 2014. – 100 с.
3. Бяковская Н. Ролевые ситуативные упражнения в преподавании иностранных языков. – М.: , 2014. – 160 с.
4. Довгий И. Методика урока русского языка как иностранного. – М.: ИКАР, 2015. – 226 с.
5. Капинова Е. Невербальные средства в деловом общении и обучении. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 156 с.
6. Метс Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. – М.: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2010. – 256 с.
7. Недашкивская А., Антонов А. Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин. Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2014. – 352 с.
8. Плотникова Г.Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. – М.: Либроком, 2011. – 146 с.
9. Преподавание русского языка как иностранного: теория и практика: материалы III Международного научно-методического дистанционного семинара / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Томский гос. пед. ун-т" (ТГПУ); под ред. И.В. Никиенко. - Томск: ТГПУ, 2014.

10. Процик И. Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания. – М.: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Филоматис, 2006. – 288 с.
11. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М.: Либроком, 2010. – 178 с.
12. Сокол Б. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 552 с.
13. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Златоуст, 2013. – 192 с.
14. Якунина Н. Ресурсы Интернета в обучении чтению иностранных студентов. – М.: , 2012. – 148 с.

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Юсра Акрам

*ассистент, Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

**THE PROBLEM OF TRANSLATING METAPHOR
IN AN ARTISTIC TEXT
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ARABIC
LANGUAGES)**

Yusra Akram

*Assistant, Baghdad University,
Iraq, Baghdad*

Аннотация. Метафора является одним из важнейших языковых феноменов, тесно связанных с культурой народов и ставших неотъемлемой частью наследия цивилизации. Даная статья посвящена описанию особенностей перевода метафоры с арабского языка на русский и наоборот, трудности, с которыми сталкивается переводчик, переводя метафору с одного языка на другой и рассматриваются наиболее важные обязанности переводчика метафоры.

Abstract. Metaphor is one of the most important linguistic phenomena closely connected with the culture of peoples and has become an integral part of the heritage of civilization. This article is devoted to the description of the features of metaphor translation from Arabic into Russian and vice versa, the difficulties encountered by the translator while translating a metaphor between two languages and the most important duties of the metaphor translator.

Ключевые слова: понятие метафоры; перевод; трудности перевода метафоры.

Keywords: The notion of metaphor; the types of metaphor in Russian; the types of metaphor in Arabic.

Метафора – это и лингвистическое, и литературоведческое понятие. На этом основании выделяют метафору языковую и метафору литературную. И в том, и в другом случае метафора представляет собой перенесение свойств одного предмета на другой по принципу их сходства.

Но, с точки зрения языка, метафора – это некий готовый элемент речи, с точки зрения литературы, метафора – это троп, то есть некий образ, основанный на употреблении слова в переносном значении.

Смысл метафоры как языковой единицы – образно номинировать предмет, явление, признак, смысл метафоры как тропа – усилить эмоциональную выразительность речи.

«Мы переживаем время тотального интереса к метафоре. На феномене метафоры сосредоточили своё внимание философы, логики, психологи, психолингвисты, стилисты, литературоведы, семасиологи», – пишет в своей работе Г.Н. Скляревская [2, с. 6].

Это верно, поскольку в последние годы появляется большое количество работ, посвящённых метафоре, и в России, и в среде арабских лингвистов. И большинство из них подчёркивает двойственный характер метафоры, её способность быть средством языка (языковая метафора) и поэтической фигурой (художественная метафора).

В данной статье мы рассматриваем языковую метафору, т. е. «готовый элемент лексики» [2, с. 36] в аспекте переводоведческих проблем, а именно: какие проблемы перевода метафор с русского на арабский язык являются наиболее актуальными.

Сложности перевода метафоры с одного языка на другой связаны, в первую очередь, с универсалиями и понятиями, основанными на различных представлениях о мироустройстве и мировосприятии каждой из отдельно взятых культур.

Часто метафора основана на представлениях, присущих лишь носителям данной культуры и, соответственно, не очень понятных для

носителей другой культуры. Например, перевод арабской метафоры *انتى كاقمر*

(*ты – луна*, о красивой девушке) на русский язык предполагает метафору *ты – солнце*.

Другая проблема заключается в следующем: чтобы передать смысл и содержание с максимальной точностью и с учётом особенностей собственной национальной культуры, необходимо нарушить «логику собственного языка», а переводчик оказывается не готов к этому.

Например, при переводе арабской метафоры *بالكى من غزال* (*ты как газель*) на русский язык трудно найти аналогичный символ метафоры, поэтому переводчик, как правило, опускает сравнительный компонент и ограничивается конструкциями со степенными наречиями *ты очень красивая* или с превосходной степенью прилагательного *ты самая красивая; ты красивейшая; ты красивее всех*.

Если сопоставлять русский и арабский языки в плане переводоведения, то, по нашему мнению, трудности перевода метафор с русского на арабский язык связаны с тремя группами проблем. Это:

1) специфика культурных составляющих русского и арабского языков. Примером этого могут быть русские и арабские ассоциативные метафоры.

Так, метафора *кабак* обнаруживает в сознании носителя русского языка привязанность к определённой группе ассоциаций. Сочетания *превратил дом в кабак, ты не в кабаке* и т. п. вызывают затруднения при переводе, т. к. в арабской культуре подобные ассоциации невозможны.

Кабак. В дореволюционной России – заведение для продажи и распития спиртных напитков. *Перен.* О беспорядке, безобразии, нечистоте, напоминающих обстановку кабака.

То же можно наблюдать и с переводом метафоры *балаган*, которая ассоциативно связана с несерьёзностью проводимого мероприятия.

Балаган. 1. Лёгкая постройка, использовавшаяся для временного жилья, торговли и т. п. 2. Временная постройка для театральных, цирковых и других представлений. *Перен.* Что-то нарочито несерьёзное, шутовство, кривлянье.

Многие русские метафоры построены на символах, ассоциирующихся у арабских переводчиков с иными культурными явлениями, например, для носителя арабского языка будет непонятна русская метафора *ты как крокодил* (о некрасивой девушке), поскольку символа с такой коннотацией в арабском языке нет.

Различия культурных составляющих русского и арабского языков вполне очевидны и объясняются тем, что значения многих слов или сочетаний, имеют различную коннотацию.

Для максимально точного перевода переводчик должен хорошо знать культурные особенности каждого языка, чтобы уметь передавать точную идею метафоры и подбирать метафору-эквивалент. Например, в арабском языке метафора *gazель* предполагает красоту, юность, лёгкость девушки; в русском языке ей соответствует метафора *козочка*; метафора *луна* – красоту, внешнюю привлекательность женщины; в русском языке ей соответствует метафора *солнце*.

2) особенности структуры русского и арабского языков.

То, что русский и арабский языки относятся к разным языковым группам и являются разноструктурными, создаёт дополнительные сложности при переводе метафор. Особенно это касается развёрнутых метафор, использующихся в поэтических текстах.

Возьмём, например, фрагмент произведения арабского поэта Назара Кабани:

Грустное пасмурное лицо اني احبكي عندما تبتكيئا واحب وجهي غامما وحزينا
Грусть плавит нас вместе الحزن يصهرنا معا ينسينا من حيث لاندري ولا تدرينا
Люблю эти проливные слёзы تلك الدموع الهاملات احبها واحب خلف سقوطها
تشرينا

3) особенности стилистической дифференциации текстов в русском и арабском языках. Рассмотрим каждую из них более детально.

Русский язык, в отличие от арабского, достаточно сильно стилистически дифференцирован. В результате, метафору можно обнаружить практически во всех стилях и подстилях речи, включая научный и официально-деловой стили[1].

Например, в русской медицинской терминологии активно используются сочетания типа *змеиная кожа*, *заячья губа*, *волчья пасть*, *куриная грудь*, *утиная походка*, *бычье сердце* и др., представляющие собой зооморфные метафоры; сочетания *грудь портного*, *грудь сапожника*, обозначающие особенности анатомического строения по аналогии с определённой профессией человека и представляющие собой антропоморфные метафоры.

В арабском языке стилистическая дифференциация выражена менее, поэтому перевод многих «стилистических» метафор представляет значительную сложность.

Стилистическая дифференциация текстов в русском и арабском языках обусловлена, в первую очередь, характером человеческой деятельности в областях духовной и материальной культуры.

В заключение мы можем привести основные требования, которым должен удовлетворять адекватный художественный перевод текстов, содержащих метафоры:

1. Переводчик должен донести до читателя полностью все мысли, высказанные автором. При этом должны быть сохранены основные положения, нюансы и оттенки высказывания.

2. Мысли переводчика должны быть облечены в максимально сжатую и лаконичную форму.

3. Мысль переводчика должна быть изложена простым и ясным языком, который не должен идти в ущерб ясности изложения мысли, легкости ее понимания. Следует избегать сложных и двусмысленных оборотов, затрудняющих восприятие.

4. Каждая фраза должна звучать живо и естественно, то есть перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам русского литературного языка.

Таким образом, при переводе метафор с русского языка на арабский главной задачей переводчика является, конечно, адекватность перевода, т. е. переводчик должен найти точное речевое соответствие метафоры в другом языке и, что самое главное, в другой культуре.

И это возможно сделать, несмотря на различия в структуре и культурной коннотации языков. Главное здесь – глубокое понимание символа метафоры и стремление выразить её адекватными средствами, максимально приблизив к языку-оригиналу.

Список литературы:

1. Дьяченко А.П. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине: слов.-справ. – Минск: Новое знание, 2003. – 428с.
2. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Филологический факультете. – СПбГУ, 2004. – 634 с.

3.3. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА ЧЕРЕЗ ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА

Долженков Валерий Николаевич

*канд. филол. наук, доцент,
Российский государственный социальный университет,
РФ, г. Москва*

THE MEANING OF A WORD THROUGH UNDERSTANDING THE LANGUAGE

Valeriy Dolzhenkov

*candidate of Philology, associate professor
in Russian State Social University,
Russia, Moscow*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о значении слова на основе его сопоставления с понятием. Излагаются взгляды на разность и связанность значения и понятия в языке.

Abstract. This article deals with the question of the meaning of a word on the basis of its comparison with the concept. Views on the difference and connectedness of meaning and concept in language are expounded.

Ключевые слова: значение; понятие; слово; язык; знак; мышление.

Keywords: meaning; concept; word; language; sign; thinking.

В современной лингвистике существуют три основных направления в рассмотрении вопроса о значении слова. Каждое из них представлено как в российском, так и зарубежном языкознании.

Первое направление продолжает традиционную трактовку значения слова и пытается раскрыть природу значения на основе его неперемного сопоставления с понятием.

До В. Гумбольдта господствовало понимание языка как технического инструмента мысли, значение приравнивалось к понятию. В. Гумбольдт первый высказал мысль об активной роли языка по

отношению к мысли. Его утверждения, что «язык есть орудие образования мысли» и что «без языка невозможно образование понятий» [1, с. 68], а также высказывания о внутренней форме как способе соединения понятия со звуком, хотя и не точные, и не совсем ясные, послужили основой для рассмотрения значения как активного, преобразующего средства выражения понятия. Эти же тенденции прослеживаются в работах ученых и в наши дни.

Значение приравнивается в настоящее время большей частью не к логическому, так называемому научному, понятию, а к тривиальному, обычному, повседневному. Часто не все значение, а часть его, логикопонятийное, или концептуальное ядро, считается носителем, выразителем понятия, но кроме этого выделяются другие элементы значения, которые носят непонятный характер. Значение слова оказывается состоящим из гетерогенных предметных, логических, психологических и языковых элементов.

Сопоставление значения и понятия приводит других ученых к выводу, что значение и понятие — разные, хотя и связанные друг с другом, факты мышления. Их несовпадение объясняют тем, что значение выражает не понятие, а представление или особую единицу мышления. В зарубежной лингвистике, особенно немецкой, часто пишут в этой связи о мыслительно-понятийной величине, утверждая, что в сущности неважно, чем она является — понятием, представлением и т. п. [6, с. 63].

Несмотря на значительные расхождения в выводах о «понятийности» значения, семасиологов первого направления объединяет то, что они видят единственную возможность понять природу значения путем его сравнения с понятием и понимают эту природу как некое мыслительное содержание языковой формы. Какие бы компромиссные решения ни принимались по поводу того, куда же причислить значение слова: к языку или не к языку, логичным в этой концепции может быть одно — признание неязыкового характера значения и вынесение его исследования за пределы языкознания. Обоснованность только такого заключения в пределах данной теории совершенно очевидна, но очевидно и другое: логика исследования, доведенная до конца, показывает несостоятельность исходной предпосылки, ищущей ключ к значению в среде понятий и представлений. Обнаружение в семантике слова логико-понятийных элементов становится в этой теории достаточным основанием для расширения соотношения между означающими и означаемыми до полного соответствия составляемого и составляющих и, далее, формы и содержания без всяких ограничений.

Слово действительно может служить для выражения понятий, но понятие не должно только на этом основании считаться содержанием,

наполнением языковой формы. Этим не только уничтожается языковая природа значения, но и искажается природа понятия. Оно оказывается связанным языковой средой и подчиненным языковым закономерностям, так как его форма считается не мыслительной, а принадлежащей языку. Более того, в рамках этой теории понятие, благодаря языковой форме становится не понятием, а переработанной единицей мышления или же заменяется совершенно новыми единицами мышления, которые воплощаются в языковой форме. Короче говоря, понятие в форме значения приобретает такие свойства, что оно выходит из области мышления, а значение, наполненное понятием, не может оставаться в области языка. Таким образом, логика рассуждения не позволяет утверждать без оговорок, что значение есть форма понятия, а понятие — содержание значения.

Анализ конкретного языкового материала, проводимый с позиции этой концепции, также опровергает ее теоретические предпосылки. Мы позволим себе не приводить общеизвестных примеров несоответствия понятий значениям и значений понятиям.

Отвергая положение, что значение — это языковая форма понятия или какого-либо иного мыслительного содержания, мы не отрицаем того очевидного факта, что словом может быть выражено понятие и объединение понятий [4, с. 16]. Это соответствует тому, что в речи язык становится формой выражения мышления, а, следовательно, и формой выражения понятий.

Но понятие не связано от природы со словом, хотя слова и помогают его формированию, его материальному закреплению через язык. Наше языковое общение также раскрывает значения, которые прямо не указаны в словах, используемых нами [3, с. 82].

Второе направление, сознательно порвавшее с традиционным подходом к значению с позиции мышления, лишает значение слова свойства быть содержанием этого слова. Это направление опирается на знаковую теорию языка и определяет значение как отношение слова-знака к другим компонентам процесса семиозиса.

С позиции семиотики значение или содержание знака не субстанционально, а функционально. Оно заключается в том, что через значение знак соотносит одних участников семиозиса с другими участниками, которые становятся в этом процессе денотатами или десигнатами. Ч. Моррис писал, что было бы лучше исключить термин значение (meaning) из семантического анализа, но из-за того, что он имеет большую историю, его приходится интерпретировать в терминах семиотики, и здесь значение сводится к правилам употребления знака в процессе семиозиса [7, с. 47]. Эти правила носят синтаксический, семантический и прагматический характер. У знака выделяются такие

же значения, соотносящие его соответственно с другими знаками, с предметами и с людьми. Чтобы знак получил полную характеристику, нужно установить все три вида отношений.

Согласно этой теории значение слова, приравниваемого к знаку, распадается также на три указанные выше значения и должно изучаться путем установления трех видов правил его употребления. При этом часто значение слова сводится только к семантическому значению знака и определяется, если обобщить множество формулировок, как отношение знака к обозначаемому. Под обозначаемым понимается предмет (денотат) или класс предметов (экстенционал) и их характеристики, вырабатывающиеся в процессе семиозиса (десигнат, интенционал). Ни тот, ни другой компонент обозначаемого не включается в знак.

Природа денотата не вызывает разногласий: это объект, к которому знак отсылает, на который он указывает, направляет мысли или действия организма [2, с. 59]. Сложнее обстоит дело с определением природы десигната и интенционала. Авторы этих терминов (Ч. Моррис и Р. Карнап) видят в них понятия семиотики и формальной логики и не сравнивают десигнат или интенционал с понятиями традиционной логики. Российские ученые продолжают и в знаковой теории придерживаться того мнения, что значение слова — это отношение знака к мысли, звучания к продуктам сознания, соотносительность фонической формы с определенным понятийным содержанием [5, с. 62] и, более того, значение определяется даже как зафиксированное в звучании отражение предмета, то есть опять совсем так, как это делается в традиционной семасиологии.

Далее необходимо отметить, что поскольку обозначаемое не принадлежит знаку, то в семиотике для значения неважна его природа и центральным становится только отношение. Но и в формальной логике, и в семантике, и в лингвистике все внимание при анализе знаков естественного языка уделяется именно обозначаемому, а не самому отношению. Поэтому семантическое значение, то есть правила связи знака с тем, что он обозначает, совершенно не выяснено, кроме давно известных положений о многозначности и синонимии, если их можно считать правилами соотношения знака с денотатом.

С нашей точки зрения, это происходит потому, что в семиотике имеет место подмена субстанционального понятия значения функциональным понятием отношения. С точки зрения знаковой теории основным для знака является его функция в процессе семиозиса. Знаковая теория не интересуется самим знаком (например, из чего он состоит или сделан, его вещественной стороной), а в естественном языке значение образует наряду со звучанием языковой знак, его субстанцию; следовательно, значение знака естественного языка

не может быть предметом семиотики, так же, как и анализ его звучания. Семиотика берет языковой знак, как и любой другой знак так, как он уже есть, и изучает его функции, отношения, его роль в семиозисе. Однако языковой знак только отчасти исчерпывается таким изучением. Он тем и отличается от других знаков, что требует внимания к себе, к своему значению, к тому, что в нем содержится и на основании чего он выполняет свою функцию знака. Теория отношений оказывается для него недостаточной.

Список литературы:

1. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., Прогресс, 1984. 398 с.
2. Ветров А.А. Предмет семиотики. – Вестник филологии, № 3, 1975. 233 с.
3. Долженков В.Н. Роль пресуппозиции при словесном обозначении оценки речевого поведения в диалоге // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44). Ч. 2. С. 81-83.
4. Звегинцев В.А. Вступительная статья к переводу книги А. Шаффа. Введение в семантику. – М., 1963. 216 с.
5. Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. – М., 1966. 115 с.
6. Nehring A. Sprachzeichen und Sprechakle. Heidelberg, 1973, S. 63
7. Morris Ch.W. Foundations of the Theory of Signs, International Encyclopedia of United Science, vol. 1, No. 2, Chicago, 1968, p.47.

3.4. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ЭКОЛИНГВИСТИКИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Джурабаева Замира Ахмедовна
старший преподаватель
Андижанский государственный университет,
Узбекистан, г. Анджиян

SOME CONSIDERATIONS ON ECOLOGICALISM OF UZBEK LANGUAGE

Zamira Dzhubabaeva
senior lecturer
Andijan State University,
Uzbekistan, Andijian

Аннотация. В статье излагаются вопросы эко лингвистики, роль эко лингвистики в узбекском языкознании. Анализируется эколингвистические термины, рассматривается язык в аспекте взаимодействия. Эко лингвистика рассматривается как взаимодействие между языками, а также, языками и их «окружением», то есть обществом, в котором они применяются.

Abstract. The article describes the issues of eco linguistics, the role of eco linguistics in Uzbek linguistics. Analyzed eco linguistics terms, deals with the language aspect of the interaction. Eco linguistics is seen as the interaction between languages, as well as languages and their "environment", that is, the society in which they are used.

Ключевые слова: эко лингвистика; экосистема; эйдекология; экологическая опасность; экологическая трудность; экологическая непригодность; экологическая красочность.

Keywords: eco linguistics; ecosystem; idenology; environmental hazard; environmental problem; environmental unsuitability; environmental brilliance.

В XXI веке человечество поступило в новую эру своего прогресса. Баланс, который продолжался тысячи лет между природой и обществом полностью сошёл с рейса. Безалаберное злоупотребление натуральными богатствами, урбанизация, гонка вооружения, потребность на пищу оказывало серьёзное влияние на мировую фауну и флору. Существенно уменьшились биологические разнообразности. Целиком изменились условия климата, воды, атмосферы.

Одностороннее влияние человечества на природу как и на все остальные предметы показало своё отражение и на лингвистике. Возникло в лингвистике такое направление – эколлингвистика на ряду с такими, как психоллингвистика, ареальная лингвистика, математическая лингвистика, менталингвистика, когнитивная лингвистика, социоллингвистика, компьютерная лингвистика [1].

Американский языковед Эйнар Ингвальд Хауген в 1972 году в Стенфорде опубликовал свою книгу под названием “The Ekology of Language”. Это произведение было фундаментом для эколлингвистики.

По мнению Э. Хаугена: “Язык не явление, которое действует иначе, а непрерывный процесс, который существует как коммуникативное средство”[2]. Эти рассуждения учёного полностью не охватывают взгляды о языке. В них особенно утверждаются два аспекта языка: а) средство коммуникации и б) непрерывный процесс. На самом деле, язык и лингвистика отражают в себе даже элементарные стороны всех изменений, которые происходят в них и в обществе, не смотря на каких они направлениях: политические, экономические, социальные, бытовые, естественные, искусственные и считаются своеобразным отражением мира. В этом смысле, надо считать законным положением эколлингвистику и экологические взгляды, которые возникли вместе с противоречием между природой и человечеством.

В свою очередь, эколлингвистика разделилась на два направления. Одно из них называется экологической лингвистикой (эколлингвистика) и изучает экологические термины, семантические поля связанные с экологией, тенденции их возникновения, и их исследовательские методы. Э. Хауген, У. Маккей, А. Филль, П. Финке, А. П. Сквородников, В.П. Григорьева, С. И. Виноградова, В.В. Колесова, Ю.Н. Караулов, В.К. Журавлев, В.Г. Костамаровы проводили исследования в этом направлении [3].

Сама эколингвистика разделилась на макроэколингвистику, которая изучает такие вопросы, как глоттоназия, геноцид языка, разногласия между языками, политика языка, за планирование языков и микролингвистику, которая исследует материалы языка и речи в психолингвистических, антропологических аспектах [4].

Второе направление называется экология языка. Вопросами экологии языка существенно занимались такие исследователи, как М. Холлидей, В. Трампе, И. Шторк, М. Дёринг, П. Мюльхойслер.

Исследования последних годов по экологии показывают, что эта наука не ограничивается только с приспособлением экологических знаний к социологическим знаниям... По словам М.А. Ковязиной: “В современной науке понятие “экология” трактуется относительно обширно. В настоящее время экология превратилась в одну из комплексных наук, которая включает в себе много разделов и направлений. Среди них минимум тридцать не относятся к биологии” [2]. В результате, к началу XXI века экология приобрела интегративный характер. Она перемешивалась с естественными (физической, химической, геологической), техническими (горная промышленность, строение), социальными (экономика, юриспруденция, лингвистика) и другими науками, разделилась на десятки направлений и включает в себе около 12-14 тысяч терминов и понятий.

В науке возникли и быстро развивались такие предметы, как *экология популяции, экология экосистемы, эволюционная экология, экология сельской хозяйственности, радиационная экология, космическая экология, экология биосферы, физиологическая экология, эмбриологическая экология, анатомическая экология, химическая экология, биохимическая экология, макроэкология, глобальная экология, социальная экология, психоэкология, военная экология*. Каждое из перечисленных направлений охватывает тысячи понятий, и в каждой из них действует своеобразная терминологическая система.

Например, в микросистеме, связанной с химической экологией, активно употребляются лексемы такие, как *вещество, отход, окружность, газ, дым, пыль, запах, сточный, вонючий, загрязнение, технология, биофильтр, пестицид, автоматика*. Также, естественно, что связанные стороны экологии с водой, воздухом, землей и человеком дают нам много информации о языке. Эти слова должны глубоко анализироваться не только в сфере экологии, но и в лингвистике. Только таким способом можно выяснить все их особенности.

Давайте рассмотрим сочетания терминов, которые образовывались с участием лексемы экология: *эколог специалист, экологическое знание, экологический уголок, экологическая ситуация, экологическая*

депрессия, экологическое соглашение, экологический кризис, экологический дефицит, экологические наблюдения, экологическая культура, экологическая проблема, экологическое равновесие, экологическая среда, экологическая контрольная система, экологический белок, экологические факторы, экологическая пирамида, экологическое обучение, экологическая чистота, экологическое объединение, экологические изменения, экологическая трагедия, экологическая безопасность, экологическое положение, экологическое условие, экологические объекты, правила экономической пирамиды, экологическая политика, экологические системы, компоненты экосистемы, экосистематическая уровень, система экосистемы, возникновение экосистемы, высший ярус экосистемы, экосистема.

В каждой из них скрывается сложное отношение человека к природе, и все они имеют своеобразные объяснения. Например: *правила экологической пирамиды* – прогрессивное уменьшение веществ и энергий в уровнях пищи, *экологирование* – внедрение экологических идей и проблем во все науки и области производства, *экологическая проблема* – связанная с влиянием человека на природу и обратное влияние природы на человека, то есть, хозяйственно важные процессы в его экономике, жизни, всякое событие, связанное с явлением природы (стихийные жертвы, изменение климата, массовые переходы зверей и т.д.); *экологический кризис* – биосфера – приводящий к новым качествам изменений или изменений его из больших частей; *экологическое общество* – разные популяции, которые живут в одном ареале и т.д.

Можно наблюдать негативную красочность в таких лексемах, как экологическая беда, экологическая опасность, экологическая трудность, экологическая непригодность, экологическая красочность.

Заключает в себе более ста терминов **аутэкология** – изучающая взаимное отношение некоторых видов с окружающим их средой, **специальная экология** – включающая в себя экологию растений и зверей, **синэкология** – занимающаяся изучением структуры разных систем (популяции, коллективов и экосистем), свойства и их функциональные принципы, **демэкология** – исследующая условие возникновения популяций, которые образуют представители вида, внутренние структуры их групп, количество и качество, отношение между собой и средой, *эйдэкология* – занимающаяся изучением видов как высокого уровня, так и организующая живую природу и биологические микросистемы.

Как известно, самая великая личность среди живых организмов – это человек. Всем известно, что в его жизни одним из значительных

явлений считается язык. Язык как род сложных отношений между людьми, и в то же время, очень противоречивый, имеет свое особое место не только в лингвистике, но и в экологии.

Поэтому, проведение лингвистических исследований в словах, связанных с экологией, помогает нам исследовать нераскрытые стороны этой науки.

Следовательно, набор слов, употребляющихся в экологической науке, их классификация и определение лингвистических особенностей превращается задачей, стоящей в одном ряду с экологами и лингвистами, которую нельзя откладывать.

Список литературы:

1. Полутухин А.А. Современное языкознание и экологическое мышление // *Опыты – 2008: Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии: научное издание / Сост. Н.М.Димитрова. - СПб.: РИО ГПА, 2009. – с. 65-73.*
2. Haugen E. *The Ekology of Language* // Haugen E. *The Ekology of Language: essays by Einar Haugen / Selected and Introduced by Anvar S.Dil.* Stanford, Californiya: Stanford University Press, 1972.
3. Полутухин А.А. Современное экологическое мышление // *Опыты – 2008: Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии: научное издание / Сост. Н.М. Димитрова. - СПб.: РИО ГПА, 2009. – с. 65-73.*
4. Кислицына Н.Н. Эколингвистика – новое направление в языкознании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.crimea.edu/tmi/cultute/37/patt/zip/rislitsina.zip. (Дата обращения: 14.03.2018).

ВОПРОСЫ ДЕФИНИЦИИ АБСТРАКТНЫХ СЛОВ ОТ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Хакимова Мухайё Каримовна

*доцент университета узбекского языка
и литературы имени Алишера Навои,
Узбекистан, г. Ташкент*

Аннотация. Известно, что абстрактные имена считаются очень сложными семантическими единицами и их выделение, определение своеобразных свойств сложно. Особенно, по причине того, что различение абстрактных слов от параллельных явлений представляется трудным, много встречается смешиваний этих явлений. В этой статье

раскрыты различающие своеобразные свойства абстрактных имен от конкретных существительных. Анализировались отличающие свойства абстрактных имен с параллельными явлениями такими, как слова с широким значением, отвлеченные существительные, имена ирреальных понятий, исследовались их границы.

Abstract. It is known that abstract names are considered to be very complex semantic units and their selection, the definition of peculiar properties is difficult. Especially, for the reason that the distinction between abstract words, parallel events is difficult, mixing of these phenomena are encountered. This article reveals the distinctive properties of abstract names from specific nouns. This article analyzes the distinguishing properties of abstract names with parallel phenomena such as wide meaning words, names of unreal concepts, investigated their boundaries.

Ключевые слова: абстракция; степень абстракции; слова с широким значением; имена ирреальных понятий; отвлеченность.

Keywords: abstraction; degree of abstraction; words with broad meaning; names of unreal concepts; abstractness.

Если в языке есть слова, выражающие абстрактные понятия, то среди них бывает противоречие с единицами, которые именуются неабстрактными понятиями, и это противоречие отражает в себе философскую антиномию абстрактность/конкретность [14].

Со стороны лингвистов было множество попыток для решения проблемы абстрактность/конкретность в лексическом аспекте, которые продолжают до сих пор. Но нет солидарного мнения в отношении определенного ограничения и о факторах ограничивающих абстрактной и конкретной лексики. В существовании различных заключений в исследовании абстрактных слов указываются основные причины того, что объект исследования имеет сложный онтологический характер [1], [11] и хорошо не разработаны факторы исследования [7].

Исследователи ещё не пришли к единому соглашению по поводу того, что допустимо или недопустимо разделять абстрактную лексику. Идейный разброд приобретает нижеследующий вид:

1. Некоторые лингвисты утверждают, что можно правильно и точно разделить абстрактную и конкретную лексику, поскольку ясно виднеются между ними различия [12].

2. Некоторые считают, что такое ограничивание сложно и невозможно, и утверждают, что это осложняет ограничивание сложной семантики абстрактных слов [15], такое категорическое разграничивание приведет к обширному, многогранному значению признака в узкой рациональной рамке значений [13].

3. По мнению третьей группы исследователей оказывается, что среди абстрактных и конкретных слов имеется промежуточная, переходная зона друг к другу, и в этом среди абстрактных и конкретных наименований имеется несколько слов, которые находятся в разных уровнях конкретности [12].

По-нашему мнению, на ряду с вышеуказанными факторами, неоднородность состава абстрактных имен, то есть разновидность уровней абстракции слов в составе элементов этой группы, не даёт категорическое разграничивание абстрактных и конкретных имен друг с другом. Поскольку, обладание низким уровнем абстракции приближает имена к конкретности и приводит к противоречию с именами, которые относятся к высшему уровню абстракции. Такое положение усложняет постановку точной границы между абстрактными и конкретными именами.

К таким параллельным явлениям, приводящим к усложненности в разграничении абстрактных имен, относятся слова с широкой семантикой, отвлеченные имена, имена ирреальных понятий.

Разделять абстрактную и конкретную лексику широкозначных слов таких, как вещество, вещь, элемент, явление, предмет – в языкознании является одним из спорных вопросов. Языковеды В.Г. Гак, Б.Д. Джоламановы относят широкозначные слова к ряду абстрактных имен. Даже, В.Г. Гак оценивает абстрактные слова как широкозначные, а конкретные слова как узко значными [2].

Русские языковеды С.Ю. Павлина [6], М.В. Никитин [5] считают широкозначные слова слогом среди абстрактных и конкретных слов.

А.А. Уфимцева оценивает широкозначные слова как “абстрактно-конкретные слова” [10]. По мнению Л.А. Савельева, который вел исследование по материалам английского языка, считается, что не может быть промежуточного положения между абстрактными и конкретными словами. Учёный выдвигает идеи о том, что некоторые из широкозначных слов относятся к конкретной, а некоторые относятся в абстрактной лексику [8, с. 5-6].

Языковеды, которые считают широкозначные слова абстрактной лексикой, основываются на единстве их значения и не данности именуемой сущности в непосредственном наблюдении. Нужно подчеркнуть, что широкозначные слова имеют очень большую общность и поэтому называют сущности разных родов. Например, слово «предмет» объединяет все субстанции, которые может иметь определенную форму в природе. Или же, слово *вещь* можно употреблять на всякую сущность. Завладение большую общность широкозначных слов не может быть причиной оценивания их как абстракт. Ибо, общность,

а именно абстракция свойственна конкретной лексике, и абстрактной лексике, и даже целой системе языка.

На этом месте надо остановиться на толковании понятия абстракции. Абстракция – это мысленно слагать из внимания не такие уж важные стороны, свойства, отношения для того, чтобы отделять важные признаки предмета или явления [4]. Есть несколько видов абстракции, и противоречие абстрактных и конкретных слов было основой результата обобщенной и отделяющей (изолированной) абстракции. Под обобщенной абстракцией понимается удаление от несущих, различных свойств предмета и в то же время, различение аналогичных, одинаковых, обобщенных свойств.

В результате этой абстракции формируется понятие, и в свою очередь, оно найдет свое отражение в конкретной лексике. Например, мы в течение жизни видели более ста видов деревьев, миллионы его форм. Но мы не можем все сохранить в сознании. Не важны признаки деревьев, которые мы видели, они слагаемы из внимания, и важны признаки, которые общие для всех, различающие их от цветка, кустарника, они отражаются в нашем сознании, сохраняются. Итак, в понятии “дерево” обобщаются самые обобщенные признаки всех деревьев действительности. Результаты таких обобщенных абстракций именуют слова, которые входят в конкретную лексику.

Изоляционная или аналитическая абстракция – это процесс разделения определенных свойств и отношений от предмета или от других свойств. В результате такого вида абстракции возникают “абстрактные предметы” такие, как *красота, нелюбезность*. Даже если в этой абстракции есть обобщение, различная сторона состоит в том, что отделенные качества и отношения мысленно предметизируются, осознаются от материального носителя (хозяин) как отдельный предмет [3]. Свойства, отношения, положения, которые осознались в качестве отдельного предмета, отдаленного от своего объекта, именуют абстрактные слова такие, как *радость, счастье, любовь, ненависть*. Например, *благодетель* является качеством человека, в этом наименовании свойство отделилось от объекта, то есть, от человека. Свойство, которое не существует в реальном мире отдельно от человека, в понятии *благодетель*, называющее наименование, обобщено как особая субстанция, отдельное от человека.

Как стало известно из вышеизложенного, обобщенность не может быть различающим признаком оппозиции абстрактность/конкретность и не может быть основанием на внесение широкозначных слов в ряд абстрактных слов.

Не наименование широкозначных слов определенных классов предметов, не существование определенного образа, именующей сущности в сознании человека или весьма мутно приближает их к абстрактности.

А свойства широкозначных слов, которые проявляются в синтагматических отношениях, отдаляют их от абстрактности. Например, как *состав матери, передняя сторона предмета, голос вещи*. Известно, что абстрактные слова не могут образовать такие связи. Такие связи, как *состав счастья, передняя сторона удачи, голос ненависти* - считаются нелогичными.

Имея в виду дифференциальные признаки широкозначных слов с именем интегральных признаков по отношению к абстрактным словам, мы не можем внести их в состав абстрактной лексики. Но у них есть и отличающие стороны от конкретных слов, и такое положение показывает, что в узбекском языкознании имеется большая потребность на научные работы, посвященные на исследование широкозначных слов.

В ограничении абстрактных имен таких, как *злой дух, бес, див, пери* сталкиваемся с нереальными именами объектов. В языкознании встречаются такие положения, как внесение подобных слов в абстрактную и конкретную лексику. По-нашему мнению, такие слова хотя и именуют нереальные сущности, у этих слов есть инвариантный образ в сознании человека. А абстрактные слова не могут образовывать инвариантный образ в сознании носителей языка. То есть, слово “бабаяга” не имеет в себе сущность, в сознании всех носителей узбекского языка имеется образ “растрёпанные волосы, сгорбленная, длинноногая и изогнутая, с веником”. Такой инвариантный образ не встречается ни в одном абстрактном слове. Если подходим ближе к вопросу, можно нарисовать картину: имеется ли сущность, которая именуется ирреальные имена или нет. Но невозможно нарисовать картину сущностей, которые именуют абстрактные слова. Например, можно нарисовать рисунок духа или дива, но невозможно нарисовать рисунок радости или печали. Абстрактные слова, сочетающие продукт процесса сознания и нравственных качеств человека, неповторимость сознательного и духовного мира человека, обеспечивают огромный вариантный аспект в отличие от инвариантного аспекта абстрактных слов. Например, в значении у слова «честность» может быть несколько вариантов: «честность – жить за свой счет, который сам заработал», «честность – жить подобно религиозным убеждениям», «честность – чисто, то есть жить, соблюдая гигиену».

Одно из проблемных явлений в определении абстрактных имен – это отвлеченные слова. Не уместно оценивать абстрактным именем

всех отвлеченных слов, которые наименуют отношения, признаков отделенных от своего объекта.

Например, в узбекском языке аффикс -лик образует отвлеченные (от своего объекта) слова: *дружба (дўстлик) «от человека», невоспитанность (одобсизлик) «от человека», зеленый (яшиллик) «от листа», жара (иссиқлик) «от огня», холодность (совуқлик) «от льда», мягкость (юмшоқлик) «от хлопка», горечь (аччиқлик) «от перца», пригодность (яроқшлик) «от предмета», действительность (ҳақиқийлик) «от рисунка», ароматность (хушбўйлик) «от цветка» и т. д.*

Обосновывая то, что абстрактные слова наименуют сущности, которые осознаются через умственное познание, имеющее гносеологический характер, мы внесем в эту группу из вышеизложенных слов только осознающие через разум такие, как *дружба, невоспитанность, пригодность и действительность.*

Даже если слово "зелёный" отделено от листа, мы его чувствуем через видение, а жару, холодность или мягкость через кожу, горечь через вкус, ароматность через нюхание, шум через слух. Такие слова как именующие сущности, которые можно чувствовать через эмпирическое познание, не входят в состав абстрактной лексики. Итак, всякая единица, которая образовалась через аффикс -лик не сможет быть абстрактным словом.

Резюмируя, можно сказать, что абстрактные слова трудно ограничивать от параллельных явлений и даже невозможно. Но имена ирреальных предметов, в которых явно видны различные стороны, отвлеченных слов, которые можно чувствовать через нюхание не входят в ряд абстрактных слов. Широкозначные слова, имеющие и различные, и аналогичные признаки, даже если не входят в состав абстрактной лексики, могут найти место среди абстрактного поля.

Список литературы:

1. Башкуева М.Н. Структурно-семантические особенности группы существительных в современном английском тексте. Дис. ... канд. филол. наук. – М, 2002. – С. 31.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М.: Международные отношения, 1977. – С.76.
3. Горский Д.П. Вопросы абстракции и образования понятий. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С.24-25.
4. Кемеров В. Философская энциклопедия. - "Панпринт", 1998 г. – С.21.
5. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – Москва "Высшая школа" 1988. – С. 25.

6. Павлина С.Ю. Переходные зоны в области функционирования абстрактных и конкретных существительных. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. – С.3-4.
7. Розина Р.И. К противопоставлению абстрактного и конкретного в языке // Вопросы информационной теории и практики. – 1983. – №48. – С. 215-223. Савельев 21-БЕТ
8. Савельев Л.А. Субкатегоризация абстрактных существительных в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1985. – 177 с.
9. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. – С. 128-130.
10. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. - 101 с.
11. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. - С.101.
12. Чердниченко О.М. Квазиабстрактные имена: позиционные условия плюрализация и прагматические характеристики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002.
13. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 1997. – С.103.
14. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. - Москва 1997. – С.25.
15. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – С.5.

3.4. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ)

О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Фомин Эдуард Валентинович

*канд. филол. наук, доцент,
Чувашский государственный институт культуры и искусств,
РФ, г. Чебоксары*

ABOUT THE PROJECT OF THE DICTIONARY OF THE VOLGA AND URAL LANGUAGES

Eduard Fomin,

*candidate of Philology,
assistant professor of humanities and social-economic disciplines
of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Russia, Cheboksary*

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы создания словаря языков народов Поволжья и Урала, включающий чувашский, татарский, башкирский, марийский, мордовские, удмуртский, коми, коми-пермяцкий и калмыцкий языки. Словарь предполагается многофункциональным: он одновременно может использоваться в качестве переводного и в целях сравнительно-сопоставительного и контактологического исследования.

Abstract. The problems of creation of the dictionary of languages of the peoples from Volga and the Urals, including Chuvash, Tatar, Bashkir, Mari, Mordovian, Udmurt, Komi, Komi-Permyak and Kalmyk languages are considered. The dictionary is supposed to be multifunctional: it can simultaneously be used as a translation and for comparative-relative and contact research.

Ключевые слова: переводной словарь; лексикография; контактология; языки народов Поволжья и Урала.

Keywords: translation dictionary; lexicography; contactology; languages of the peoples of the Volga and the Urals.

Настоящая работа инициирует создание словаря языков народов Поволжья и Урала: тюркских (чувашского, татарского, башкирского), финно-угорских (марийского, мокша-мордовского, эрзя-мордовского, удмуртского, коми, коми-пермяцкого) и монгольских (калмыцкого). Входным языком предполагается русский. Таким образом, словарь должен включить в себя материал 11 языков.

Состав словаря во многом диктуется объективными факторами, приведшими к формированию Волго-Камского языкового союза. Коми, коми-пермяцкий и калмыцкий языки не входят в названный союз, однако их включение в словарь не вызывает сомнений. Так, удмуртский язык, язык Волго-Камского союза, находится в близких родственных связях с коми языками; калмыцкий вплоть до XIX в. находился во взаимосвязях с тюркскими языками народов Поволжья.

Цель словаря – помощь лингвистам в проведении сравнительно-сопоставительных и контактологических исследований. Ко всему прочему данный тип словарей можно использовать и в качестве переводных, тем более, что до сих пор отсутствуют современные двуязычные словари типа чувашско-башкирского, татарско-мордовских и т. п.

Вид словаря – электронный, что, однако, не исключает возможность и традиционной книжной подачи материала. Электронный вариант более пластичен и позволит легко комбинировать языки в разного рода переводные словари, например: марийско-эрзянский, мокшанско-коми, башкирско-калмыцкий и др. Данный подход значительно улучшит лексикографическую практику частных лингвистик народов Уралоповолжского региона. Более того, добавление новых языков позволиткратно увеличить количество их комбинаций.

В истории народов Урало-Поволжья известен период, когда было подготовлено немало рукописных многоязычных словарей, например: русско-татарско-марийско-чувашский словарь Г.Ф. Миллера (1733–1743), русско-татарско-чувашско-мордовский словарь на основе анкет В.Н. Татищева (1737–1738), русско-чувашско-марийско-мордовский словарь (1737–1738), «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы, черемис...» (1785), «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей Особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки» (1787, 1789) (см.: 3).

Названные словари служили научным целям, в частности, установлению генеалогической классификации языков. В дальнейшем словари обрели черты современных двуязычных изданий, одним из

непременных компонентов которых является русский. В настоящее время подобные словари превалируют над всеми остальными. Словари с тремя-четырьмя компонентами – исключение, например: «Русско-удмуртско-татарский словарь» [2], «Русско-чувашско-английский словарь» [6], «Чёлхетерминёсенчавашла-вырәсла-нимёсле-акәлчанласловарё» [1].

Объем словника – около пяти тысяч слов, включающий корневую и высокочастотную лексику, а также все слова из списка Сводеша в 200 слов (по сути настоящий список лучше повторить в приложении). Входной язык – русский, выступающий в метазыковой функции.

Пример исходной структуры словарной статьи:

родной *прил.*

ч. таван

т. туган

б. туған

м. шочмо

эм. корьмань, раськень, тиринь, родной

мм. эсь, фкяверонь, родной

у. вордскем

кз. чужан

кп. чужан

к. терсн

Лемма может сопровождаться толкованием или грамматическими ссылками, необходимыми для идентификации слова.

Переводная часть словаря предваряется названием языка, сокращенного до первой буквы: ч. – чувашский, т. – татарский, б. – башкирский, м. – марийский, эм. – эрзя-мордовский, мм. – мокша-мордовский, у. – удмуртский, кз. – коми-зырянский, кп. – коми-пермяцкий, к. – калмыцкий. Материал каждого языка будет даваться в оригинальном написании согласно правилам национальной орфографии.

В словаре языков Поволжья и Урала неизбежно возникает проблема аутентичного чтения разноязычного материала. Для решения настоящей проблемы предлагается использовать транскрипцию. Возможно, для данного словаря следует разработать новые правила. Впрочем, допустимо использование и национальных транскрипций при условии их приведения в инструктивной части предисловия.

Словарь следует сделать полным, дающим максимальную информацию о фонетике, лексических вариантах и диалектизмах, морфемной структуре, грамматических параметрах слова, деривационном потенциале, этимологии (при наличии). В этом случае возрастает ценность словаря, он так или иначе сможет заменить множество промежуточных источников, к которым следовало бы обратиться лингвисту в ходе исследований. В виду этого, в основу национальных

составляющих должны быть положены академические словари, получившие признание в научной среде.

Примеры чувашской части многоязычного словаря Урало-Поволжья (статьи составлены с использованием материала чувашско-русского словаря [5] и этимологического словаря чувашского языка М.Р. Федотова [4]):

ГРЕТЬ ч. *ăšăt* [ăšăt] < *ăšă* тепло + *-t* афф. понуд. ф. 1. Греть, подогревать, разогревать, делать теплым; утеплять, отеплять. 2. Теплеть. 3. Согревать, утешать, ободраить (перен.).

КРАСНЫЙ ч. *xĕrlĕ* [x'ĕr'l'ĕ]. 1. Краснота, красный, алый цвет || красный, алый. 2. Румянец || румяный. 3. Рыжий. 4. Спелый. 5. Яркий, солнечный. 6. Хороший, красивый, прекрасный. > *xĕret* (*xĕrlĕ* + *-let*) 1. Окрашивать в красный цвет, покрывать красной краской. 2. Вгонять в краску; приводить в смущение (перен.).

ОНИ ч. *vĕsem* [v'ĕz'ĕm'], в. *văsam* [văzám], н. *усем* [uz'ĕm']. < *văl* он + *-sem* афф. мн. ч.

ОДИН ч. *pĕrre* [p'ĕr':ĕ] 1. Единица (при абстр. счете, в качестве подл. и доп.). 2. Раз, один раз, однажды (в качестве обст.). 3. Ничуть, нисколько, совсем (с частицей *те*: *pĕrre te*). 4. То..., то... (со словом *тепре* употр. в знач. разд. союза); *pĕr* [p'ĕr'] 1. Один (при конкр. счете, в качестве опр.). 2. Один и тот же, единый. 3. Одинаковый, равный. 4. Некий, один, какой-то; какой-нибудь. 5. Целый, полный. 6. Приблизительно, примерно, около (в сочет. с числ.). 7. Совсем, совершенно, абсолютно. 8. Только, исключительно, лишь. 9. То..., то... (в знач. разд. союза). 10. Если, раз; коли (в знач. услов. союза). 11. Так; такой (в знач. усил. частицы). > *pĕre-pĕre* как-нибудь, когда-нибудь, разок; *pĕreshkel* одинаковый, сходный, однообразный || одинаково, сходно, однообразно; *pĕrle* 1. Вместе, совместно; воедино; слитно. 2. Одновременно; *pĕrlesh* 1. Объединяться, соединяться; сплавиваться. 2. Сходиться, соединяться. 3. Сойтись, вступить в брак, жениться; *pĕrlĕx* 1. Единение, сплоченность. 2. Единство; общность. 3. Гармония.

ЧАС ч. *sĕhet* [s'eγ'ĕt'], в. *сахат* [saγat]. 1. Час || часовой. 2. Часы. < араб. час; время; часы.

В целях упрощенной подачи частной языковой информации, как показывают предварительные наблюдения, нередко объемной (см. пример *один*), видимо, следует практиковать гиперссылочное развертывание материала.

Проект масштабный и предполагает участие в его реализации представителей всех народов Урало-Поволжья. Каждый национальный компонент словаря будет разрабатываться лингвистом-носителем языка.

Подготовка и издание многоязычных словарей – представляет новый уровень развития частных лингвистик народов Поволжья

и Урала. Реализация настоящего проекта позволит значительно улучшить практику составления качественных дву- и многоязычных словарей с широкими возможностями использования лексикографического материала.

Сокращения:

Абстр. – абстрактный, араб. – арабский язык, афф. – аффикс, в. – верховой диалект чувашского языка, доп. – дополнение, знач. – значение, конкр. – конкретный, мн. ч. – множественное число, н. – низовой диалект чувашского языка, обст. – обстоятельство, перен. – переносный, подл. – подлежащее, понуд. – понудительный, разд. – разделительный, сочет. – сочетание, усил. – усилительный, услов. – условный, ф. – форма, числ. – имя числительное.

Список литературы:

10. Иванова А.М., Кулакова В.М., Лемская В.М., Фомин Э.В. Чѣлхетерминѣсенчӑвашла-вырӑсла-нимѣсле-акӑлчанласловарӗ / Чӑвашпатшалӑх университетӗ. – Шупашкар, 2008. – 147 с.
11. Насибуллин Р.Ш. Русско-удмуртско-татарский словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 527 с.
12. Сергеев Л.П. XVIII ёмӗрти чӑвашӑру лӑхӗнна лӑкӗсем. – Шупашкар, 2004. – 106 с.
13. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 1996.
14. Чӑвашла-вырӑсла словарь = Чувашско-русский словарь / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Сов. Министров Чуваш. АССР; под ред. М.И. Скворцова. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1985. – 712 с.
15. Шашков В.Н. Русско-чувашско-английский словарь. – Чебоксары, 1996. – 200 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам XIV международной
научно-практической конференции*

№ 3 (14)
Март 2018 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 22.03.18. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,625. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
125009, Москва, Георгиевский пер. 1, стр.1, оф. 5
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru